

**Новосибирский государственный
педагогический университет**

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 2026

Наталья Яковлевна Большунова

главный редактор, доктор психологических наук, профессор

Заместители главного редактора

Т. В. Белашина, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск

Н. А. Галюк, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск

Д. В. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирск

Новосибирск

Учредитель: ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Развитие человека в современном мире/Human Development in the Modern World» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-76340 от 19 июля 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Е. В. Бакшутова, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, Самара

Е. О. Ермолова, кандидат психологических наук, доцент, Новосибирск

С. Ю. Жданова, доктор психологических наук, профессор, Пермь

К. Б. Кадыров, доктор психологических наук, профессор, Ташкент (Узбекистан)

Е. И. Кузьмина, доктор психологических наук, профессор, Москва

Е. Ю. Коржова, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

М. К. Кабардов, доктор психологических наук, профессор, Москва

В. В. Лемиш, кандидат психологических наук, доцент, Омск

Ю. М. Перевозкина, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск

О. А. Устинова, кандидат психологических наук, доцент, Новокузнецк

М. Г. Чухрова, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск

О. А. Шамшикова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

О. О. Андронникова, кандидат психологических наук, профессор, Новосибирск

Члены совета

Р. А. Агавелян, доктор психологических наук, профессор, Новосибирск

Н. С. Глуханюк, доктор психологических наук, профессор, Екатеринбург

А. В. Зобков, доктор психологических наук, профессор, Владимир

В. С. Чернявская, доктор педагогических наук, профессор, Владивосток

Л. В. Лидак, доктор психологических наук, профессор, Пятигорск

М. Миланков, доктор медицинских наук, профессор, Нови Сад (Сербия)

Т. И. Миронова, доктор психологических наук, профессор, Кострома

С. К. Нартова-Бочавер, доктор психологических наук, профессор, Москва

А. К. Осницкий, доктор психологических наук, профессор, Москва

М. М. Решетников, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

Б. Р. Кадыров, доктор психологических наук, профессор, Ташкент (Узбекистан)

Сенна Васконселос да Силва Валесно, доктор педагогики, профессор, Рио-де-Жанейро (Бразилия)

А. В. Серый, доктор психологических наук, профессор, Кемерово

И. Г. Соловьева, доктор медицинских наук, профессор, Новосибирск

Е. В. Черный, доктор психологических наук, профессор, Симферополь

М. А. Щукина, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

Е. В. Руденский, доктор социологических наук, профессор, Новосибирск

М. Я. Дворецкая, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербург

О. А. Москвитина, кандидат психологических наук, доцент, Москва

**Novosibirsk State
Pedagogical University**

HUMAN DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD

SCIENTIFIC PERIODICAL JOURNAL

№ 1 2026

Natalya Yakovlevna Bolshunova

Editor in chief, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor

Assistants of the Editor-in-chief

T. V. Belashina, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

N. A. Galyuk, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

D. V. Ivanov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Novosibirsk

Novosibirsk

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education
Novosibirsk State Pedagogical University

The journal "Human Development in the Modern World" is registered by Federal service
on supervision in sphere of communication, information technologies
and mass communications PI № FC77-76340 from July, 19th, 2019

The journal is placed in the Scientific electronic library and is included
in the Russian Scientific Citation Index

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

- E. V. Bakshutova**, Doctor of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Samara
E. O. Ermolova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk
K. B. Kadyrov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Tashkent (Uzbekistan)
S. Yu. Zhdanova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Perm
E. I. Kuzmina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
E. Yu. Korzhova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
M. K. Kabardov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
V. V. Lemish, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Omsk
Yu. M. Perevozkina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk
O. A. Ustinova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novokuznetsk
M. G. Chuhrova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk
O. A. Shamshikova, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Novosibirsk

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson

- O. O. Andronnikova**, Cand. of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk

Council members

- R. A. Agavelyan**, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Novosibirsk
N. S. Glukhanyuk, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Ekaterinburg
A. V. Zobkov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Vladimir
V. S. Chernyavskaya, Doctor of Sci. (Pedagogy), Professor, Vladivostok
L. V. Lidak, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Pyatigorsk
M. Milankov, PhD (Medicine), Professor, Novi Sad (Serbia)
T. I. Mironova, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kostroma
S. K. Nartova-Bochaver, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
A. K. Osnitsky, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Moscow
M. M. Reshetnikov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
B. R. Kadyrov, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Tashkent (Uzbekistan)
Senna Vasconcelos da Silva Valesio, Doctor of Sci. (Pedagogy), Professor,
Rio de Janeiro (Brazil)
A. V. Seryj, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Kemerovo
I. G. Solovyova, Doctor of Sci. (Medicine), Professor, Novosibirsk
E. V. Chernyj, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, Simferopol
M. A. Schukina, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
E. V. Rudensky, Doctor of Sci. (Sociol.), Professor, Novosibirsk
M. Ya. Dvoretzskaya, Doctor of Sci. (Psychol.), Professor, St. Petersburg
O. A. Moskvitina, Cand. of Sci. (Psychol.), Associate Professor, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

- Султанова А. Н., Филоненко Е. В., Тошмирзаева Г. Э., Манаенко Л. С.* (Новосибирск, Россия) Психологические последствия игровой компьютерной зависимости 7
- Чухрова М. Г., Пронин С. В., Гусева М. П.* (Новосибирск, Россия) Оптимальный смысл жизни как системная детерминанта субъективной удовлетворенности жизнью: теоретико-методологическое обоснование и пилотажная эмпирическая верификация 19

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Богданова О. А.* (Новосибирск, Россия) Личностные предикторы склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте 32
- Руденская Ю. Е.* (Новосибирск, Россия) Цифровое детство как фактор виктимизации развивающейся личности ребенка 52

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- Гребенникова Н. В.* (Барнаул, Россия) Влияние осмысленности жизни на параметры самоактуализации старшеклассников, обучающихся в психолого-педагогических классах 64
- Попель Н. В.* (Москва, Россия) Особенности социальной адаптации студентов-первокурсников колледжа 75

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Андронникова О. О., Белашина Т. В.* (Новосибирск, Россия) О Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Большуновские чтения: психология и культура», посвященной научной династии Большуновых 85
- Большунова Н. Я.* (Новосибирск, Россия) О Всероссийском форуме «Психология – образованию: психолого-педагогические аспекты современного образования» 87
- Устинова О. А.* (Новокузнецк, Россия) О VIII Международном фестивале психологии «Совесть как социокультурная целостность индивидуальности» 89

Журнал основан в 2017 г.
Выходит 4 раза в год
Компьютерная верстка И. Т. Илюк
Редактор Д. О. Зверева
Адрес редакции:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
8(383) 244-00-95.
Адрес издательства и типографии:
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
8(383) 244-06-62.

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 6,2.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7.
Формат 70x108/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет: 26.03.2026
Отпечатано в Издательстве НГПУ

© ФГБОУ ВО «НГПУ», 2026
Все права защищены

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- Sultanova A. N., Filonenko E. V., Toshmirzaeva G. E., Manaenko L. S.* (Novosibirsk, Russia) Psychological consequences of gaming computer addiction 7
- Chukhrova M. G., Pronin S. V., Guseva M. P.* (Novosibirsk, Russia) Optimal meaning of life as a systemic determinant of subjective life satisfaction: theoretical and methodological substantiation and pilot empirical verification 19

AGE PSYCHOLOGY

- Bogdanova O. A.* (Novosibirsk, Russia) Personality predictors of deviant behavior in late adolescence 32
- Rudenskaya Yu. E.* (Novosibirsk, Russia) Digital childhood as a factor in the victimization of the developing child's personality 52

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL LEARNING ENVIRONMENTS

- Grebennikova N. V.* (Barnaul, Russia) The influence of the meaningfulness of life on the parameters of self-actualization of high school students studying in psychological and pedagogical classes 64
- Popel N. V.* (Moscow, Russia) Characteristics of social adaptation of first-year college students 75

SCIENTIFIC LIFE

- Andronnikova O. O., Belashina T. V.* (Novosibirsk, Russia) On the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Bolshunov readings: psychology and culture", dedicated to the Bolshunov Scientific Dynasty 85
- Bolshunova N. Ya.* (Novosibirsk, Russia) On the All-Russian forum "Psychology for education: psycho-pedagogical aspects of modern education" 87
- Ustinova O. A.* (Novokuznetsk, Russia) On the VIII International psychology festival "Conscience as a sociocultural integrity of individuality" 89

The journal is based in 2017
Leaves 4 yearly
Electronic make-up operator I. T. Iliuk
Editor D. O. Zvereva
Editors address: 630126, Novosibirsk,
Vilyuiskaya, 28, т. 8(383) 244-00-95
Editors publisher and printing house:
630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,
т. 8(383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper
Printer's sheets: 8,2.
Publisher's sheets: 6,2.
Circulation 1000 issues.
Order № 7.
Format 70×108/16
Release date: 26.03.2026
Printed by Publishing House of the NSPU

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Развитие человека в современном мире. 2026. № 1
Human Development in the Modern World. 2026, no. 1

Научная статья
УДК 159.9.072

Психологические последствия игровой компьютерной зависимости

Аклима Накиповна Султанова¹, Екатерина Васильевна Филоненко¹,
Гульфира Эркин кизи Тошмирзаева¹, Лунита Сергеевна Манаенко¹

¹Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России,
Новосибирск, Россия

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена быстрым развитием новых технологий, таких как интернет, компьютеры разных видов, которые улучшили жизнь обычного человека, став незаменимой ее частью. Они считаются не только инструментом работы, но и одним из видов развлечения. У них есть различные негативные последствия. *Целью* исследования выступает выявление индивидуально-психологических особенностей личности как предрасполагающих факторов компьютерной активности с обозначением рекомендаций в профилактической работе. Исследование проводилось на базе компьютерных клубов г. Новосибирска; в нем приняло участие 30 человек (20 юношей и 10 девушек). Для выявления нужных для исследования параметров применялись шкала интернет-зависимости Чена, Фрайбургский личностный опросник, тест смысложизненных ориентаций (СЖО) и шкала мотивации гейминга (GAMS). Анализ результатов показал, что среди наиболее выраженных проявлений выступают проблемы с управлением временем (64 %), а также внутриличностные и связанные со здоровьем проблемы (57 %). Кроме того, высокая толерантность к этой аддикции наблюдается в 54 % случаев, что говорит о широкой распространенности проблемы. Игры требуют быстрого принятия решений, высокой концентрации и реакции, что вызывает у игроков повышенную раздражительность и эмоциональную лабильность. Недостаток контроля над временем и отсутствие интереса к другим сферам жизни могут привести к ухудшению психического состояния и повышению уровня невротичности. Полученные данные говорят о преобладании разновидности внешней мотивации, где игрок предпочитает изолироваться от мира под давлением чувства вины или тревоги. При анализе смысложизненных ориентаций наиболее интересной особенностью считается преобладание низких показателей, что выражает низкую осознанность респондентов. Психокоррекционное воздействие с использованием различных упражнений помогает геймерам развивать и укреплять навыки общения, лучше контролировать свои эмоции. Они становятся более толерантными, а также легче принимают новые точки зрения. Данные говорят о том, что повышение общей психологической устойчивости и благополучия может улучшить иммунную систему и общую физическую выносливость.

Ключевые слова: индивидуально-психологические особенности личности; смысложизненные ориентации; компьютерная зависимость; патологическая игра; компульсивная и проблемная игра.

Для цитирования: Султанова А. Н., Филоненко Е. В., Тошмирзаева Г. Э., Манаенко Л. С. Психологические последствия игровой компьютерной зависимости // Развитие человека в современном мире. – 2026. – № 1. – С. 7–18.

Original article

Psychological consequences of gaming computer addiction

**Aklima N. Sultanova¹, Ekaterina V. Filonenko¹, Gulfira E. Toshmirzaeva¹,
Lunita S. Manaenko**

¹*Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia*

Abstract. Due to the abundance of development of new technologies, such as computers, the Internet or smartphones, which have contributed to improving the life of an ordinary person, becoming an indispensable part. They are not only a tool of work, but also one of the types of entertainment. The aim of this study was to determine individual psychological features of personality as predisposing factors of computer activity with the designation of recommendations in preventive work. The study was conducted on the basis of computer clubs in Novosibirsk; 30 people took part (20 boys and 10 girls). To identify the parameters necessary for the study, the Chen Internet dependence scale, the Freiburg personality questionnaire, the test of meaningful orientations (SJO) and the gaming motivation scale (GAMS) were used. Analysis of the results showed that among the most popular manifestations are problems with time management (64 %), as well as intrapersonal and health-related problems (57 %). In addition, high tolerance to this addiction is observed in 54 % of cases, which indicates a wide prevalence of the problem. Games require quick decision making, high concentration and reaction, which can cause players to become more irritable and emotionally labile. Lack of control over time and lack of interest in other areas of life can lead to a deterioration in the mental state and an increase in the level of neuroticism. The findings suggest the dominance of a variety of external motivation, where the player prefers to isolate himself from the world under the pressure of guilt or anxiety. When analyzing meaningful orientations, the most interesting feature is the dominance of low indicators, which reflects the low awareness of respondents. Psychocorrection, using various exercises, helps gamers develop and strengthen communication skills, and better control their emotions. They become more tolerant and also accept new perspectives more easily. Evidence suggests that improving overall psychological resilience and well-being may improve the immune system and overall physical endurance.

Keywords: individual psychological personality traits; meaningful orientations; computer addiction; pathological game; compulsive and problem game.

For citation: Sultanova A. N., Filonenko E. V., Toshmirzaeva G. E., Manaenko L. S. Psychological consequences of gaming computer addiction. *Human Development in the Modern World*, 2026, no. 1, pp. 7–18. (In Russ.)

Введение. В последнее время люди сталкиваются с проблемой зависимости геймеров от компьютерных игр: кто-то может освободить себя от этого, а кто-то затягивается и с каждым днем уделяет все больше времени этому. Многие авторы дают различные определения термину «геймер» [4; 21]. Обычно геймерами называ-

ют людей разных возрастов, профессий, социального статуса, которых объединяет лишь одно – это ярые приверженцы компьютерных игр.

Известно, что в повседневной жизни у них есть индивидуальные различия по интересам, характеру и политическим взглядам, а также возможно разное семейное положение и материальный достаток. Тем не менее их сознание может переключаться на магов и волшебников, адмиралов и танкистов, зомби и сталкеров [5]. Такие люди живут в этом таинственном, полном нереальных опасностей виртуальном мире. Объединяет их одно – подвижность игрой, потребность в ней, но вместе с этим у них могут быть и другие ценности в жизни, например, работа или же путешествия, что простой человек – не геймер – также ценит в своей жизни [9].

Геймеры понимают, что есть негативные психологические и медицинские последствия их увлеченности компьютерными играми, но в то же время они делают акцент и на позитивных сторонах своей деятельности. Каждый из них осуществляет свой осознанный выбор. Те игроки, которые замечают только негативные факторы, возможно, отходят от активной игровой деятельности, а те, кто осознает не только негативные последствия игры, но и позитивные делают выбор в пользу геймерства. Они могут найти аргументы в свою защиту против тех, кто не принимает такой вид увлечения. У геймеров обширное поле знаний о стороне своей привязанности к компьютерным играм [16].

А. А. Аветисова провела исследование психологических особенностей геймеров, в результате которого определено, что для них характерна большая мотивация достижений, чем представителям иных субкультур [1]. Связано это с тем, что любая игра актуализирует потребность в достижении успеха, например, к повышению уровня в игре, уничтожению врага или решению какой-либо загадки, а также к соревновательности с другими геймерами или с разработчиками игры. Игроки рискуют чаще, чем обычные люди, из-за этого они вынуждены проигрывать больше, чем выигрывать [2]. Тем не менее рисковать не всегда значит проигрывать, риск может быть полезен в бизнесе вместе с высокой рациональностью мышления игроков. Успешность игры требует усмирения приключенческого риска, с развитием в игровой деятельности геймеры могут показывать рациональные решения и поведение.

Чрезмерная увлеченность компьютерными играми привлекательна для людей с низким уровнем адаптивности по причине того, что игры помогают отвлечься от повседневных проблем и заменить их виртуальной реальностью. Кроме этого, с помощью игр люди взаимодействуют и общаются друг с другом в социальном плане, несмотря на любые более или менее выраженные психологические проблемы, которые у них могут возникать в различных ситуациях [12].

Большинство людей регулярно играют в компьютерные игры, но для некоторых потребность в игре становится чрезмерной и приводит к функциональным нарушениям и психологическому стрессу. Для описания состояния, когда игра становится смыслом жизни, используются различные термины, такие как патологическая игра, компульсивная и проблемная игра, а также игровая зависимость и игровое расстройство [8; 13].

Компьютерное игровое расстройство относится к явлению, при котором люди неоднократно и чрезмерно погружаются в компьютерные игры, поведение человеком не контролируется, вызывая многочисленные функциональные нарушения. Игровое расстройство сосредоточено на исключении других видов деятельности: неспособность заниматься важными делами, потеря реальных социальных контак-

тов, отсутствие жизненного опыта и возможностей, а также нормальной повседневной рутины и ухода за собой [17].

Игровая зависимость связана с усилением агрессивного поведения, ухудшением физического и психологического благополучия, снижением производительности и ухудшением взаимоотношений между людьми, но эти негативные последствия необязательно связаны со временем, проведенным за игрой. Это может также проявляться и в разных конфликтах, которые есть у геймера, а игра – это способ уйти от реальности и помочь забыть о проблемах, существующих в реальном мире. Более серьезные игровые проблемы связаны с высоким уровнем одиночества, депрессии, тревоги и агрессии [10].

Есть различные факторы, из-за которых появляется игровая компьютерная зависимость. Можно выделить следующие важные причины игровой зависимости геймеров: потребность в получении информации, развитие мышления, решение различных задач, а также общение по ходу игрового процесса.

Цель статьи – выявить индивидуально-психологические особенности личности как предрасполагающие факторы компьютерной активности с обозначением рекомендаций по профилактике формирования игровой зависимости.

Методы. Исследование проводилось на базе компьютерных клубов г. Новосибирска. В нем приняло участие 30 человек: 20 юношей и 10 девушек; средний возраст респондентов составил $17,5 \pm 1,2$ год. Критерием включения в изучаемую выборку было наличие регулярной включенности в игровую компьютерную деятельность в анамнезе в течение последних 6 месяцев. Для выявления нужных для исследования параметров применялись шкала интернет-зависимости Чена, Фрайбургский личностный опросник, тест смысловых ориентаций (СЖО) и шкала мотивации гейминга (GAMS). Статистическая обработка полученных результатов проводилась с применением описательной статистики для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых, использовался критерий Вилкоксона.

По итогам диагностического этапа респонденты привлекались к психокоррекционной работе (продолжительность занятий 60 мин, 2 раза в неделю). В процессе тренинга участники развивали коммуникативные навыки, повышали стрессоустойчивость, корректировали мотивацию и эмоциональную устойчивость.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ методики «Шкала интернет-зависимости» показывает большую частоту высоких значений (44 %) игровой аддикции, при 23 % встречаемости низких значений. Среди наиболее частых проявлений можно выделить проблемы с управлением временем (64 %), а также внутриличностные и связанные со здоровьем (57 %). Кроме того, высокая толерантность к этой аддикции наблюдается в 54 % случаев, что говорит о широкой распространенности проблемы (рис. 1).

Вероятно, виртуальный мир игры предлагает геймерам ощущение контроля, достижения и признания, которое они не получают в реальной жизни. Это может привести к избыточному времени, проведенному в играх, чтобы избежать или смягчить свои эмоциональные проблемы.

Проблемы со здоровьем, такие как хроническая боль, инвалидность или психические расстройства, могут ограничить физическую активность и социальное взаимодействие у геймеров. В таких случаях игры могут стать способом уйти от боли или физического дискомфорта, а также предоставить возможность для социального

взаимодействия с другими игроками через онлайн-чаты или командную игру, что может быть особенно привлекательным для тех, кто испытывает социальную изоляцию из-за своего состояния здоровья.

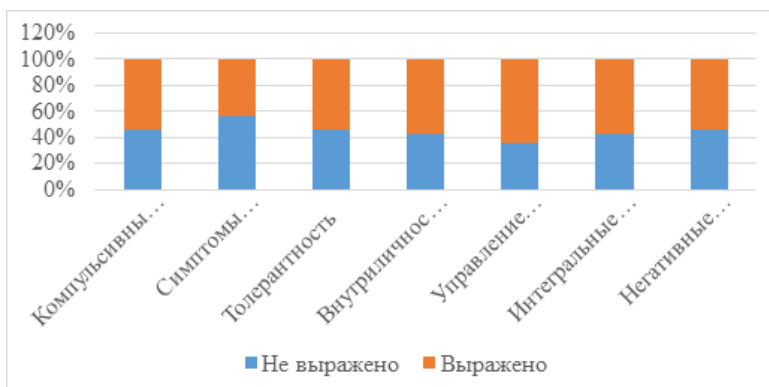

Рис. 1. Процентное распределение показателей по шкале интернет-зависимости Чена

Эти факторы могут создать опасный цикл, в котором геймеры все больше углубляются в виртуальный мир игр, чтобы избежать своих проблем, но это только усугубляет их реальные проблемы. Интернет-аддикция может проявляться в форме потери контроля над временем, проведенным в играх, отсутствия интереса к другим аспектам жизни, отчуждения от семьи и друзей, а также физических и психологических проблем, связанных с чрезмерным использованием интернета.

Потеря контроля за временем у геймеров с интернет-аддикцией происходит постепенно и незаметно. Сначала игрок наслаждается игровым процессом и проводит виртуальное время в мире игры, но по мере углубления в нее и увлечения, он тратит все больше и больше времени на игру, не замечая, как минуты превращаются в часы.

Интернет-аддикция приводит к сильной зависимости от онлайн-сообщества, где игроки общаются и взаимодействуют друг с другом. Это социальное взаимодействие может стать причиной того, что игроки проводят больше времени в игре, чем было задумано. Геймер может пропускать сон, чтобы продолжать играть, что, в свою очередь, приводит к хронической усталости и плохому самочувствию. Кроме того, постоянное проведение времени в виртуальном мире вызывает чувство отрыва от реальности и социальной изоляции.

Оценивая мотивационную сторону гейминга, стоит отметить превалирование низких значений (43 %) по амотивации, а также высокую встречаемость (40 %) низких значений по шкале внутренней мотивации. В то же время интроецированная регуляция встречается в большинстве (64 %) случаев (рис. 2).

Последние показатели говорят о доминировании разновидности внешней мотивации, где игрок предпочитает изолироваться от мира под давлением чувства вины или тревоги. Чувство вины возникает у геймеров из-за неудовлетворенности своей жизнью или недостатка достижений в реальном мире [18]. Они могут чувствовать себя неуверенно или неполноценно, что вызывает в них желание найти место, где они могут достичь успеха и удовлетворения [6].

Виртуальный мир предоставляет им возможность стать героями, получить признание и почести, которые они не получают в реальной жизни.

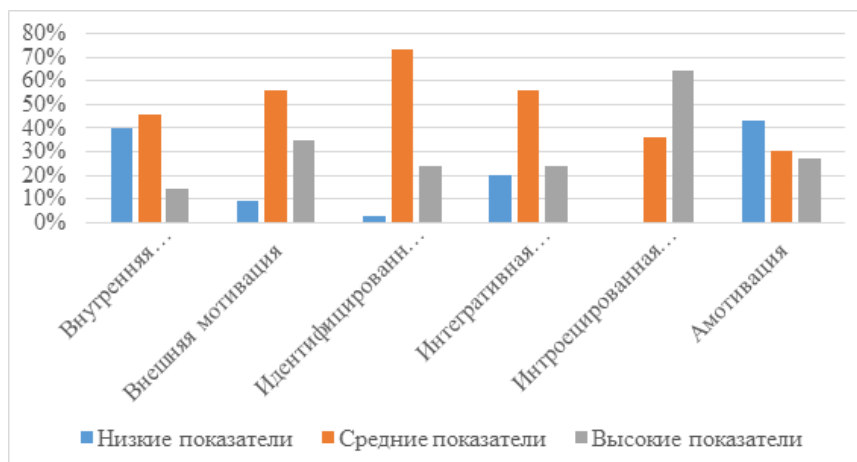

Рис. 2. Процентное распределение показателей мотивации гейминга среди интернет-пользователей

Тревога может быть связана с различными стрессовыми ситуациями или проблемами в реальной жизни. Геймеры тревожатся из-за социальной изоляции, конфликтов в отношениях и т. д. Внешняя мотивация связана с такими стимулами, как призы, награды и признание со стороны других участников игры. Игроки стремятся к достижению высокого уровня, получению редких предметов, чтобы получить похвалу или призы.

Геймеры часто играют в онлайн-игры, где соревнование с другими игроками считается важной частью игрового процесса. Внешняя мотивация возникает из желания превзойти других игроков, победить в соревнованиях или доказать свою силу и умение. Это связано с желанием получить признание и уважение со стороны других игроков.

При анализе смысловых ориентаций наиболее интересной особенностью считается преобладание низких показателей, что выражает низкую осознанность респондентов. Тем не менее по шкалам «результативность жизни» и «локус-контроля “Я”» в большей степени представлены средние значения (рис. 3).

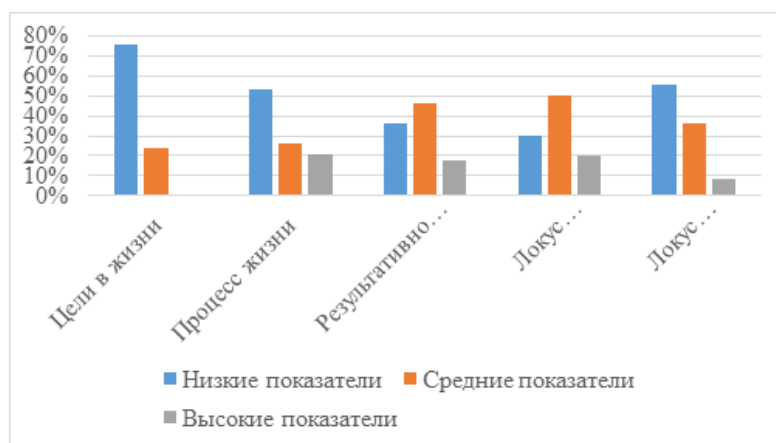

Рис. 3. Процентное распределение показателей смысловых ориентаций среди геймеров

Игры создают иллюзию контроля и достижения, которая отличается от реального мира. Виртуальные миры предлагают геймерам возможность стать героями, преодолевать сложности и достигать целей без значительных усилий [7]. Это может привести к недооценке реальных трудностей и неспособности справиться с ними, что в конечном итоге вызывает разочарование и неудовлетворенность в реальной жизни [14].

Люди с интернет-аддикцией осознанны из-за отсутствия баланса между играми и другими аспектами жизни. Потребность в играх может превратиться в преобладающую силу, забирая время и энергию, которые могли бы быть направлены на развитие личных и профессиональных навыков [11].

Фрайбургский личностный опросник выявил наибольшую частоту высоких значений по шкалам «раздражительность» (58 %), «эмоциональная лабильность» (47 %), а также «невротичность» (44 %). В этом контексте речь идет о невротизации личности на фоне интернет-зависимости (рис. 4).

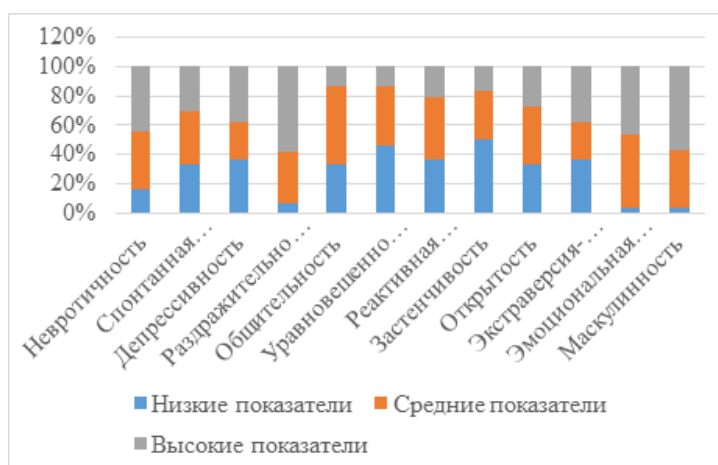

Рис. 4. Процентное распределение показателей по Фрайбургскому личностному опроснику

Игры могут стать источником повышенного стресса и напряжения. Некоторые из них требуют быстрого принятия решений, высокой концентрации и реакции, что вызывает у игроков повышенную раздражительность и эмоциональную лабильность [15]. Недостаток контроля над временем и затратами, а также отсутствие интереса к другим сферам жизни, приводят к ухудшению психического состояния и повышению уровня невротичности [19].

Сравнительный анализ результатов методик в динамике психокоррекционного воздействия по критерию Вилкоксона выявил значимые различия среди некоторых личностных особенностей. Изменения в исследуемой группе отражают повышение средних значений общительности, уравновешенности и открытости. Кроме того, были снижены показатели раздражительности, эмоциональной лабильности и негативных последствий для здоровья (табл.).

Сравнение индивидуально-психологических особенностей у испытуемых в динамике психокоррекционного воздействия

Шкалы	До коррекции		После коррекции		Z	p
	M	SD	M	SD		
Негативные последствия	27,20	10,29	21,80	7,85	2,06	0,04
Раздражительность	6,33	1,92	4,77	1,65	3,04	0,00
Общительность	4,47	1,78	5,53	1,81	-2,14	0,03
Уравновешенность	3,97	2,09	5,47	1,74	-2,87	0,00
Открытость	4,83	2,00	6,03	1,90	-2,25	0,02
Эмоциональная лабильность	6,27	1,80	4,50	1,85	3,21	0,00

Таким образом, выявлено, что психокоррекционное воздействие на геймеров с использованием таких упражнений, как «пустой стул», «развитие чужой мысли» и «невербальное общение», помогает развивать и укреплять навыки общения. Испытуемые становятся более коммуникабельными, улучшается их способность к общению и взаимодействию с другими людьми. Они проявляют большую заинтересованность в общении, легче устанавливают контакты и лучше понимают социальные нормы и ожидания.

Геймеры в результате тренировки релаксационных дыхательных упражнений лучше контролируют свои эмоции, не поддаваясь чрезмерным колебаниям настроения [3].

Уравновешенность, выработанная при использовании дыхания по квадрату и диафрагмального дыхания, помогает им справляться со стрессом и трудностями более эффективно, а также повышает общую жизненную удовлетворенность. Благодаря когнитивному диспуту они становятся более толерантными к различиям и легче принимают новые точки зрения [20]. Это развивает их творческий потенциал, а также повышает способность к адаптации к изменяющимся условиям.

Кроме того, они меньше поддаются чрезмерным эмоциональным всплескам и сохраняют эмоциональную стабильность даже в сложных ситуациях. Данные говорят о том, что повышение общей психологической устойчивости и благополучия улучшает иммунную систему и общую физическую выносливость.

Выводы. Среди наиболее популярных проявлений можно выделить проблемы с управлением временем (64 %), а также внутриличностные и связанные со здоровьем (57 %). Кроме того, высокая толерантность к этой аддикции наблюдается в 54 % случаев, что говорит о широкой распространенности проблемы. Игры требуют быстрого принятия решений, высокой концентрации и реакции, что вызывает у игроков повышенную раздражительность и эмоциональную лабильность. Недостаток контроля за временем и отсутствие интереса к другим сферам жизни приводят к ухудшению психического состояния и повышению уровня невротичности. Полученные данные говорят о доминировании разнovidности внешней мотивации, где игрок предпочитает изолироваться от мира под давлением чувства вины или тревоги. При анализе смысложизненных ориентаций наиболее интересной особенностью считается преобладание низких показателей, что выражает низкую осоз-

нанность респондентов. Психокоррекционное воздействие с использованием различных упражнений помогает геймерам развивать и укреплять навыки общения, лучше контролировать свои эмоции. Они становятся более толерантными, а также легче принимают новые точки зрения. Данные говорят о том, что повышение общей психологической устойчивости и благополучия улучшает иммунную систему и общую физическую выносливость.

Список источников

1. *Аветисова А. А.* Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2011. – Т. 8, № 4. – С. 35–58.
2. *Агафонова П. А., Чернявская В. С.* Направленность личности и самоотношение у подростков с позитивным и негативным образом тела // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 3. – С. 38–54.
3. *Ермолова Е. О., Гладка А. В.* Дыхательные практики в повышении стрессоустойчивости личности // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 3. – С. 7–19.
4. *Жильцов А. И., Хомутникова Е. А., Багрецов Д. Н.* Психологические особенности представителей субкультуры «геймеры» // Молодежь и наука. – 2018. – № 3. – С. 40.
5. *Закирова Г. М.* Особенности психологических границ личности и коммуникативной активности студентов в связи с суверенностью в реальном и виртуальном пространстве // Развитие человека в современном мире. – 2023. – № 2. – С. 89–98.
6. *Кабардов М. К., Гут Ю. Н., Ланских М. В., Бочарникова Е. А.* Социальный интеллект как условие профессиональной успешности молодых людей // Развитие человека в современном мире. – 2023. – № 2. – С. 17–33.
7. *Раскумандрина М. Е.* Детско-родительские отношения и формирование личности подростка // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 1. – С. 81–93.
8. *Сизикова Т. Э., Сизиков А. В.* Прерогатива человека в эпоху искусственного интеллекта // Развитие человека в современном мире. – 2024. – № 3. – С. 20–37.
9. *Файзулина Ф. Р., Хван Е. А.* Психологические особенности личности геймеров // Проблемы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении: сборник материалов II международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 19–20 мая 2017 г.). – СПб.: НИЦ АРТ, 2017. – С. 135–138.
10. *Ahmed G. K., Abdalla A. A., Mohamed A. M.* [et al.]. Relation between internet gaming addiction and comorbid psychiatric disorders and emotion avoidance among adolescents: a cross sectional study // Psychiatry Research. – 2022. DOI: 10.1016/j.psychres.2022.114584
11. *Conroy D., Chadwick D., Fullwood C.* “You have to know how to live with it without getting to the addiction part”: British young adult experiences of smartphone overreliance and disconnectivity // Psychology of Popular Media. – 2023. – № 12 (4). – P. 471–480. DOI: 10.1037/ppm0000425
12. *Coutelle R., Balzer J., Rolling J., Lalanne L.* Problematic gaming, psychiatric comorbidities and adolescence: a systematic review of the literature // Addictive Behaviors. – 2024. DOI: 10.1016/j.addbeh.2024.108091
13. European Commission: commission opens formal proceedings against Meta under the digital services act related to the protection of minors on Facebook and Instagram [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_2664 (date of access: 02.12.2025).
14. *Flayelle M., Brevers D., King D. L.* A taxonomy of technology design features that promote potentially addictive online behaviours // Nature Reviews Psychology. – 2023. – № 2 (3). – P. 136–150. DOI: 10.1038/s44159-023-00153-4
15. *Gerosa T., Gui M.* Earlier smartphone acquisition negatively impacts language proficiency, but only for heavy media users. Results from a longitudinal quasi-experimental study // Social Science Research. – 2023. – Vol. 114. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2023.102915

16. Peng P., Chen Z., Ren S. [et al.]. Internet gaming disorder and suicidal behaviors mediated by sleep disturbance: a large-scale school-based study in 135, 174 Chinese middle school students // *European Child & Adolescent Psychiatry*. – 2025. – Vol. 34. – P. 2571–2583. DOI: 10.1007/s00787-025-02675
17. Ropovik I., Martončík M., Babinčák P., Baník G. [et al.]. Risk and protective factors for (internet) gaming disorder: a meta-analysis of pre-COVID Studies // *Addictive Behaviors*. – 2023. DOI: 10.1016/j.addbeh.2022.107590
18. Shi Y., Koval P., Kostakos V., Goncalves J. [et al.]. “Instant happiness”: smartphones as tools for everyday emotion regulation // *International Journal of Human-Computer Studies*. – 2023. – Vol. 170. – P. 1–14. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2022.102958
19. Wang J., Hao Q. H., Peng W., Tu Y. [et al.]. Relationship between smartphone addiction and eating disorders and lifestyle among Chinese college students // *Frontiers in Public Health*. – 2023. – № 19 (11). DOI: 10.3389/fpubh.2023.1111477
20. Zarhin D. How and why people use mobile phones near bedtime and in bed: Israelis’ narratives of digitally enabled sleepful sociality // *Sociology*. – 2024. – № 58 (1). – P. 83–99. DOI: 10.1177/00380385231157560
21. Zhou R., Xiao X.-Y., Huang W.-J., Wang F. [et al.]. Video game addiction in psychiatric adolescent population: a hospital-based study on the role of individualism from South China // *Brain and Behavior*. – 2023. – № 13. DOI: 10.1002/brb3.3119

References

1. Avetisova A. A. Psychological characteristics of computer game players. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2011, vol. 8, no. 4, pp. 35–58. (In Russian)
2. Agafonova P. A., Chernyavskaya V. S. Personality orientation and self-attitude in adolescents with positive and negative body image. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 3, pp. 38–54. (In Russian)
3. Ermolova E. O., Gladka A. V. Breathing practices in enhancing personal stress resistance. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 3, pp. 7–19. (In Russian)
4. Zhiltsov A. I., Khomutnikova E. A., Bagretsov D. N. Psychological characteristics of representatives of the “gamer” subculture. *Youth and Science*, 2018, no. 3, p. 40. (In Russian)
5. Zakirova G. M. Features of psychological boundaries of personality and communicative activity of students in connection with sovereignty in real and virtual space. *Human Development in the Modern World*, 2023, no. 2, pp. 89–98. (In Russian)
6. Kabardov M. K., Gut Yu. N., Lanskich M. V., Bocharnikova E. A. Social intelligence as a condition for professional success of young people. *Human Development in the Modern World*, 2023, no. 2, pp. 17–33. (In Russian)
7. Raskumandrina M. E. Parent-child relationships and adolescent personality formation. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 1, pp. 81–93. (In Russian)
8. Sizikova T. E., Sizikov A.V. The prerogative of humans in the era of artificial intelligence. *Human Development in the Modern World*, 2024, no. 3, pp. 20–37. (In Russian)
9. Faizulina F. R., Khvan E. A. Psychological characteristics of gamers’ personalities. Problems of psychological and pedagogical work in modern educational institutions: collection of materials of the II International Scientific and practical conference (Saint Petersburg, May 19–20, 2017). Saint Petersburg: Research Center of Art, 2017, pp. 135–138. (In Russian)
10. Ahmed G. K., Abdalla A. A., Mohamed A. M. [et al.]. Relation between internet gaming addiction and comorbid psychiatric disorders and emotion avoidance among adolescents: a cross sectional study. *Psychiatry Research*, 2022. DOI: 10.1016/j.psychres.2022.114584
11. Conroy D., Chadwick D., Fullwood C. “You have to know how to live with it without getting to the addiction part”: British young adult experiences of smartphone overreliance and disconnectivity. *Psychology of Popular Media*, 2023, no. 12 (4), pp. 471–480. DOI: 10.1037/ppm0000425

12. Coutelle R., Balzer J., Rolling J., Lalanne L. Problematic gaming, psychiatric comorbidities and adolescence: a systematic review of the literature. *Addictive Behaviors*, 2024. DOI: 10.1016/j.addbeh.2024.108091
13. European Commission: commission opens formal proceedings against Meta under the digital services act related to the protection of minors on Facebook and Instagram [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_24_2664 (date of access: 02.12.2025).
14. Flayelle M., Brevers D., King D. L. A taxonomy of technology design features that promote potentially addictive online behaviours. *Nature Reviews Psychology*, 2023, no. 2 (3), pp. 136–150. DOI: 10.1038/s44159-023-00153-4
15. Gerosa T., Gui M. Earlier smartphone acquisition negatively impacts language proficiency, but only for heavy media users. Results from a longitudinal quasi-experimental study. *Social Science Research*, 2023, vol. 114. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2023.102915
16. Peng P., Chen Z., Ren S. [et al.]. Internet gaming disorder and suicidal behaviors mediated by sleep disturbance: a large-scale school-based study in 135, 174 Chinese middle school students. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2025, vol. 34, pp. 2571–2583. DOI: 10.1007/s00787-025-02675
17. Ropovik I., Martončík M., Babinčák P., Baník G. [et al.]. Risk and protective factors for (internet) gaming disorder: a meta-analysis of pre-COVID Studies. *Addictive Behaviors*, 2023. DOI: 10.1016/j.addbeh.2022.107590
18. Shi Y., Koval P., Kostakos V., Goncalves J. [et al.]. “Instant happiness”: smartphones as tools for everyday emotion regulation. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2023, vol. 170, pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.ijhcs.2022.102958
19. Wang J., Hao Q. H., Peng W., Tu Y. [et al.]. Relationship between smartphone addiction and eating disorders and lifestyle among Chinese college students. *Frontiers in Public Health*, 2023, no. 19 (11). DOI: 10.3389/fpubh.2023.1111477
20. Zarhin D. How and why people use mobile phones near bedtime and in bed: Israelis’ narratives of digitally enabled sleepful sociality. *Sociology*, 2024, no. 58 (1), pp. 83–99. DOI: 10.1177/00380385231157560
21. Zhou R., Xiao X.-Y., Huang W.-J., Wang F. [et al.]. Video game addiction in psychiatric adolescent population: a hospital-based study on the role of individualism from South China. *Brain and Behavior*, 2023, no. 13. DOI: 10.1002/brb3.3119

Информация об авторах

А. Н. Султанова – доктор медицинских наук, профессор кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии, Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-6420-6591>, SPIN-код РИНЦ: 5719-0860, sultanova.aklima@yandex.ru.

Е. В. Филоненко – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии, Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Новосибирск, Россия, SPIN-код РИНЦ: 6101-0102, Author ID: 230768, ulixes@yandex.ru.

Г. Э. Тощмирзаева – преподаватель кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии, Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0009-0006-5297-1687>, toshmirzaevagulfira@gmail.com.

Л. С. Манаенко – преподаватель кафедры психиатрии, наркологии, психотерапии и клинической психологии, Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5656-9445>, lunitakorovina@yandex.ru.

Information about the authors

A. N. Sultanova – Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6420-6591>, RSCI SPIN code: 5719-0860, sultanova.aklima@yandex.ru.

E. V. Filonenko – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, RSCI SPIN code: 6101-0102, Author ID: 230768, ulixes@yandex.ru.

G. E. Toshmirzaeva – Lecturer at the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0009-0006-5297-1687>, toshmirzaevagulfira@gmail.com.

L. S. Manaenko – Lecturer at the Department of Psychiatry, Narcology, Psychotherapy and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5656-9445>, lunitakorovina@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 15.02.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 15.02.2026.

Научная статья

УДК 159.9

Оптимальный смысл жизни как системная детерминанта субъективной удовлетворенности жизнью: теоретико-методологическое обоснование и пилотажная эмпирическая верификация

**Марина Геннадьевна Чухрова^{1,2}, Сергей Владимирович Пронин²,
Мария Павловна Гусева²**

¹*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

²*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия*

Аннотация. Статья посвящена преодолению методологического пробела в исследованиях связи смысла жизни и субъективного благополучия, связанного с редукцией анализа к количественным показателям наличия смысла. Цель работы – теоретико-методологическое обоснование и пилотажная эмпирическая верификация структурно-функциональной модели оптимального смысла жизни как системной детерминанты удовлетворенности жизнью. На основе интегративного анализа отечественных (В. Э. Чудновский, К. В. Карпинский, Д. А. Леонтьев) и зарубежных (В. Франкл, теория самодетерминации, модель конкордантности целей) подходов обоснована концепция, согласно которой влияние смысла на благополучие опосредовано его качественными характеристиками. Выделены четыре структурных компонента оптимальности: реалистичность (соответствие целей объективным условиям), конгруэнтность (согласованность с аутентичными ценностями), интегративность (целостность жизненной линии) и временная сбалансированность (связь прошлого, настоящего и будущего). В пилотажном исследовании (N = 127, 18–55 лет) с использованием теста смысложизненных ориентаций (СЖО), авторского опросника оптимальности смысла жизни (ОСМ), шкалы удовлетворенности жизнью (SWLS) и шкалы психологического благополучия К. Рифф получены предварительные подтверждения гипотезы. Корреляционный анализ показал, что интегральный показатель оптимальности связан с удовлетворенностью жизнью ($r = 0,67$ против $r = 0,52$ для общего показателя СЖО, $p < 0,01$) и психологическим благополучием ($r = 0,71$ против $r = 0,58$, $p < 0,01$). Регрессионный анализ выявил, что шкалы «Конгруэнтность» и «Реалистичность» объясняют 52 % дисперсии удовлетворенности жизнью, при этом вклад общего показателя осмысленности становится незначимым при учете качественных параметров. Кластерный анализ подтвердил, что респонденты с «гармоничным оптимальным смыслом» обладают достоверно более высокими показателями благополучия. Делается вывод, что операционализация оптимальности смысла открывает перспективы для разработки более точных диагностических инструментов и мишеней психологической коррекции, смещая фокус с терапии экзистенциального вакуума на оптимизацию качественных параметров смысловой сферы.

Ключевые слова: оптимальный смысл жизни; субъективная удовлетворенность жизнью; структурно-функциональная модель; смысложизненные ориентации; психологическое благополучие; качественные характеристики смысла; конгруэнтность; реалистичность.

Для цитирования: Чухрова М. Г., Пронин С. В., Гусева М. П. Оптимальный смысл жизни как системная детерминанта субъективной удовлетворенности жизнью: теоретико-методологическое обоснование и пилотажная эмпирическая верификация // Развитие человека в современном мире. – 2026. – № 1. – С. 19–31.

Original article

Optimal meaning of life as a systemic determinant of subjective life satisfaction: theoretical and methodological substantiation and pilot empirical verification

Marina G. Chukhrova^{1,2}, Sergey V. Pronin², Maria P. Guseva²

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The article addresses a methodological gap in research on the relationship between the meaning of life and subjective well-being, specifically the reductionist focus on quantitative indicators of the presence of meaning. The aim of the paper is to provide a theoretical and methodological justification and pilot empirical verification of a structural-functional model of the optimal meaning of life as a systemic determinant of life satisfaction. Based on an integrative analysis of Russian (V. E. Chudnovsky, K. V. Karpinsky, D. A. Leontiev) and Western (V. Frankl, Self-Determination Theory, the Goal Concordance Model) approaches, we substantiate a concept positing that the impact of meaning on well-being is mediated by its qualitative characteristics. Four structural components of optimality are identified: realism (alignment of goals with objective conditions), congruence (consistency with authentic values), integrativity (coherence of one's life narrative), and temporal balance (connection between past, present, and future). A pilot study (N = 127, age 18–55) employing the Life Purpose Test (SJO), the authors' original Meaning Optimality Questionnaire (OSM), the Satisfaction with Life Scale (SWLS), and Ryff's Psychological Well-Being Scale provided preliminary confirmation of the hypothesis. Correlation analysis revealed that the integral optimality index correlates more strongly with life satisfaction ($r = 0,67$ vs $r = 0,52$ for the general SJO index, $p < 0,01$) and psychological well-being ($r = 0,71$ vs $r = 0,58$, $p < 0,01$). Regression analysis showed that the "Congruence" and "Realism" scales explain 52 % of the variance in life satisfaction, while the contribution of the general meaningfulness score becomes insignificant when qualitative parameters are considered. Cluster analysis confirmed that respondents with a "harmonious optimal meaning" exhibit significantly higher well-being indicators. It is concluded that the operationalization of meaning optimality offers prospects for developing more accurate diagnostic tools and targets for psychological intervention, shifting the focus from treating existential vacuum to optimizing the qualitative parameters of the meaning sphere.

Keywords: optimal meaning of life; subjective life satisfaction; structural-functional model; life-purpose orientations; psychological well-being; qualitative characteristics of meaning; congruence; realism.

For citation: Chukhrova M. G., Pronin S. V., Guseva M. P. Optimal meaning of life as a systemic determinant of subjective life satisfaction: theoretical and methodological substantiation and pilot empirical verification. *Human Development in the Modern World*, 2026, no. 1, pp. 19–31. (In Russ.)

Введение. Феномен смысла жизни традиционно занимает центральное место в психологической мысли, выступая интегративной характеристикой человеческого существования. Историко-теоретический анализ показывает, что как в западной (экзистенциальной, гуманистической), так и в отечественной (деятельностной) традициях смысл жизни признается фундаментальным фактором психологического благополучия, личностного развития и адаптации [1; 2; 15; 24]. Многие эмпирические исследования подтверждают положительную корреляцию между наличием смысло-жизненных ориентаций и показателями субъективной удовлетворенности жизнью (СУЖ) [24; 33; 40].

Тем не менее накопленные данные выявляют методологический парадокс: наличие формально выраженного смысла жизни не считается гарантией высокого благополучия. Исследования показывают, что до 20 % респондентов с четкими смысло-жизненными ориентациями проявляют низкие показатели СУЖ [35]. Кроме того, активный поиск смысла часто коррелирует со снижением благополучия и повышением тревожности [19], а сохранение неадекватных смысловых ориентиров может приводить к «смысловому кризису» [7]. Этот парадокс указывает на редукционизм преобладающего количественного подхода, фокусирующегося на факте наличия или интенсивности смысла, в ущерб анализу его качественных характеристик. Как отмечают отечественные исследователи, именно качество смысловой регуляции, а не сам факт ее наличия, определяет ее конструктивный или деструктивный потенциал для личности [7; 18; 25].

Таким образом, проблема исследования заключается в необходимости преодоления редукционистской парадигмы через разработку и операционализацию модели, описывающей влияние качественных параметров смысла жизни на субъективную удовлетворенность жизнью.

Теоретическое обоснование структурно-функциональной модели оптимального смысла жизни. Интегративный анализ философских и психологических оснований концепции смысла жизни показывает глубокие экзистенциальные корни этой проблемы. В русской религиозно-философской традиции (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев) смысл жизни рассматривался как трансцендентная ценность [4; 5]. Бердяев подчеркивал, что сам процесс искания смысла придает жизни осмысленность. В западной экзистенциальной философии (Ж.-П. Сартр) акцент смещается на абсолютную свободу и ответственность личности за создание собственного смысла [21].

В зарубежной психологии особую роль сыграла логотерапия В. Франкла, постулировавшего «волю к смыслу» как базовую мотивационную силу [15; 23]. Развивая его идеи, А. Лэнгле предложил модель фундаментальных экзистенциальных мотиваций [17; 18]. Важное направление представляет теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [32], в рамках которой К. Шелдон разработал модель конкордантности целей [41]. Конкордантные цели, согласованные с глубинными потребностями и ценностями личности, ведут к большему благополучию, что эмпирически переключается с идеями об оптимальности смысла. Феноменологический подход Ю. Джендлина акцентирует роль непосредственно ощущаемого, дологического «ощущаемого смысла» (felt sense) в процессе смыслообразования [34].

В отечественной психологии смысл традиционно исследуется в контексте деятельности (А. Н. Леонтьев) и развития личности как субъекта жизненного пути (С. Л. Рубинштейн) [13; 20]. Б. С. Братусь связал подлинный смысл с нравствен-

но-ценностной ориентацией [6]. Системный вклад в разработку проблемы внесли В. Э. Чудновский и К. В. Карпинский [24–26; 8–12]. Чудновский ввел и обосновал понятие оптимального смысла жизни как гармонической структуры ориентаций, обеспечивающей максимальное раскрытие способностей и удовлетворенность жизнью [25]. Карпинский развил эту концепцию, предложив систему признаков оптимальности/неоптимальности смысла (реалистичность, конгруэнтность, интегративность и др.). Его эмпирические исследования показали, что неоптимальные смыслы выступают источником кризисов даже при формально высоких показателях осмысленности [7; 10–12]. Д. А. Леонтьев исследовал смысл жизни как динамическую смысловую систему, разработав диагностический инструмент – тест смысложизненных ориентаций (СЖО) [14; 15].

Современный этап характеризуется ростом эмпирических исследований смысложизненных феноменов, выявивших несколько противоречий [30; 40]. Метаанализы подтверждают устойчивую, но умеренную связь между наличием смысла и благополучием [33; 34]. Тем не менее все чаще фиксируются парадоксальные данные. Т. Шнель эмпирически показала, что смыслонаполненность (meaningfulness) и кризис смысла выступают не двумя полюсами одного континуума, а независимыми конструктами [39; 40]. Она же ввела понятие «экзистенциальное безразличие», под которым понимается состояние отсутствия как кризиса, так и активного поиска смысла. Исследования показывают сложную, опосредованную роль поиска смысла, который может выступать и как ресурс личностного роста, и как симптом неблагополучия [19; 31].

Накопленный массив данных высвечивает центральную проблему: недостаточность категории «наличие/отсутствие смысла» для объяснения механизмов его влияния на благополучие подтверждает связь смысла жизни с психическим и физическим здоровьем, устойчивостью к стрессу, посттравматическим ростом, эффективностью психотерапии [16; 29; 30].

Требуется переход к более тонким качественным моделям, объясняющим, какой именно смысл, каким образом он помогает или препятствует достижению удовлетворенности жизнью. Проведенный анализ указывает на то, что нужно сначала выделить системообразующие компоненты оптимального смысла жизни, что возможно на основе синтеза концепций В. Э. Чудновского и К. В. Карпинского с современными западными подходами.

Именно эту задачу призвана решить предлагаемая концепция оптимального смысла жизни как детерминанты субъективной удовлетворенности жизнью.

Предлагаемая структурно-функциональная модель оптимального смысла жизни концептуально базируется на синтезе следующих положений: 1) отечественной деятельностно-смысловой парадигмы (В. Э. Чудновский, К. В. Карпинский); 2) западных теорий благополучия (Э. Динер) и эвдемонической (К. Рифф, М. Селлигман), задающих целевые переменные (удовлетворенность жизнью, психологическое благополучие); 3) концепций мотивации и целеполагания (теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, модель конкордантности целей К. Шелдона), объясняющих механизмы связи внутренних ценностей и благополучия.

Модель постулирует, что оптимальный смысл жизни считается не простой суммой признаков, а системным образованием, в котором структурные компоненты обуславливают функциональные свойства, детерминирующие СУЖ.

На основе работ К. В. Карпинского и их сопоставления с зарубежными конструктами выделены четыре ключевых структурных компонента оптимального смысла жизни [7; 10–12]:

1. Реалистичность (адекватность) – соответствие смысложизненных целей и ориентиров объективным условиям жизни, контекстуальным возможностям и личным ресурсам индивида. Препятствует формированию «выученной беспомощности» и хронической фрустрации [22]. Эмпирически соотносится с исследованиями реалистичного целеполагания [20].

2. Конгруэнтность – согласованность смысла жизни с глубинными, аутентичными потребностями, ценностями и идентичностью личности. Считается аналогом конкордантности целей в модели К. Шелдона и обеспечивает внутреннюю мотивацию, автономию и переживание аутентичности [42].

3. Интегративность – способность смысла жизни объединять разрозненные цели, мотивы, роли и жизненные события в целостную, непротиворечивую «линию жизни» (В. Э. Чудновский). Снижает внутренние конфликты и когнитивный диссонанс, образуя связный личный нарратив [27].

4. Временная сбалансированность – гармоничная связь смысла с прошлым опытом (его принятие и интеграция), настоящей деятельностью и будущими целями. Обеспечивает чувство непрерывности, управляемости жизни, связано с концепцией сбалансированной временной перспективы [36; 47].

Дефицит или искажение любого из этих компонентов ведет к формированию неоптимального смысла, который, даже будучи субъективно ясным и сильным, может выступать источником внутренних конфликтов и снижения благополучия [7; 12].

Функциональные аспекты оптимального смысла жизни и механизмы их влияния на СУЖ реализуются через три ключевые функции, непосредственно детерминирующие различные аспекты удовлетворенности жизнью. Первая – регулятивная функция, обеспечивается интегративностью и временной сбалансированностью. Оптимальный смысл служит внутренним стандартом, «системой координат» для оценки жизненных событий, их селекции и интерпретации. Это стабилизирует когнитивно-оценочный компонент СУЖ (глобальную оценку удовлетворенности по Динеру), делая ее менее зависимой от ситуативных неудач. Механизм влияния на СУЖ обеспечивается тем, что смысл выступает как ядро личного нарратива, обеспечивающее когнитивную согласованность и чувство связности жизни [27; 28; 34].

Органично выделяется адаптивная функция оптимальности смысла жизни, которая обеспечивается реалистичностью и, отчасти, временной сбалансированностью. Оптимальный смысл жизни задает гибкие, но устойчивые стратегии поведения и совладания (копинга). Он позволяет адекватно оценивать трудности, мобилизовывать ресурсы и находить новые пути реализации замысла в меняющихся условиях. Это поддерживает аффективный компонент СУЖ, способствуя преобладанию позитивных эмоций за счет успешного преодоления препятствий и ощущения компетентности. Механизм влияния на СУЖ следующий: реалистичный и сбалансированный смысл развивает жизнестойкость (resilience) и гибкое совладающее поведение [42].

Наконец, ресурсная (мотивационно-энергетическая) функция оптимального смысла жизни, которая обеспечивается конгруэнтностью и интегративностью. Конгруэнтный смысл, согласованный с глубинными ценностями, сам становится мощным внутренним ресурсом. Его реализация порождает переживания потока, осмысленности, аутентичности, что составляет суть экзистенциального благополучия.

чия (по Рифф). Эта функция обеспечивает энергию и устойчивость для долгосрочной деятельности. Механизм реализации влияния на СУЖ: конгруэнтный смысл активирует систему внутренней мотивации, что сопровождается позитивными нейрофизиологическими коррелятами (активация системы подкрепления) и удовлетворением базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связанности [26; 32; 41].

Схематически модель может быть представлена следующим образом (рис.).

Рис. Структурно-функциональная модель оптимального смысла жизни как детерминанты субъективной удовлетворенности жизнью

Базовые положения представленной модели апробированы в процессе пилотажного эмпирического исследования.

Цель статьи: теоретико-методологическое обоснование, разработка и пилотажная эмпирическая верификация структурно-функциональной модели оптимального смысла жизни как системной детерминанты субъективной удовлетворенности жизнью.

Методы. В исследовании приняли участие 127 человек в возрасте от 18 до 55 лет ($M = 28,4$; $SD = 9,7$), из них 68 % женщин, 32 % мужчин. Выборка была доступной и формировалась на добровольной основе.

Психодиагностический инструментарий включал следующие методики:

1. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева – для измерения общего уровня осмысленности жизни (общий показатель ОЖ) [15].

2. Опросник оптимальности смысла жизни (ОСМ) – авторская разработка на основе операционализации признаков оптимальности/неоптимальности смысла жизни, предложенных К. В. Карпинским [7; 10–12]. Опросник включает 4 шкалы, соответствующие структурным компонентам модели: «Реалистичность» (8 п.), «Конгруэнтность» (7 п.), «Интегративность» (7 п.), «Временная сбалансированность» (6 п.). Используется 5-балльная шкала Ликерта. Проверка внутренней со-

гласованности (надежности) на этой выборке показала приемлемые и высокие значения α -Кронбаха: для шкалы «Реалистичность» $\alpha = 0,81$; «Конгруэнтность» $\alpha = 0,84$; «Интегративность» $\alpha = 0,79$; «Временная сбалансированность» $\alpha = 0,76$. Конструктивная валидность подтверждается значимыми корреляциями с показателями СЖО (общий показатель ОЖ $r = 0,62$; $p < 0,01$). Для анализа также рассчитывался интегральный показатель оптимальности (ИПО) как среднее арифметическое по всем четырем шкалам.

3. Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS – Satisfaction With Life Scale) Э. Динера, в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина – для измерения когнитивно-оценочного компонента СУЖ [9].

4. Шкала психологического благополучия (SPWB – Scales of Psychological Well-Being) К. Рифф (адаптация Т. Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко) – для измерения эвдемонического компонента благополучия [39].

Исследование проводилось в форме группового онлайн-тестирования с использованием гугл форм. Все участники дали информированное согласие на участие и обработку данных. Статистическая обработка данных выполнялась с помощью пакета SPSS 23.0. Применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ (Пирсон), пошаговый регрессионный анализ и кластерный анализ (метод k-средних) с последующим дисперсионным анализом (ANOVA).

Результаты исследования и их обсуждение. Корреляционный анализ выявил значимые положительные связи между всеми изучаемыми переменными (табл.). Ключевой результат состоит в том, что интегральный показатель оптимальности (ИПО) показывает более сильные корреляции как с удовлетворенностью жизнью (SWLS), так и с психологическим благополучием (SPWB), чем общий показатель осмысленности жизни по методике СЖО. Наиболее тесные связи с СУЖ среди компонентов оптимальности показали «Конгруэнтность» и «Реалистичность».

Таблица

Корреляции показателей смысла с показателями благополучия (r-Пирсона)

Показатель	SWLS (удовл. жизнью)	SPWB (психол. благополучие)
Общий показатель СЖО	0,52**	0,58**
Интегральный показатель оптимальности (ИПО)	0,67**	0,71**
Реалистичность	0,65**	0,68**
Конгруэнтность	0,69**	0,73**
Интегративность	0,60**	0,63**
Временная сбалансированность	0,55**	0,59**

Примечание: ** $p < 0,01$

Для проверки прогностической способности показателей оптимальности был проведен пошаговый *регрессионный анализ* с зависимой переменной SWLS. На первом шаге в модель были включены все четыре шкалы ОСМ. Значимыми предикторами оказались «Конгруэнтность» ($\beta = 0,41$; $p < 0,001$) и «Реалистичность» ($\beta = 0,35$; $p < 0,001$), которые вместе объяснили 52 % дисперсии удовлетворенности жизнью ($R^2 = 0,52$; $F = 67,8$; $p < 0,001$). На втором шаге в модель был добавлен общий показатель СЖО. Его вклад оказался статистически незначимым ($\beta = 0,11$;

$p > 0,05$), прирост дисперсии не произошел. Это говорит о том, что вариативность удовлетворенности жизнью, связанная с общим уровнем осмысленности, полностью перекрывается («поглощается») более тонкими качественными параметрами смысла.

Для выявления качественно различных типов смысловой регуляции был проведен *кластерный анализ* по методу *k*-средних на основе четырех шкал ОСМ. Было получено устойчивое трехкластерное решение.

Кластер 1 ($n = 41$): гармоничный оптимальный смысл. Характеризуется высокими значениями по всем четырем шкалам оптимальности.

Кластер 2 ($n = 58$): дефицитарный смысл. Отличается средними или умеренно-низкими баллами по отдельным шкалам (наиболее часто – по «Реалистичности» или «Временной сбалансированности»).

Кластер 3 ($n = 28$): неоптимальный/дисгармоничный смысл. Низкие показатели по большинству или всем шкалам оптимальности.

Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с пост-хок тестом Тьюки подтвердил наличие значимых различий между выделенными кластерами. У респондентов из кластера «Гармоничный оптимальный смысл» достоверно ($p < 0,001$) более высокие средние значения как по шкале SWLS, так и по интегральному показателю SPWB, по сравнению с представителями двух других кластеров. Это подтверждает, что именно сочетание высоких показателей всех качественных характеристик смысла связано с максимальным уровнем благополучия.

Полученные в пилотажном исследовании данные предоставляют предварительное, но убедительное подтверждение выдвинутой гипотезы. Качественные характеристики смысла жизни, объединенные в конструкт оптимальности, считаются более сильными предикторами субъективной удовлетворенности жизнью и психологического благополучия, чем общий показатель наличия смысла. Наиболее значимыми компонентами выступили конгруэнтность (согласие с собой) и реалистичность (связь с действительностью). Эти результаты согласуются с теоретической моделью В. Э. Чудновского и К. В. Карпинского о неоптимальных смыслах, а также с западными данными о важности конкордантности целей. Тот факт, что общая осмысленность перестает быть значимым предиктором при учете качественных параметров, указывает на то, что именно дефициты оптимальности (нереалистичность, внутренний конфликт целей и ценностей) считаются основными механизмами, объясняющими парадокс неблагополучия при формально высоком смысле жизни.

Выводы:

1. Концепция оптимального смысла жизни, разработанная в русле отечественной психологии (В. Э. Чудновский, К. В. Карпинский) и интегрированная с достижениями западной науки (теория самодетерминации, модели благополучия), представляет собой эвристичный инструмент для преодоления методологического кризиса в исследованиях связи смысла жизни и благополучия.

2. Предложенная структурно-функциональная модель дает возможность перейти от констатации корреляций к анализу системных механизмов детерминации, описывая, как структурные компоненты смысла (реалистичность, конгруэнтность, интегративность, временная сбалансированность) через свои функциональные аспекты (регулятивный, адаптивный, ресурсный) влияют на различные компоненты субъективной удовлетворенности жизнью.

3. Результаты пилотажного эмпирического исследования подтверждают правомерность основных положений модели. Показано, что у интегрального показателя

оптимальности более сильные связи с удовлетворенностью жизнью и психологическим благополучием, чем общим уровнем осмысленности. Регрессионный и кластерный анализы подтвердили прогностическую силу и дифференцирующую способность выделенных критериев оптимальности.

4. Научная новизна модели заключается в синтетической интеграции отечественной и зарубежной традиций изучения смысла жизни; в разработке и первичной эмпирической апробации комплексной структурно-функциональной модели, объясняющей механизмы влияния качественных параметров смысла на благополучие; в создании диагностического инструментария для оценки компонентов оптимальности смысла жизни.

5. Практическая значимость модели заключается в возможности перехода в консультировании и психотерапии от работы с «отсутствием смысла» к точечной диагностике и коррекции конкретных «смысловых дефектов» (нереалистичности, конфликтности, дисбаланса), что может повысить эффективность психологических интервенций. Перспективы дальнейших исследований включают: проверку модели на более репрезентативных выборках с использованием методов структурного моделирования (SEM); организацию лонгитюдных исследований для изучения динамики оптимальности смысла; разработку и апробацию коррекционных программ, направленных на оптимизацию смысловой сферы личности.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 150 с.
3. Беккер Э. Отрицание смерти. – М.: АСТ, 2023. – 414 с.
4. Бердяев Н. А. О самоубийстве: психологический этюд. – Париж: YMCA-Press, 1931. – 45 с.
5. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
6. Братусь Б. С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
7. Василюк Ф. Е. Психология переживаний. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
8. Карпинский К. В. Идентификационная функция смысла жизни // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10, № 55. – С. 1–12.
9. Карпинский К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности. – Гродно: Гродненский государственный университет, 2021. – 219 с.
10. Карпинский К. В. Конфликтный смысл жизни как фактор личностного кризиса // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 2. – С. 221–226.
11. Карпинский К. В. Нереалистический смысл жизни как детерминанта кризиса в развитии личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2011. – № 4. – С. 69–75.
12. Карпинский К. В. Психология смыслового кризиса. – Гродно: Гродненский государственный университет, 2019. – 623 с.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, 2004. – 352 с.
14. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
15. Леонтьев Д. А. Тест смыслового кризиса. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
16. Леонтьев Д. А., Тараненко О. А., Калашникова О. Э. Специфика осмысленности жизни у различных групп кризисных пациентов // Мир психологии. – 2017. – № 3. – С. 190–201.
17. Лэнгле А. Концепция смысла В. Франкла – вклад в психотерапию // Экзистенциальный анализ. – 2009. – № 1. – С. 47–77.

18. Лэнгле А. Фундаментальные мотивации экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Экзистенциальный анализ. – 2009. – № 1. – С. 9–29.
19. Лебедева А. А., Леонтьев Д. А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 142–162.
20. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
21. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: АСТ, 2012. – 925 с.
22. Селигман М. Путь к процветанию: новое понимание счастья и благополучия. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 422 с.
23. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
24. Чудновский В. Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25, № 6. – С. 5–11.
25. Чудновский В. Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С. 3–14.
26. Чудновский В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни: избранные труды. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Модэк, 2006. – 768 с.
27. Шпрангер Э. Формы жизни: гуманитарная психология и этика личности. – М.: Канон+, 2014. – 399 с.
28. Шумский В. Б., Уколова Е. М., Осин Е. Н., Лупандина Я. Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13, № 4. – С. 763–788.
29. Andresen R., Oades L., Caputi P. The experience of recovery from schizophrenia: towards an empirically validated stage model // Australian and New Zealand Journal of Psychiatry. – 2003. – Vol. 37 (5). – P. 586–594.
30. Batthyany A., Thir M. The state of empirical research on logotherapy and existential analysis // Logotherapy and Existential Analysis: proceedings of the Viktor Frankl Institute Vienna. – 2016. – Vol. 1. – P. 53–74.
31. Damásio B. F., Koller S. H. How search for meaning interacts with complex categories of meaning in life and subjective well-being? // Spanish Journal of Psychology. – 2015. – № 18.
32. Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: basic psychological needs in motivation, development and wellness. – New York: Guilford Publications, 2017. – 756 p.
33. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. – 1984. – Vol. 95, № 3. – P. 542–575.
34. Gendlin E. T. Experiencing and the creation of meaning: a philosophical and psychological approach to the subjective. – Evanston: Northwestern University Press, 1997. – 302 p.
35. Haidt J. The happiness hypothesis: finding modern truth in ancient wisdom. – New York: Basic books, 2006.
36. Kristović S. Crisis of meaning in connection with mental distress of a modern man // Informatologia. – 2021. – Vol. 54, № 3-4. – P. 154–170.
37. Metz T. Meaning in life. – New York: OUP, 2013. – 282 p.
38. Metz T., Seachris J. W. What makes life meaningful? – New York: Taylor & Francis, 2024. – 272 p.
39. Ryff C. D. Psychological well-being revisited: advances in science and practice of eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatic. – 2014. – Vol. 83 (1). – P. 10–28.
40. Schnell T. Existential indifference: another quality of meaning in life // Journal of Humanistic Psychology. – 2010. – Vol. 50, № 3. – P. 351–373.

41. Schnell T. The psychology of meaning in life: insights and applications. – England: Routledge, 2025. – 276 p.
42. Sheldon K. M., Elliot A. J. Goal striving, need satisfaction, and longitudinal well-being: the self-concordance model // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – Vol. 76, № 3. – P. 482–497.
43. Southwick S. M., Charney D. S. Resilience: the science of mastering life's greatest challenges. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
44. Steger M. F. Meaning in life and wellbeing // Wellbeing, recovery and mental health. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 75–85.
45. Steger M. F., Martela F. The three meanings of meaning in life: distinguishing coherence, purpose, and significance // The Journal of Positive Psychology. – 2016. – Vol. 11 (5). – P. 531–545.
46. Wolf S. R. Meaning in life and why it matters. – Princeton: Princeton University Press, 2010. – 143 p.
47. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. – 1999. – Vol. 77 (6). – P. 1271–1288.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Life strategy. Moscow: Mysl', 1991, 299 p. (In Russian)
2. Asmolov A. G. Activity and attitude. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1979, 150 p. (In Russian)
3. Becker E. The denial of death. Moscow: AST, 2023, 414 p. (In Russian)
4. Berdyaev N. A. On suicide: a psychological study. Paris: YMCA-Press, 1931, 45 p. (In Russian)
5. Berdyaev N. A. Self-knowledge (an attempt at a philosophical autobiography). Moscow: International relations, 1990, 336 p. (In Russian)
6. Bratus B. S. Personality anomalies. Moscow: Mysl', 1988, 301 p. (In Russian)
7. Vasilyuk F. E. Psychology of experiences. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1984, 200 p. (In Russian)
8. Karpinsky K. V. The identification function of the meaning of life. *Psychological Research*, 2017, vol. 10, no. 55, pp. 1–12. (In Russian)
9. Karpinsky K. V. Sources of the meaning of life: a new method of personality psychodiagnostics. Grodno: Grodno State University, 2021, 219 p. (In Russian)
10. Karpinsky K. V. Conflicted meaning of life as a factor of personal crisis. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2011, no. 2, pp. 221–226. (In Russian)
11. Karpinsky K. V. Unrealistic meaning of life as a determinant of crisis in personality development. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2011, no. 4, pp. 69–75. (In Russian)
12. Karpinsky K. V. Psychology of the meaning-of-life crisis. Grodno: Grodno State University, 2019, 623 p. (In Russian)
13. Leontiev A. N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Smysl, 2004, 352 p. (In Russian)
14. Leontiev D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality. Moscow: Smysl, 2003, 487 p. (In Russian)
15. Leontiev D. A. Test of meaning-of-life orientations. Moscow: Smysl, 2000, 18 p. (In Russian)
16. Leontiev D. A., Taranenko O. A., Kalashnikova O. E. Specificity of meaningfulness of life in various groups of crisis patients. *World of Psychology*, 2017, no. 3, pp. 190–201. (In Russian)

17. Längle A. V. Frankl's concept of meaning – a contribution to psychotherapy. *Existential Analysis*, 2009, no. 1, pp. 47–77. (In Russian)
18. Längle A. Fundamental motivations of existence as an effective structure of existential-analytical therapy. *Existential Analysis*, 2009, no. 1, pp. 9–29. (In Russian)
19. Lebedeva A. A., Leontiev D. A. Modern approaches to the study of quality of life: from objective contexts to subjective ones. *Social Psychology and Society*, 2022, vol. 13, no. 4, pp. 142–162. (In Russian)
20. Rubinstein S. L. Being and consciousness. Man and the world. Saint Petersburg: Peter, 2003, 512 p. (In Russian)
21. Sartre J.-P. Being and nothingness. An essay on phenomenological ontology. Moscow: AST, 2012, 925 p. (In Russian)
22. Seligman M. The path to prosperity: a new understanding of happiness and well-being. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013, 422 p. (In Russian)
23. Frankl V. Man in search of meaning. Moscow: Progress, 1990, 368 p. (In Russian)
24. Chudnovsky V. E. The problem of the formation of life-meaning orientations of the personality. *Psychological Journal*, 2004, vol. 25, no. 6, pp. 5–11. (In Russian)
25. Chudnovsky V. E. Psychological components of the optimal meaning of life. *Questions of Psychology*, 2003, no. 3, pp. 3–14. (In Russian)
26. Chudnovsky V. E. The formation of personality and the problem of the meaning of life: selected works. Moscow: Moscow Psychological-Social Institute; Voronezh: Modek, 2006, 768 p. (In Russian)
27. Spranger E. Forms of life: humanitarian psychology and ethics of the individual. Moscow: Kanon+, 2014, 399 p. (In Russian)
28. Shumsky V. B., Ukolova E. M., Osin E. N., Lupandina Ya. D. Diagnosis of existential fulfillment: an original Russian-language version of the existential motivations test. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2016, vol. 13, no. 4, pp. 763–788. (In Russian)
29. Andresen R., Oades L., Caputi P. The experience of recovery from schizophrenia: towards an empirically validated stage model. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, 2003, vol. 37 (5), pp. 586–594.
30. Batthyany A., Thir M. The state of empirical research on logotherapy and existential analysis. *Logotherapy and Existential Analysis: proceedings of the Viktor Frankl Institute Vienna*, 2016, vol. 1, pp. 53–74.
31. Damásio B. F., Koller S. H. How search for meaning interacts with complex categories of meaning in life and subjective well-being? *Spanish Journal of Psychology*, 2015, no. 18.
32. Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development and wellness. New York: Guilford Publications, 2017, 756 p.
33. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, vol. 95, no. 3, pp. 542–575.
34. Gendlin E. T. Experiencing and the creation of meaning: a philosophical and psychological approach to the subjective. Evanston: Northwestern University Press, 1997, 302 p.
35. Haidt J. The happiness hypothesis: finding modern truth in ancient wisdom. New York: Basic books, 2006.
36. Kristović S. Crisis of meaning in connection with mental distress of a modern man. *Informatologia*, 2021, vol. 54, no. 3-4, pp. 154–170.
37. Metz T. Meaning in life. New York: OUP, 2013, 282 p.
38. Metz T., Seachris J. W. What makes life meaningful? New York: Taylor & Francis, 2024, 272 p.
39. Ryff C. D. Psychological well-being revisited: advances in science and practice of eudaimonia. *Psychotherapy and Psychosomatic*, 2014, vol. 83 (1), pp. 10–28.

40. Schnell T. Existential indifference: another quality of meaning in life. *Journal of Humanistic Psychology*, 2010, vol. 50, no. 3, pp. 351–373.
41. Schnell T. *The psychology of meaning in life: insights and applications*. England: Routledge, 2025, 276 p.
42. Sheldon K. M., Elliot A. J. Goal striving, need satisfaction, and longitudinal well-being: the self-concordance model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 76, no. 3, pp. 482–497.
43. Southwick S. M., Charney D. S. *Resilience: the science of mastering life's greatest challenges*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
44. Steger M. F. *Meaning in life and wellbeing. Wellbeing, Recovery and Mental Health*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, pp. 75–85.
45. Steger M. F., Martela F. The three meanings of meaning in life: distinguishing coherence, purpose, and significance. *The Journal of Positive Psychology*, 2016, vol. 11 (5), pp. 531–545.
46. Wolf S. R. *Meaning in life and why it matters*. Princeton: Princeton University Press, 2010, 143 p.
47. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: a valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77 (6), pp. 1271–1288.

Информация об авторах

М. Г. Чухрова – доктор медицинских наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; профессор кафедры психологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-5389-5897>, mbav3@yandex.ru.

С. В. Пронин – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2626-6021>, pronin53@gmail.com.

М. П. Гусева – ассистент кафедры психологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, akari@mail.ru.

Information about the authors

M. G. Chukhrova – Doctor of Medical Sciences, Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University; Professor of the Department of Psychology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-5389-5897>, mbav3@yandex.ru.

S. V. Pronin – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-2626-6021>, pronin53@gmail.com.

M. P. Guseva – Assistant at the Department of Psychology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, akari@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 11.01.2026; принята к публикации 11.02.2026.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 11.01.2026; accepted for publication 11.02.2026.

Научная статья

УДК 159.9

Личностные предикторы склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте

Ольга Андреевна Богданова¹

¹*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация. В работе актуализируется проблема возникновения склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте, что обусловлено недостаточным количеством исследований, посвященных выявлению предикторов, оказывающих влияние на его формирование. На сегодняшний день смещается акцент с биологического, социологического и психологического подходов на критические, радикальные, постмодернистские концепции факторов формирования склонности к девиантному поведению, что не позволяет в полной мере создать психологический портрет личности старшего подростка, склонного к отклоняющемуся поведению. *Цель* исследования состоит в выявлении комплекса личностных черт у лиц старшего подросткового возраста, могущих выступать предикторами склонности к девиантному поведению и быть основой для составления психологического портрета личности девианта.

Методы и методики. В исследовании участвовали 108 респондентов – студенты колледжа старшего подросткового возраста (24 девушки и 84 юноши). Для выявления склонности к отклоняющемуся поведению использовалась методика Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению», для исследования личностных черт – тест Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» форма С, в адаптации А. Н. Капустиной, для исследования механизмов психологической защиты – методика Е. Р. Пилюгиной и Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты». Для статистической обработки применялся регрессионный анализ.

Выявлено, что предикторами склонности к зависимому поведению выступают такие механизмы психологической защиты, как «юмор», «регрессия», «компенсация», «проекция», «рационализация», «предвосхищение», «ипохондрия»; личностные особенности: «расслабленность», «радикализм», «доминантность», «подозрительность», «низкая нормативность поведения». Детерминантами склонности к агрессивному поведению выступают механизмы психологической защиты: «диссоциация», «юмор», «вытеснение», «изоляция», «альтруизм», «отрицание», «сублимация», «проекция», «всемогущий контроль», «предвосхищение»; личностные особенности: «общительность», «эмоциональная нестабильность», «искусственность», «конформизм». Детерминантами склонности к суицидальному поведению выступили механизмы психологической защиты: «регрессия», «предвосхищение», «компенсация», «ипохондрия», «проекция», «всемогущий контроль»; личностные особенности: «рас-

слабленность», «подозрительность», «высокий самоконтроль», «радикализм», «общительность», «тревожность».

Ключевые слова: девиантное поведение; личностные предикторы; механизмы психологической защиты; старший подростковый возраст.

Для цитирования: Богданова О. А. Личностные предикторы склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте // Развитие человека в современном мире. – 2026. – № 1. – С. 32–51.

Original article

Personality predictors of deviant behavior in late adolescence

Olga A. Bogdanova¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The paper addresses the problem of the emergence of a propensity for deviant behavior in older adolescents, which is due to a lack of research dedicated to identifying predictors that influence its formation. Currently, there is a shift in emphasis from biological, sociological, and psychological approaches to critical, radical, and postmodern concepts of factors shaping the propensity for deviant behavior. This prevents the full creation of a psychological profile of an older adolescent prone to deviant behavior. The aim of the study is to identify a complex of personality traits in older adolescents that can act as predictors of a propensity for deviant behavior and serve as a basis for constructing a psychological profile of a deviant personality.

Methods and Techniques. The study involved 108 respondents – college students of older adolescent age (24 females and 84 males). To identify the propensity for deviant behavior, the E. V. Leus, A. G. Solovyov “Propensity for Deviant Behavior” methodology was used. For the study of personality traits, R. Cattell’s “Sixteen Personality Factor Questionnaire” (16PF) Form C, adapted by A. N. Kapustina, was employed. To investigate psychological defense mechanisms, the E. R. Pilyugina and R. F. Suleymanov “Methodology for Measuring Psychological Defense” was used. Regression analysis was applied for statistical processing.

It was found that predictors of a propensity for addictive behavior include psychological defense mechanisms such as “humor”, “regression”, “compensation”, “projection”, “rationalization”, “anticipation”, and “hypochondria”; as well as personality traits: “relaxedness”, “radicalism”, “dominance”, “suspiciousness” and “low behavioral normativity”. Determinants of a propensity for aggressive behavior are psychological defense mechanisms: “dissociation”, “humor”, “repression”, “isolation”, “altruism”, “denial”, “sublimation”, “projection”, “omnipotent control” and “anticipation”; as well as personality traits: “sociability”, “emotional instability”, “artificiality” and “conformity”. Determinants of a propensity for suicidal behavior were psychological defense mechanisms: “regression”, “anticipation”, “compensation”, “hypochondria”, “projection” and “omnipotent control”; personality traits: “relaxedness”, “suspiciousness”, “high self-control”, “radicalism”, “sociability”, “anxiety”.

Keywords: deviant behavior; personality predictors; psychological defense mechanisms; late adolescence.

For citation: Bogdanova O. A. Personality predictors of deviant behavior in late adolescence. *Human Development in the Modern World*, 2026, no. 1, pp. 32–51. (In Russ.)

Введение. Под склонностью к девиантному поведению понимается социальное явление, выражающееся в тенденциях личности совершать действия, не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям, может выражаться в форме зависимого, делинквентного, агрессивного или суицидального поведения. При определении факторов, оказывающих ключевое влияние на формирование склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте, важно учитывать совокупность как внешних, так и внутренних, субъективных и объективных переменных, таких как пол, гендер, этническая и классовая принадлежность [5], образ жизни семьи и особенности внутрисемейных отношений, личностные и характерологические изменения, связанные с воздействием специфического окружения [6], а также экономические и социокультурные факторы (например, актуализированные изменением ценностно-смысловой организации общества) [16].

Одним из социокультурных преобразований, которое нужно учитывать, считаются изменения гендерных стереотипов. Согласно результатам многочисленных исследований, особенности поведения лиц мужского и женского пола формировались в процессе длительного эволюционного развития. Так, мужчинам характерна более высокая поисковая активность и склонность к рисковому поведению, что предопределяет необходимость возникновения аддиктивных, аутоагрессивных и делинквентных форм поведения [4]. На разных этапах развития мужчины использовали агрессивные и насильственные действия в качестве ресурса, позволяющего выполнять жизненно важные задачи, а также участвовать в гонке за власть. По мнению Я. И. Гилинского, эта тенденция отражена и в тотальной зависимости женщин от воли мужчин, когда на протяжении многих веков женщины были ограничены в правах, что, кроме некоторых причин, было связано с тем, что они физически слабее, более эмоциональны, импульсивны, впечатлительны [5, с. 187–189].

В масштабном исследовании А. А. Реана и И. А. Коновалова установлено, что на сегодняшний день девушкам в большей степени свойственно переживание негативных эмоций и чувств, связанных с агрессией: враждебность, подозрительность, обида, раздражение и чувство вины. По мнению авторов статьи, это может быть объяснено изменением стереотипных представлений о маскулинности и феминности: «в определенных областях девушкам становится присуща склонность к традиционно маскулинному поведению» [17, с. 28]. Юношам более свойственно проявлять агрессию в открытой физической или вербальной форме, что может быть выражено в делинквентных и аутоагрессивных формах поведения [17].

Согласно мнению некоторых исследователей на формирование склонности к девиантному поведению также влияют такие гендерные характеристики, как феминность, маскулинность и андрогинность. Результаты исследования Е. Ю. Кольчик и В. Р. Ушакова показали, что подросткам, которым присущи маскулинные черты, свойственны негативизм, высокая самооценка, жесткие требования в отношении соблюдения собственных личностных границ. Таким образом, пренебрежение социальными нормами, ценностями, традициями, эталонами поведения, а также убежденность в собственной уникальности, способствуют возникновению склонности к агрессивному поведению, подавлению желаний и инициатив к действию у других лиц [8, с. 4]. Авторы утверждают также, что подросткам с выраженными феминными чертами более характерны такие свойства, как нежность, застенчивость, высокий уровень эмпатии и сопереживания, пластичность, тревожность, повышенное

чувство вины и выраженная потребность в риске. Было выявлено, что при усилении чувственных и эмоциональных переживаний у подростков может возникать склонность к самоповреждению, саморазрушению и аддиктивному поведению [8, с. 5].

Еще одним важным аспектом, влияющим на возникновение склонности к девиантному поведению, считается этническая принадлежность. Так, результаты некоторых исследований показывают, что мигранты испытывают трудности при адаптации к условиям новой культуры и ментальности коренного населения, поэтому могут возникнуть проблемы во взаимоотношениях как взрослых, так и подростков [3].

В случае возникновения конфликта между представителями разных этносов возрастает риск проявления ксенофобии, где агрессорами часто выступают подростки, а жертвами намного чаще становятся мигранты из южных стран и лица кавказской национальности: «Концептуальное пространство дискурсивного мира организовано векторами противопоставлений “свои” (россияне) – “чужие” (мигранты)» [11, с. 880]. Тем не менее проблема на сегодняшний день становится не столь однозначной, что обусловлено крупными потоками мигрантов в европейские страны, в том числе в Россию. Многие территории перенасыщены мигрантами, появляются районы, школы, в которых русскоговорящие дети находятся в меньшинстве и все чаще сталкиваются с проявлением агрессии со стороны мигрантов [1; 9]. В обществе усиливается конкуренция между поведенческими и социокультурными нормами, традиционными для коренных жителей и мигрантов.

Проявление ксенофобии имеет ситуационный характер: так, после совершения террористических актов коренное население начинает настороженно относиться к мигрантам, а в некоторых случаях проявлять откровенную враждебность и в грубой вербальной или физической форме призывать их «вернуться на родину». Стигматизированные мигранты вынуждены объединяться в закрытые группы, а дети осваивать только язык своего народа, что снова затрудняет их адаптацию. Это способствует закреплению оппозиции «свой – чужой», агрессия может стать единственным способом взаимодействия с представителями другого этноса, что также может выражаться в делинквентных формах поведения [20].

Следующим фактором риска возникновения склонности к девиантному поведению выступает «опасный класс». Идея данного явления в том, что большинство мелких преступлений совершаются лицами низших страт, оценка преступности среди высших страт невозможна по причинам коррумпированности и высокой степени латентности.

М. Н. Гернет после проведения масштабного анализа преступности между разными группами населения нескольких стран пришел к следующему выводу: высокая склонность к преступным действиям, а именно к мошенничеству, в классе успешных, финансово состоятельных лиц. Они считают морально непозволительными открытые и дерзкие преступные деяния и избирают более изощренные способы достижения поставленных целей, сохраняя неизменным внешнее приличие, что считается психологической особенностью преступности финансово обеспеченных правонарушителей [5, с. 195].

Семья, безусловно, также существенно влияет на становление личности и формирование склонности к девиантному поведению. В исследовании Е. Б. Кирилловой представлена статистика, отражающая поведение несовершеннолетних правонарушителей в зависимости от ситуации в семье: «60 % имеют по крайней мере одного судимого родителя; 70 % подвергались насилию со стороны родителей;

50 % выросли без отца; 42 % воспитывались в семьях, где родители злоупотребляли алкоголем, около 50 % росли в неблагополучных семьях» [6, с. 64]. Оказавшиеся в ситуации безнадзорности подростки чаще вовлекаются в различные девиантные группы и субкультуры, в поисках внимания и одобрения приобщаются к различным формам аддикций.

По мнению В. М. Миниярова, социально-психологический тип личности, проявляющийся в склонности к девиантному поведению, формируется под влиянием социальных факторов и педагогического воздействия семьи. Согласно данным раннее проведенного исследования выявлено, что есть прямая взаимосвязь между конформным типом личности и склонностью к аддиктивному, делинквентному и агрессивному поведению, а также между доминирующим типом и агрессивным поведением [2, с. 22]. Тем не менее в концепции В. М. Миниярова не учитывается влияние других факторов, таких как тип темперамента, наличие раннего травмирующего опыта, неврологические заболевания ребенка и т. д.

Не менее важную роль играет социокультурная среда и та группа сверстников, в которой подросток чувствует себя своим. Окружение подростка может трансформировать его личность, приобщая к аморальным ценностям, искажая представления о понятиях «дружба», «долг», «честь», «нравственность», игнорируя общепринятые нормы и правила поведения, что увеличивает риск возникновения девиантного поведения [6; 13].

Еще один важный фактор связан с влиянием информационно-коммуникативных технологий, выступающих в качестве основного источника сведений о мире и жизни. Вследствие несформированного критического мышления токсичный, неоднозначный, провокационный или откровенно агрессивный контент может восприниматься подростком с доверием, что актуализирует действия деструктивного или социально-опасного характера (например, телеграм-каналы, призывающие к скулшутингу) [18]. Именно подростки наиболее подвержены подобному деструктивному влиянию, что может быть связано с личностной предрасположенностью, индивидуально-психологическими особенностями, контекстом жизненной ситуации несовершеннолетнего и его социальным окружением: «Часто одним из факторов успешного воздействия на несовершеннолетнего деструктивного контента, распространяемого посредством информационно-коммуникационных технологий, выступает стремление подростков к саморазрушению на всех уровнях своего существования» [19, с. 56].

Индивидуально-психологические особенности подростков тоже считаются детерминантой формирования склонности к девиантному поведению, особенно в случае выявленных нарушений эмоционально-волевой сферы. Так, А. Е. Личко отмечал, что акцентуации характера подростка не позволяют ему адаптивно справляться с фрустрирующей ситуацией [14].

На сегодняшний день исследователями выявлено, что подростки-девианты характеризуются низкой мотивацией к обучению, а также деформированным представлением о моральных нормах и ценностях. Важно отметить, что, несмотря на актуальность рассматриваемой проблемы, наблюдается определенный дефицит в освещении проблемы склонности к девиантному поведению. В психолого-педагогической практике представлена тенденция работы с уже сформированным отклоняющимся поведением с целью его коррекции, при этом игнорируются вопросы своевременной и систематической профилактики. Недостаточная проработанность

методологических и прикладных аспектов проблемы не позволяет создать достоверный социально-психологический портрет личности подростка, склонного к девиантному поведению, и внедрять эффективные профилактические программы.

Цель исследования – определить комплекс личностных черт у лиц старшего подросткового возраста, которые выступают предикторами склонности к девиантному поведению, что дает основу для составления статистически обоснованного психологического портрета личности девианта.

Представленный анализ различных теорий и концепций определяет личность в рамках этого исследования как категорию, включающую широкий спектр психических процессов, обуславливающих особенности поведения человека в различных ситуациях. В контексте исследования мы определяем категорию «Личностные предикторы» как совокупность личностных черт (согласно теории Р. Кеттелла) и механизмов психологических защит (согласно теории К. Хорни).

Методы. Для выявления склонности к отклоняющемуся поведению среди несовершеннолетних была применена методика Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению», позволяющая оценить склонности подростков к реализации различных форм отклоняющегося поведения.

Определение личностных черт выполнено при помощи «Многофакторного личностного опросника» (форма С) Р. Кеттелла, в адаптации А. Н. Капустиной [7].

Для исследования механизмов психологической защиты как личностных предикторов нами была использована методика Е. Р. Пилюгиной и Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты». Она определяет 20 механизмов защиты, которые разделены на четыре группы: «Психотические», «Инфантильные», «Невротические», «Адаптивные».

Эмпирическую выборку составили 108 респондентов – студенты колледжа телекоммуникаций и информатики старшего подросткового возраста (24 девушки и 84 юноши). Средний возраст испытуемых 16 лет.

Результаты исследования их обсуждение. Статистическая обработка данных включает оценку центральной тенденции распределения исследуемых параметров по методике Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению». Было установлено, что средние значения по всем переменным ($N = 108$) относятся к уровню «Отсутствие склонности» ($M_x \leq 10$). С учетом полученного материала был проведен отбор лиц, наиболее явно демонстрирующих склонность к девиантному поведению. Сформированная таким образом выборка составила 45 человек – 8 девушек и 37 юношей, среднегрупповой профиль которых показан на рисунке 1.

Рис. 1. Среднегрупповой профиль ($N = 45$) по параметрам методики Э. В. Леус, А. Г. Соловьева «Склонность к девиантному поведению»

Выделенной группе испытуемых характерна ситуативная предрасположенность ($11 \leq M_x \leq 20$) к делинквентному ($M_x = 12,5$) [12], зависимому ($M_x = 11,1$), агрессивному ($M_x = 12,1$) и аутоагрессивному поведению ($M_x = 13,9$). Это характеризует их как склонных в ситуациях воздействия внешних средовых факторов (например, компания лиц, характеризующаяся девиантной активностью) совершать поступки, противоречащие установленным социальным нормам и правилам, испытывать сильные переживания и, в частности, чувство гнева, подавляя невыносимое состояние употреблением ПАВ и/или обращаясь к селфхарме.

По результатам методики Е. Р. Пилугиной, Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты» также был составлен среднегрупповой профиль, представленный на рисунке 2, согласно которому у испытуемых выявлен средний уровень проявления исследуемых механизмов психологической защиты с тенденцией к высокому ($18 \leq M_x \leq 33$) [15].

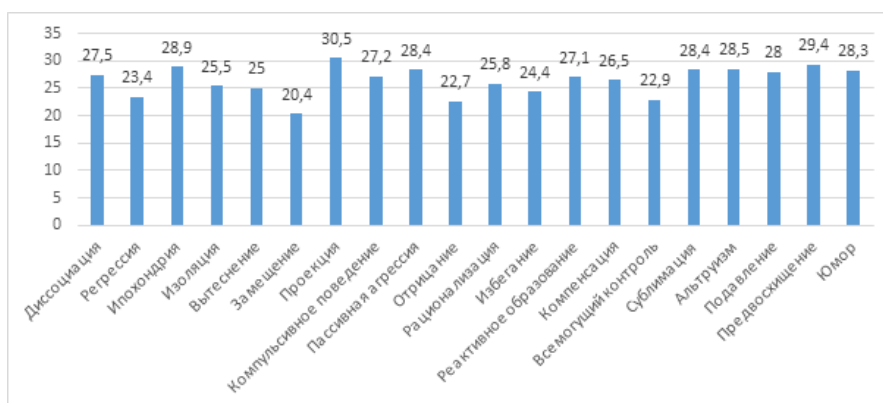
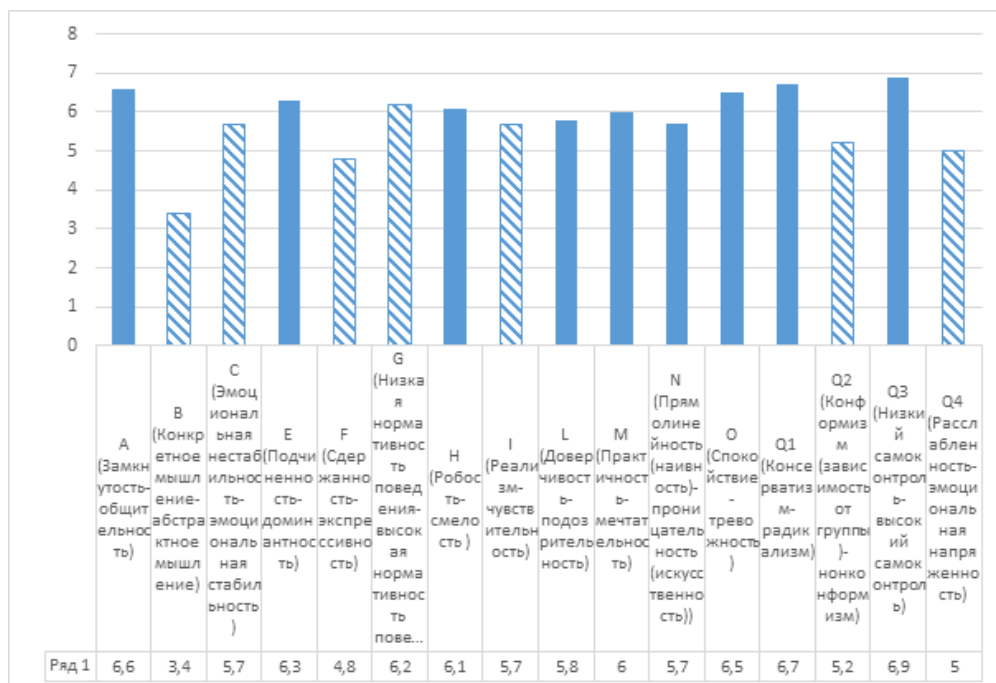

Рис. 2. Среднегрупповой профиль (N = 45) по параметрам методики Е. Р. Пилугиной, Р. Ф. Сулейманова «Методика измерения психологической защиты»

Наиболее выражены параметры «адаптивные психологические защиты», что, по-видимому, указывает на психическое здоровье испытуемых и сформированные способности пластично реагировать на фрустрирующие ситуации. Важно отметить, что наиболее используемыми механизмами психологической защиты выступают «Проекция» ($M_x = 30,5$), «Предвосхищение» ($M_x = 29,4$), «Ипохондрия» ($M_x = 28,9$). Испытуемые, возможно, склонны приписывать другим лицам собственные чувства, переживания, идеи и мысли, заранее представлять и пытаться предвосхищать все возможные варианты событий, происходящих в будущем, с целью выбора оптимальных вариантов решения этих гипотетических проблем. Также они достаточно чувствительны к воздействию ситуативных фрустрирующих факторов и склонны к уходу в соматизацию вплоть до развития серьезных обострений хронических заболеваний.

Наименее выраженными психологическими защитами являются «Замещение» ($M_x = 20,4$), «Отрицание» ($M_x = 22,7$) и «Всепогуций контроль» ($M_x = 22,9$), что отражается в отсутствии потребности использовать других людей и объекты в качестве заместителей в эмоционально сложных ситуациях. Испытуемые часто недостаточно осознают степень опасности ситуации и не проявляют соответствующей реакции тревоги. Могут испытывать сложности при попытках управлять ситуацией, игнорируя сложившиеся в коллективе нормы, мнения и интересы.

Среднегрупповой профиль с выраженными положительными и отрицательными полюсами факторов по методике Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» представлен на рисунке 3.

Примечание¹:

■ – положительный полюс фактора;

▨ – отрицательный полюс фактора.

Рис. 3. Среднегрупповой профиль (N = 45) по параметрам методики Р. Кеттелла «Многофакторная личностная методика» (форма С), в адаптации А. Н. Капустиной

Согласно полученным данным, наиболее выражены показатели по переменным: фактор Q₃⁺ «Низкий самоконтроль – *высокий самоконтроль*» (M_x = 6,9), Q₁⁺ «Консерватизм – *радикализм*» (M_x = 6,7) и O⁺ «Спокойствие – *тревожность*» (M_x = 6,5). У исследуемых подростков достаточно сформировались регуляторные механизмы контроля собственного поведения, а также сложных волевых действий. Им характерны целенаправленность, стремление к экспериментированию в различных сферах жизни, пластичное отношение к переменам. Вместе с тем они испытывают некоторое недоверие к определенным авторитетам конкретного общества, ситуативное беспокойство и чувствительность.

Наименее выраженными факторами являются: В⁻ «*Конкретное мышление – абстрактное мышление*» (M_x = 3,4), F⁻ «*Сдержанность – экспрессивность*» (M_x = 4,8), Q₄⁻ «*Расслабленность – напряженность*» (M_x = 5). Полученные результаты указывают на преобладание наглядно-образного конкретного мышления, недостаток мотивации, невозмутимость и некоторую апатичность.

¹ Профиль составлен на основе «сырых» баллов, т. к. вариант теста в адаптации А. Н. Капустиной не требует перевода в стандартные показатели (стены).

Для оценки влияния личностных черт как предикторов склонности к девиантному поведению использовался множественный регрессионный анализ, параметры склонности к девиантному поведению выступали в качестве зависимых переменных, а личностные характеристики в качестве предикторов. В результате регрессионного анализа были построены четыре регрессионные модели.

Представленные в таблице 1 результаты указывают на то, что уровень значимости рассчитанной регрессионной модели ($p = 0,3$) превышает допустимый порог ($p \leq 0,05$) и не позволяет считать ее достоверной, поэтому дальнейший анализ этой модели невозможен из-за высокой вероятности ошибки.

Таблица 1

Личностные предикторы склонности к делинквентному поведению

Зависимая переменная	R ²	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач.
Склонность к делинквентному поведению	0,9	1,5	0,3	Q ₁ (Консерватизм – радикализм) ¹	1,2	0,04
				Предвосхищение ¹	-0,9	0,05
				H (Робость – смелость) ¹	0,9	0,04

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Результаты статистического анализа, представленные в таблице 2, показывают, что переменная «Склонность к зависимому поведению» тесно связана с выявленными предикторами, эта модель считается статистически значимой ($p = 0,04$) и может быть содержательно интерпретирована, а также объясняет 96 % изменчивости изучаемого признака.

Таблица 2

Личностные предикторы склонности к зависимому поведению

Зависимая переменная	R ²	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач.
1	2	3	4	5	6	7
Склонность к зависимому поведению	0,96	4	0,04	Юмор ¹	-2,3	0,04
				Q ₄ (Расслабленность – эмоциональная напряженность) ²	-1,8	0,009
				Регрессия ¹	1,3	0,05
				Q ₁ (Консерватизм – радикализм) ²	1,2	0,006
				Компенсация ¹	1,05	0,05
				E (Подчиненность – доминантность) ²	1,05	0,01
				L (Доверчивость – подозрительность) ²	1	0,02
				Проекция ¹	-0,9	0,02
				Рационализация ¹	0,9	0,03
Предвосхищение ¹	-0,8	0,01				

1	2	3	4	5	6	7
				G (Низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения) ²	0,7	0,01
				Ипохондрия ¹	0,7	0,02

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Анализ полученных результатов показал, что детерминантой склонности к зависимому поведению с наибольшим отрицательным вкладом считается предиктор «Юмор» (при $\beta = -2,3$). Полученные данные отражают тезис о том, что здоровое чувство юмора, как проявление способности шутить и смеяться над собой в позитивных и негативных жизненных ситуациях, выступает одним из критериев зрелости психики. Недостаток этого свойства может лежать в основе многих поведенческих реакций и, в частности, склонности к зависимым формам поведения. В этом случае несформированность этого адаптивного механизма психологической защиты формирует склонность к зависимому поведению. Юмор, как механизм психологической защиты, позволяет снять психоэмоциональное напряжение в любых фрустрирующих ситуациях, таким же эффектом обладают и психоактивные вещества, которые в силу их доступности в настоящее время могут применяться подростками.

Предиктор Q_4^- «Расслабленность – эмоциональная напряженность» также отрицательно влияет на формирование склонности к зависимому поведению (при $\beta = -1,8$). Таким испытуемым свойственна апатичность, расслабленность, незаинтересованность в труде, низкая мотивация к изменениям. Как правило, респонденты удовлетворены своим положением ($M_x = 5$) и тем, как организована их жизнь, что предопределяет отсутствие реальных целей и желаний что-либо изменить, способствуя возникновению аддиктивного поведения как одного из способов усиления гедонистического наслаждения.

Следующим предиктором, обуславливающим склонность к аддиктивному поведению, выступает «Регрессия» (при $\beta = 1,3$). В различных жизненных ситуациях, особенно в сложных, таким испытуемым свойственно использовать более примитивные формы поведения с целью минимизации разрушающего воздействия стресс-факторов на психику: однотипные монотонные движения (стереотипии), плаксивость, деструктивное поведение, включающее разрушение предметов, вспышки гнева и т. д. ($M_x = 23,4$). С помощью этого механизма психологической защиты, который относится к психотическому уровню, возникает склонность к зависимому поведению. Аддикция игнорирует факторы фрустрирующей ситуации либо гиперболизирует их до такой степени, что испытуемый под воздействием психоактивных веществ склонен к решению проблем с применением физической силы. Зависимое поведение также может выступать в качестве способа избавления от чувства вины посредством возложения ответственности на противоположную сторону конфликта.

Предиктор Q_1^+ «Консерватизм – радикализм» также влияет на формирование склонности к зависимому поведению (при $\beta = 1,2$). Испытуемым свойственна тенденция к нарушению устоявшихся в обществе традиций, их взгляды во многом отличаются от идей конкретного общества, они склонны проявлять недоверие и скептицизм ($M_x = 6,7$). Подростки с такого рода радикальными представлениями склонны к аддиктивному поведению, что, возможно, связано с потребностью формирования

собственного мнения посредством переживания конкретного опыта. Кроме того, воздействие психоактивных веществ помогает принять иррациональное решение и снизить способность к аналитическому мышлению, что позволяет без колебаний отстаивать собственные радикальные взгляды.

Предикторы «Компенсация» и E^+ «Подчиненность – доминантность» в равной степени влияют на формирование склонности к зависимому поведению (при $\beta = 1,05$). Таким подросткам свойственен механизм психологической защиты, направленный на возмещение реально существующего или мнимого недостатка посредством собственной успешности в иных сферах, данный предиктор тесно связан с самооценкой личности, поэтому испытуемые тяжело переживают любые неудачи ($M_x = 26,5$). Также этим испытуемым свойственно проявление агрессии, выражение несогласия с альтернативным мнением, конфликтность, самостоятельность и упрямство ($M_x = 6,3$). Таким образом, из-за предикторов «Компенсация» и E^+ «Подчиненность – доминантность» возникает склонность к аддиктивному поведению, что может быть связано с тяжестью переживания фрустрации и подвижностью самооценки, аддикция способствует получению суррогатных эмоций и, как следствие, усиливает самооценку.

Кроме вышеописанных личностных предикторов, детерминантами склонности к зависимому поведению выступают:

1) L^+ «Доверчивость – подозрительность» (при $\beta = 1$, $M_x = 5,8$) – настороженность по отношению к окружающим людям, употребление ПАВ снижает напряжение, вызванное осторожностью и недоверчивостью в отношениях с окружающими.

2) «Рационализация» (при $\beta = 0,9$, $M_x = 25,8$) – попытка найти псевдо объяснение фрустрирующему событию или перекладывание ответственности на другое лицо с целью сохранения самооценки, ПАВ также снижает психоэмоциональное напряжение.

3) «Ипохондрия» (при $\beta = 0,7$, $M_x = 28,9$) – ухудшение самочувствия, вплоть до обострения хронических заболеваний, в случае переживания невыносимой фрустрирующей ситуации с целью привлечения внимания к себе и получения необходимой заботы. Употребление ПАВ позволяет снизить напряжение от фрустрирующей ситуации и испытать суррогатные эмоции, не привлекая к себе внимания со стороны окружающих.

4) G^- «Низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» (при $\beta = 0,7$, $M_x = 6,2$) – склонность к непостоянству, игнорированию устоявшихся в обществе норм и правил, в этом случае употребление ПАВ нивелирует чувство вины и ответственности за собственные поступки, снижая сознательную рациональную деятельность.

5) «Проекция» (при $\beta = -0,9$, $M_x = 30,5$) – испытуемым не свойственно приписывать собственные переживания другому лицу и критиковать их поступки, а, следовательно, ожидать по отношению к себе подобных реакций, ПАВ позволяет справиться с постоянной самокритикой и получить суррогатные эмоции.

6) «Предвосхищение» (при $\beta = -0,8$, $M_x = 29,4$), – у респондентов наблюдается недостаток функции планирования и предсказания возможных вариантов развития сложившейся ситуации, иначе говоря, при употреблении ПАВ испытуемые не задумываются о последствиях.

Результаты расчета множественной регрессии, представленные в таблице 3, показывают, что переменная «Склонность к агрессивному поведению» тесно связана

с выявленными предикторами. Полученная модель является статистически значимой ($p = 0,01$) и может быть содержательно интерпретирована, а также она объясняет 97 % изменчивости изучаемого признака.

Таблица 3

Личностные предикторы склонности к агрессивному поведению

Зависимая переменная	R ²	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач. (p)
Склонность к агрессивному поведению	0,97	6,73	0,01	Диссоциация ¹	2,1	0,002
				Юмор ¹	-1,9	0,03
				Вытеснение ¹	1,1	0,01
				A (Замкнутость – общительность) ²	1	0,008
				Изоляция ¹	0,9	0,02
				C (Эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность) ²	0,86	0,01
				Альтруизм ¹	-0,8	0,01
				N (Прямолинейность (наивность) – проницательность (искусственность)) ²	-0,79	0,01
				Отрицание ¹	0,76	0,008
				Сублимация ¹	0,7	0,006
				Проекция ¹	-0,6	0,03
				Q ₂ (Конформизм (зависимость от группы) – неконформизм) ²	0,54	0,02
				Всемогущий контроль ¹	0,5	0,02
Предвосхищение ¹	-0,5	0,04				

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Анализ полученных результатов показал, что детерминантой формирования склонности к агрессивному поведению с наибольшим вкладом считается предиктор «Диссоциация» (при $\beta = 2,1$). Испытуемым присущ механизм психологической защиты, позволяющий огородиться от непереносимых эмоций посредством отделения чувств и эмоций от сознания, они склонны переживать чувство потери контроля над поведением и временем ($M_x = 27,5$). Этот механизм психологической защиты нарушает восприятие как «образа-Я», так и внешних стимулов, влияет на формирование склонности к агрессивному поведению, испытуемые не осознают собственные совершаемые действия, что может привести к последствиям различной степени тяжести.

Предиктор «Юмор» также влияет на формирование склонности к агрессивному поведению (при $\beta = -1,9$). Механизм действия этой защиты и ее влияние на возникновение склонности к агрессивному поведению идентичны, как и при формировании склонности к зависимому поведению (табл. 2).

Следующим предиктором, обуславливающим склонность к агрессивному поведению, считается «Вытеснение» (при $\beta = 1,1$). Для исследуемой выборки характер-

но вытеснение из поля сознания некоторых травмирующих факторов, что, в свою очередь, повышает тревожность и снижает адаптационный потенциал, при частичном осознании информации возможно появление неприятных телесных ощущений и эмоциональных переживаний, тесно связанных с конкретным вытесненным переживанием ($M_x = 25$). Влияние этого механизма психологической защиты на регрессионную модель, возможно, связано с частичным осознанием травматического опыта, что повышает уровень агрессии, позволяющей снизить возникшее психоэмоциональное напряжение, и ее выражения в формах физического или эмоционального насилия.

Предиктор A^+ «Замкнутость – общительность» также влияет на формирование склонности к агрессивному поведению (при $\beta = 1$). Испытуемым характерны легкость при установлении новых межличностных контактов, готовность к сотрудничеству и совместной работе, а также желание добиться лидерских позиций ($M_x = 6,6$). Вклад этого предиктора, возможно, обусловлен связью с эмоциональным насилием, подросткам выгодно обсудить личную жизнь кого-то из своих близких, причиняя ему вред, получая взамен престиж и популярность среди сверстников.

Предиктор «Изоляция» тоже влияет на формирование склонности к агрессивному поведению (при $\beta = 0,9$). Испытуемым свойственен механизм эмоционального отключения при переживании фрустрационной ситуации, выглядящий как равнодушие, бесчувственность ($M_x = 25,5$). Активизация механизма «Изоляция» возникает в случае, если невозможно управлять сложившейся ситуацией и изменить ее последствия. Вклад этого предиктора при формировании склонности к агрессивному поведению выражается в резких вспышках гнева после продолжительного действия этого механизма психологической защиты, происходящего эмоционального включения в ситуацию.

Предикторы C^- «Эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность» (при $\beta = 0,86$, $M_x = 5,7$) и N^+ «Прямолинейность (наивность) – проницательность (искусственность)» (при $\beta = -0,79$, $M_x = 5,7$) также влияют на формирование склонности к агрессивному поведению. Для испытуемых характерны импульсивность, резкость в высказываниях и действиях с явной нестабильностью в эмоциональном состоянии, раздражительность, утомляемость, при этом прямота и непринужденность в требованиях и суждениях, они увертливы и добиваются желаемых целей любой ценой. Из-за особенностей этих факторов возникает склонность к агрессивному поведению, т. к. агрессия может быть ресурсом для достижения цели.

Кроме вышеописанных личностных предикторов, детерминантами склонности к агрессивному поведению выступают:

1) «Отрицание» (при $\beta = 0,76$, $M_x = 22,7$) – отрицание опасности сложившейся ситуации, иначе говоря, испытуемые игнорируют опасность собственного вызывающего агрессивного поведения.

2) «Сублимация» (при $\beta = 0,9$, $M_x = 28,4$) – этот механизм психологической защиты направлен на компенсацию посредством перенаправления агрессивного потенциала в социально-одобряемую активность, что обуславливает положительную связь склонности к агрессивному поведению и «Сублимации».

3) Q_2^- «Конформизм (зависимость от группы) – неконформизм» (при $\beta = 0,54$, $M_x = 5,2$) – фактор указывает на зависимость респондентов от мнения общества, склонность к агрессивному поведению снижает эмоциональное напряжение при неодобрении их действий.

4) «Всемогущий контроль» (при $\beta = 0,5$, $M_x = 22,9$) – предполагает фактические или мнимые попытки управления фрустрирующей ситуацией, не учитывая интересы окружающих, склонность к агрессивному поведению в этом случае, во-первых, может быть ресурсом для продуктивного решения ситуации, во-вторых, способом коммуникации в коллективе с применением эмоционального или физического насилия.

5) «Альтруизм» (при $\beta = -0,8$, $M_x = 28,5$) – выборке не свойственно совершение социально значимых поступков, что не противоречит логике и формирует склонность к агрессивному поведению.

6) «Проекция» (при $\beta = -0,6$, $M_x = 30,5$) – испытуемым не свойственно приписывать собственные переживания другому лицу и критиковать их поступки, что формирует склонность к агрессивному поведению.

7) «Предвосхищение» (при $\beta = -0,5$, $M_x = 29,4$) – этот механизм идентичен, как и при формировании склонности к зависимому поведению.

Результаты расчета множественной регрессии, представленные в таблице 4, показывают, что переменная «Склонность к суицидальному поведению» тесно связана выявленными предикторами. Эта модель является статистически значимой ($p = 0,001$) и может быть содержательно интерпретирована, она также объясняет 99 % изменчивости изучаемого признака.

Таблица 4

Личностные предикторы склонности к суицидальному поведению

Зависимая переменная	R ²	F	Ур. знач. регресс. модели (p)	Значимые предикторы*	β	Ур. знач.
Склонность к суицидальному поведению	0,99	17,15	0,001	Q ₄ (Расслабленность – эмоциональная напряженность) ²	-0,84	0,01
				Регрессия ¹	0,79	0,02
				Предвосхищение ¹	-0,79	0,001
				L (Доверчивость – подозрительность) ²	0,75	0,002
				Компенсация ¹	0,74	0,01
				Q ₃ (Низкий самоконтроль – высокий самоконтроль) ²	0,64	0,002
				Q ₁ (Консерватизм – радикализм) ²	0,6	0,005
				Ипохондрия ¹	0,5	0,004
				A (Замкнутость – общительность) ²	-0,5	0,01
				Проекция ¹	-0,46	0,02
				O (Спокойствие – тревожность) ²	-0,46	0,04
Всемогущий контроль ¹	-0,44	0,004				

1 – параметры «Методики измерения психологических защит»

2 – параметры «Многофакторной личностной методики»

Детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению с наибольшим вкладом считается предиктор Q₄ – «Расслабленность – эмоциональная

напряженность» (при $\beta = -0,84$). Как было описано ранее, аддиктивное поведение способствует получению суррогатных эмоций и восстановлению баланса, эмоциональной стабильности, подобным эффектом также обладают и аутоагрессивные действия. Невозможность пережить эмоциональный дискомфорт вынуждает личность наносить вред телу ($M_x = 5$), что снижает тревожность, восстанавливает эмоциональное благополучие.

Следующим предиктором, обуславливающим склонность к суицидальному поведению, выступает «Регрессия» (при $\beta = 0,79$). Так, испытуемым свойственны примитивные способы переживания фрустрирующей ситуации, не связанные с физическим дискомфортом. Аутоагрессивное поведение также считается примитивным способом переживания негативной ситуации, предполагающей причинение физического вреда здоровью ($M_x = 23,4$), т. е. эмоциональная отрешенность, инфантильность выступают детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению.

Детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению с отрицательным вкладом также считается предиктор «Предвосхищение», влияет на формирование склонности к аутоагрессивному поведению (при $\beta = -0,79$). Испытуемым свойственна неспособность качественно предполагать последствия собственных действий, а также переоценка своих возможностей ($M_x = 29,4$). Возможно, именно отсутствие представлений о результатах своих действий выступает детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению, индивид не осознает последствий от причинения вреда собственному телу.

Предиктор L^+ «Доверчивость – *подозрительность*» влияет на формирование склонности к аутоагрессивному поведению (при $\beta = 0,75$). Для подростков характерны перекалывание ответственности за ошибки на других лиц, эгоцентричность, раздражительность ($M_x = 5,8$). Убежденность в собственной значимости во всех сферах жизни выступает детерминантой формирования склонности к суицидальному поведению, индивид вынужден самостоятельно наносить вред своему телу, что снижает психоэмоциональное напряжение, вызванное опасливостью.

Предиктор «Компенсация» выступает как детерминанта формирования склонности к суицидальному поведению (при $\beta = 0,74$). Поскольку этот механизм психологической защиты тесно связан с самооценкой личности, индивид, в случае собственной неуспешности, вынужден совершать аутоагрессивные действия, которые способствуют переживанию данной проблемы.

Кроме вышеописанных предикторов, детерминантами склонности к суицидальному поведению выступают:

1) Q_3^+ «Низкий самоконтроль – *высокий самоконтроль*» (при $\beta = 0,64$, $M_x = 6,9$), на наш взгляд, этот фактор показывает, скорее, целенаправленность действий респондента и контроля, что формирует склонность к аутоагрессивному поведению, позволяя снизить эмоциональное напряжение, не причиняя дискомфорт окружающим.

2) Q_1^+ «Консерватизм – *радикализм*» (при $\beta = 0,6$, $M_x = 6,7$) – фактор показывает скептицизм и недоверие окружающим людям, респонденты испытывают иллюзию независимости и способности самостоятельно справиться с фрустрирующей ситуацией посредством аутоагрессивных действий.

3) «Ипохондрия» (при $\beta = 0,5$, $M_x = 28,9$) – действие этого механизма психологической защиты идентично, как и при формировании склонности к аддиктивному поведению (табл. 2).

4) A^+ «Замкнутость – общительность» (при $\beta = -0,5$, $M_x = 6,6$) – этот фактор указывает на отчужденность и скрытность респондентов, будучи непонятыми обществом им нужно реализовать агрессивный потенциал и снять эмоциональное напряжение, что формирует склонность к аутоагрессивному поведению.

5) O^+ «Спокойствие – тревожность» (при $\beta = -0,46$, $M_x = 6,5$) – фактор показывает спокойствие и хладнокровие респондентов, что формирует склонность к аутоагрессивному поведению.

6) «Проекция» (при $\beta = -0,46$, $M_x = 30,5$) – действие этого механизма психологической защиты идентично, как и при формировании склонности к аддиктивному поведению (табл. 2).

7) «Всемогущий контроль» (при $\beta = -0,44$, $M_x = 22,9$) – испытуемые не склонны самостоятельно решать сложившиеся фрустрирующие ситуации и ведомы, но подобная неопределенность формирует склонность к аутоагрессивному поведению.

Выводы. Полученные результаты показали, что проявление склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте обусловлено влиянием некоторых механизмов психологической защиты и личностными особенностями. Согласно полученным в исследовании данным, наибольший вклад в формирование:

- склонности к зависимому поведению вносят личностные предикторы «Юмор» ($\beta = -2,3$), Q_4^- «Расслабленность – эмоциональная напряженность» ($\beta = -1,8$), «Регрессия» ($\beta = 1,3$) и Q_1^+ «Консерватизм – радикализм» (при $\beta = 1,2$);

- склонности к агрессивному поведению вносят личностные предикторы «Диссоциация» ($\beta = 2,1$), «Юмор» ($\beta = -1,9$), «Вытеснение» ($\beta = 1,1$) и A^+ «Замкнутость – общительность» ($\beta = 1$);

- склонности к суицидальному поведению вносят личностные предикторы Q_4^- «Расслабленность – эмоциональная напряженность» ($\beta = -0,84$), «Регрессия» ($\beta = 0,79$), «Предвосхищение» ($\beta = -0,79$), L^+ «Доверчивость – подозрительность» ($\beta = 0,75$).

Особое внимание вызывает факт влияния психологической защиты «Проекция» с отрицательным знаком на все регрессионные модели. Склонность к девиантному поведению не возникает, если испытуемый неосознанно приписывает собственные желания и чувства другому человеку. Возможно, это связано с тем, что механизм психологической защиты «Проекция» может быть причиной возникновения мелких межличностных конфликтов, эскалация которых позволяет избавиться от внутреннего напряжения, таким образом, необходимость получить суррогатные эмоции посредством девиации нивелируется. При этом предиктор L^+ «Доверчивость – подозрительность» оказывает противоположное воздействие на возникновение склонности к зависимому и суицидальному поведению, респонденты испытывают раздражение и склонны осознанно перекладывать собственные ошибки на других, что указывает на некоторое противоречие.

Предиктор Q_1^+ «Консерватизм – радикализм» вошел только в одну регрессионную модель склонности к зависимому поведению, хотя именно агрессивное поведение во многом связано с свободомыслием и недоверием к авторитетным лицам.

Также внимания заслуживает механизм психологической защиты, обозначенный авторами методики как «Всемогущий контроль», который вносит положительный вклад в регрессионную модель склонности к агрессивному поведению и отрицательный – в показатель склонности к суицидальному поведению. Хотя параметр «Всемогущий контроль» и рассматривается как относящийся к невротической группе

защит, работающих на когнитивном уровне, согласно представлениям Е. Р. Пилюгиной и Р. Ф. Сулейманова [15], низкие или высокие результаты в любом случае формируют склонность к девиантному поведению.

Было выявлено, что значительный суммарный вклад во все регрессионные модели внесли механизмы психологической защиты психотической группы («Регрессия», «Ипохондрия», «Вытеснение», «Диссоциация», «Изоляция»). Можно думать, что именно ослабление силы этих механизмов и переход к более зрелым адаптивным копинг-стратегиям снизит риск возникновения склонности к девиантному поведению в старшем подростковом возрасте.

Таким образом, результаты исследования с применением множественного регрессионного анализа позволили описать личностный портрет старшего подростка, имеющего риск формирования склонности к девиантному поведению. Выявлено, что механизмы психологической защиты влияют на формирование склонности к девиантному поведению, причем парадоксальным образом, поскольку их основной функцией должно быть снижение внутреннего напряжения и тревожности посредством использования собственных ресурсов психики.

Список источников

1. Андронникова О. О. Отношение детей с миграционным прошлым к обучению в школе как признак социально-психологической адаптации // Сибирский педагогический журнал. – 2025. – № 1. – С. 142–155.
2. Богданова О. А. Взаимосвязь социально-психологического типа личности и склонности к девиантному поведению: опыт эмпирического исследования // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2024. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 2024. – С. 19–24.
3. Богданова О. А. Причины склонности к девиантному поведению у подростков // Социокультурные проблемы современного человека: материалы X Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – С. 96–100.
4. Геодакян В. А. Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола В. А. Геодакяна. – М., 2012. – 250 с.
5. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. – 4-е изд. – СПб.: Алетейя, 2024. – 602 с.
6. Жадан В. Н. Об анализе причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних // Юридическая наука. – 2022. – № 2. – С. 62–68.
7. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. – СПб.: Речь, 2001. – 12 с.
8. Кольчик Е. Ю., Ушакова В. Р. Гендерные особенности отклоняющегося поведения подростков [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 5. – С. 1–9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-otklonyayuschegosya-povedeniya-podrostkov> (дата обращения: 24.03.2025).
9. Кошенова М. И. Специфика буллинг-процессов в многонациональных школах с преобладающей численностью детей с миграционной историей // Социальная и экономическая психология. – 2025. – Т. 10, № 4 (40). – С. 72–104.
10. Кузнецова Е. В. Психологический профиль агрессивных подростков // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 2. – С. 46–60.
11. Кушнерук С. Л. Ксенофобия как фактор идеологического миромоделирования в цифровой коммуникации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия:

Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 871–883.

12. Методическое руководство: сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н. В. Дворянчиков, В. В. Делибалт, Е. Г. Дозорцева, М. Г. Дебольский, А. В. Дегтярев, Р. В. Чиркина, А. В. Лаврик. – М.: МГППУ, 2017. – 198 с.

13. Назарова В. А., Штермер А. А., Шведчикова Е. В. Девиантное поведение несовершеннолетних: причины и профилактика // Научный альманах Центрального Черноземья. – 2022. – № 1-6. – С. 247–252.

14. Нечаев В. В., Нечаева С. Л., Новацкий В. В. Патриотическое воспитание как направление профилактики девиантного поведения подростков // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 9 (78). – С. 243–255.

15. Пилюгина Е. Р., Сулейманов Р. Ф. Методика измерения психологической защиты // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 194–209.

16. Пискарьёва М. В. Девиантное поведение и формы его проявления в подростковом возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2018. – № 1. – С. 86–90.

17. Реан А. А., Коновалов И. А. Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1 (33). – С. 23–33.

18. Сундиев И. Ю. «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи // Научный портал МВД России. – 2020. – № 4 (52). – С. 35–44.

19. Таганова А. А., Лапсарь М. В. К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 1. – С. 52–58.

20. Ухова И. В. Теоретический анализ агрессивного поведения осужденных мигрантов в местах лишения свободы: проблемы и пути решения // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2025. – № 2. – С. 74–77.

References

1. Andronnikova O. O. The attitude of children with a migration background to schooling as a sign of socio-psychological adaptation. *Siberian Pedagogical Journal*, 2025, no. 1, pp. 142–155. (In Russian)

2. Bogdanova O. A. The relationship between the socio-psychological personality type and the tendency to deviant behavior: the experience of empirical research. *Lomonosov Scientific Readings for Students, Postgraduates and Young Scientists – 2024*. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 2024, pp. 19–24. (In Russian)

3. Bogdanova O. A. The causes of the tendency to deviant behavior in adolescents. *Socio-cultural problems of modern man: proceedings of the X International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk: Publishing House of the NSPU, 2024, pp. 96–100. (In Russian)

4. Geodakyan V. A. *Two sexes. Why and why? The evolutionary theory of gender* by V. A. Geodakyan. Moscow, 2012, 250 p. (In Russian)

5. Gilinsky Ya. I. *Deviantology: the sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other “deviations”*: monograph. 4th ed. Saint Petersburg: Alethea, 2024, 602 p. (In Russian)

6. Zhadan V. N. On the analysis of the causes and conditions that determine the emergence and development of deviant behavior of minors. *Legal Science*, 2022, no. 2, pp. 62–68. (In Russian)

7. Kapustina A. N. R. *Kettell’s multifactorial personality methodology*. Saint Petersburg: Speech, 2001, 12 p. (In Russian)

8. Kolchik E. Yu., Ushakova V. R. Gender-specific deviant behavior of adolescents [Electronic resource]. *The World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, no. 5, pp. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-otklonyayuschegosyapovedeniya-podrostkov> (date of access: 24.03.2025). (In Russian)
9. Koshenova M. I. The specifics of bullying processes in multinational schools with a predominant number of children with a migration history. *Social and Economic Psychology*, 2025, vol. 10, no. 4 (40), pp. 72–104. (In Russian)
10. Kuznetsova E. V. Psychological profile of aggressive adolescents. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 2, pp. 46–60. (In Russian)
11. Kushneruk S. L. Xenophobia as a factor of ideological world modeling in digital communication. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 871–883. (In Russian)
12. Methodical guidance: collection of tests of the software and methodological complex for differential diagnosis of behavioral disorders of minors “Diagnostic Expert+”. N. V. Dvoryanchikov, V. V. Delibalt, E. G. Dozortseva, M. G. Debolsky, A. V. Degtyarev, R. V. Chirkina, A. V. Lavrik. Moscow: MGPPU, 2017, 198 p. (In Russian)
13. Nazarova V. A., Shtermer A. A., Shvedchikova E. V. Deviant behavior of minors: causes and prevention. *Scientific Almanac of the Central Black Earth Region*, 2022, no. 1-6, pp. 247–252. (In Russian)
14. Nechaev V. V., Nechaeva S. L., Novatsky V. V. Patriotic education as a direction of prevention of deviant behavior of adolescents. *Bulletin of Science*, 2024, vol. 2, no. 9 (78), pp. 243–255. (In Russian)
15. Pilyugina E. R., Suleymanov R. F. The methodology of measuring psychological protection. *Experimental Psychology*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 194–209. (In Russian)
16. Piskareva M. V. Deviant behavior and its forms of manifestation in adolescence. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2018, no. 1, pp. 86–90. (In Russian)
17. Rean A. A., Konovalov I. A. The manifestation of aggressiveness of adolescents depending on the gender and socio-economic status of the family. *National Psychological Journal*, 2019, no. 1 (33), pp. 23–33. (In Russian)
18. Sundiev I. Yu. “Toxic” content on the Internet and its impact on the radicalization of youth. *The Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (52), pp. 35–44. (In Russian)
19. Taganova A. A., Lapsar M. V. To the problem of involving minors in destructive activities through information and communication technologies. *Russian Deviantological Journal*, 2023, no. 1, pp. 52–58. (In Russian)
20. Ukhova I. V. Theoretical analysis of aggressive behavior of convicted migrants in places of detention: problems and solutions. *Psychology and Pedagogy of Professional Activity*, 2025, no. 2, pp. 74–77. (In Russian)

Информация об авторе

О. А. Богданова – ассистент кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0009-0007-1002-0389>, olga.bogdanova5167@mail.ru.

Information about the author

O. A. Bogdanova – Assistant Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology at the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0009-0007-1002-0389>, olga.bogdanova5167@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026; accepted for publication 29.01.2026.

Научная статья

УДК 316.61

Цифровое детство как фактор виктимизации развивающейся личности ребенка

Юлия Евгеньевна Руденская¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия

Аннотация. Переход от игрового детства к цифровому привел к трансформации социальной ситуации развития личности ребенка. Современный ребенок функционирует в гибридной реальности, в которой цифровое и аналоговое существование витиевато переплетаются, порождая, с одной стороны, новые возможности для развития, а с другой, новые риски и угрозы для социального качества личности ребенка. *Цель статьи:* представить феномен цифрового детства как фактор риска цифровой виктимизации развивающейся личности ребенка, раскрыть деструктивные последствия ранней цифровизации с точки зрения ее влияния на социально-психологическое качество личности. Глобальный социально-психологический риск трансформации личности детства состоит в том, что традиционная социализация протекает дисфункционально. Автор показывает, как меняется механика работы такого социализационного механизма, как подражание в виртуальном пространстве. Цифровизация неизбежно затронула динамику социальных взаимодействий, с одной стороны, мы получили новые каналы коммуникации, а с другой, традиционное общение начинает заменяться виртуальным времяпрепровождением. Бестелесность, асинхронность, общение по принципу «один ко многим», легкость присоединения к виртуальным группам и легкий выход из них приводят к дефицитарности социальных навыков развивающейся личности ребенка. Погруженность в цифровое пространство в ущерб реальному социальному взаимодействию, отказ от свободной игры создают деструктивные основания для формирования социально-психологической уязвимости личности ребенка и функциональной невозможности в решении задач реального социального функционирования. Цифровое пространство создает новые риски виктимизации развивающейся личности ребенка, а именно актуализирует цифровую виктимизацию. Таким образом, гибридное социальное существование современной личности, с одной стороны, порождает новые возможности (расширяет каналы коммуникации, обеспечивает быстрый доступ к информации), с другой стороны, приводит к возникновению нового типа виктимизации – цифровой. В результате работы автор описывает деструктивные социально-психологические последствия цифрового детства, а также рассматривает социокультурные и психологические детерминанты актуализации цифровой виктимизации личности ребенка. Обозначает роль родительской компетентности в превенции дисфункциональности социализационного процесса.

Ключевые слова: цифровая виктимизация; цифровое детство; игровое детство; социализация; механизм социализации; уязвимость.

Для цитирования: Руденская Ю. Е. Цифровое детство как фактор виктимизации развивающейся личности ребенка // Развитие человека в современном мире. – 2026. – № 1. – С. 52–63.

Digital childhood as a factor in the victimization of the developing child's personality

Yulia E. Rudenskaya¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The transition from a playful childhood to a digital one has transformed the social context of child development. Modern children operate in a hybrid reality in which digital and analog existence are intricately intertwined, generating new opportunities for development on the one hand, and new risks and threats to the child's social quality on the other. The purpose of this article is to present the phenomenon of digital childhood as a risk factor for digital victimization of a child's developing personality and to reveal the destructive consequences of early digitalization in terms of its impact on the child's socio-psychological quality. The global socio-psychological risk of transforming the essence of childhood lies in the dysfunctional nature of traditional socialization. The author demonstrates how the mechanics of such a socialization mechanism as imitation are changing in virtual space. Digitalization has inevitably affected the dynamics of social interactions: on the one hand, we have acquired new communication channels, and on the other, traditional communication is beginning to be replaced by virtual pastimes. Disembodiment, asynchrony, one-to-many communication, and the ease of joining and leaving virtual groups lead to a deficit in the social skills of developing children. Immersion in digital space, to the detriment of real social interaction, and the rejection of free play create destructive foundations for the development of socio-psychological vulnerability and the functional inability to solve real social problems. Digital space creates new risks of victimization for developing children, specifically, it actualizes digital victimization. Thus, the hybrid social existence of the modern individual, on the one hand, generates new opportunities (expanding communication channels, providing quick access to information), and on the other, leads to the emergence of a new type of victimization – digital. In this work, the author describes the destructive socio-psychological consequences of a digital childhood and examines the socio-cultural and psychological determinants of the actualization of digital victimization in children. Denotes the role of parental competence in preventing dysfunction of the socialization process.

Keywords: digital victimization; digital childhood; playful childhood; socialization; socialization mechanism; vulnerability.

For citation: Rudenskaya Yu. E. Digital childhood as a factor in the victimization of the developing child's personality. *Human Development in the Modern World*, 2026, no. 1, pp. 52–63. (In Russ.)

Введение. В современном мире социализация развивающейся личности происходит в условиях глобальной и всепоглощающей цифровизации. В 2014 г. Дж. Смит вводит понятие «цифровая социализация», которое подчеркивает, что процесс адаптации и включения развивающейся личности в социум совершается посредством цифрового пространства и участия в нем [25]. Развитие личности сегодня протекает в смешанной реальности, в которой органически переплетаются цифровое и аналоговое существование. Цифровая социализация дополняет социализацию в реальном пространстве, подобная гибридность социального становления личности формирует новые риски и угрозы ее социальному качеству [3; 14].

Мы не стремимся демонизировать процесс цифровизации, который, бесспорно, обладает позитивными сторонами. Важно четко понимать, кто и в каком объеме погружается в цифровое пространство и как его использует. Здесь особенно уязвимыми оказались дети, лишившиеся детства благодаря цифровизации. На смену игровому детству пришло цифровое, которое принципиально отличается от своего предшественника как по динамическим характеристикам, так и по социально-психологическим результатам. Подобная трансформация меняет механику протекания социализационного процесса, а значит, создаются риски трансформации конструктивного социализационного процесса в дисфункциональный – виктимизацию.

Цель статьи: представить феномен цифрового детства как фактор риска цифровой виктимизации развивающейся личности ребенка, раскрыть деструктивные последствия ранней цифровизации ребенка с точки зрения ее влияния на социально-психологическое качество личности.

Теоретическая часть. Игровое детство – уникальное, историческое явление, которое оттачивалось столетиями. Игра – это работа детства [20]. Особенность игрового детства – растянутость во времени, чтобы у развивающейся личности естественным образом усваивались социокультурные знания и опыт. В процессе игровой деятельности личность осваивает навыки, которые нужны для успешного функционирования во взрослой жизни. Даже факт проигрыша в игре – бесценный опыт, который учит ребенка справляться с негативными эмоциями, извлекать уроки из ошибок и повышает жизнеспособность.

Изменение социальной ситуации развития личности ребенка, которое детерминировано цифровизацией, привело к качественным изменениям игровой деятельности. Так О. В. Рубцова, О. В. Саламатова отмечают, что, с одной стороны, детская игра усложняется, т. к. к традиционным игрушкам присоединяются цифровые устройства, с другой стороны, наблюдается примитивизация игровых навыков, минимализация развернутых форм игры [11].

О. А. Белобрыкина отмечает, что игры современных детей «...реализуются по преимуществу в форме просто манипулирования игровой атрибутикой. Игры дошкольников кратковременны, характеризуются однообразием, стереотипностью, узким диапазоном сюжетов и ограниченностью игровых ролей, недостаточностью инициативы и творчества, что свидетельствует о симплификации игровой деятельности и указывает на симптоматику социальной и культурной депривации детей» [2].

В научном дискурсе активно обсуждают феномен цифровой игры как формы игровой деятельности, опосредованной технологиями [16; 21; 23; 24]. Игровой контент, который активно разрабатывается с опорой на детскую аудиторию, весьма разнообразен (головоломки, стратегии, аркады и т. д.). Цифровые развлечения преподносятся как инструменты развития мышления и внимания ребенка, используются для изучения алфавита, счета и иностранных языков.

Здесь мы видим явное смещение понятий. Истинная игра ценна сама по себе. Для развития личности ребенка нужна именно свободная игра, которая «...выбирается, направляется участниками и осуществляется ради себя самой, а не ради сознательного достижения внешних целей» [22, с. 444].

Дискуссионным остается вопрос, считается ли взаимодействие ребенка с технологиями игрой в строгом смысле этого слова. Нужно четко понимать, что есть истинная игра, а есть суррогатные формы деятельности, которыми современные родители наполняют жизненное пространство ребенка под влиянием маркетинговых стратегий и собственной родительской некомпетентности.

Дефицит родительской компетентности приводит к тому, что родители не воспринимают всерьез предложения, исходящие от производителей цифрового контента. Многие стереотипно полагают, что каждый ребенок имманентно способен к игровому действию, достаточно просто предоставить ему ресурсы. Скаченная игра или приложение не принесет пользы для личности ребенка, а, напротив, создаст опасную ситуацию игровой депривации, т. к. вместо реальной свободной игры ребенок будет гипнотически прикован к экрану. «Цифровые устройства приносят детям столько впечатлений, что возникает серьезная проблема: снижается интерес к неэкраным формам опыта» [19, с. 245]. Родители откликаются на требования ребенка дать им смартфон, включить телевизор или скачивают трендовые игровые приложения, здесь, к сожалению, «из всех игрушек, на сегодняшний день существующих для детей разного возраста, интернет – самая любимая» [17, с. 32].

Согласно данным аналитического отчета лаборатории Kaspersky, родители с каждым годом все раньше знакомят детей с гаджетами. «Среди тех, кому сейчас 15–17 лет, только 29 % начали взаимодействовать с дивайсами до школы, среди 11–14-летних таких 42 %, а в группе 7–10 лет – большинство (74 %)» [4, с. 3].

При этом собственный смартфон есть у 53 % дошкольников, а в начальной школе уже у 89 % детей [4]. Важно подчеркнуть, что смартфон уже по умолчанию предполагает не просто коммуникацию родителя с ребенком по сценарию «дошел – отзвонись», телефон – это возможность доступа в интернет и использование приложений. Укажем данные: 92 % детей в возрасте 3–6 лет (а это 92 % респондентов) периодически входят в интернет [4].

Большинство детей вне зависимости от возраста используют интернет, чтобы поиграть, посмотреть видео, фильмы или послушать музыку. В возрасте 3–6 лет 62 % детей используют интернет для игр, также с 7–10 лет – 72 % респондентов. Интернет рассматривается детьми как пространство для игр с большим выбором и бесконечными возможностями. Именно эта позиция занимает первое место среди ответов детей в возрасте 3–10 лет. Просмотр видео, мемов и фото – второй по популярности ответ среди респондентов: 58 % (3–6 лет) и 68 % (7–10 лет). На третьем месте вариант «Слушаю музыку и смотрю кино» – 39 % респондентов в возрасте 3–6 лет и 32 % тех, чей возрастной диапазон 7–10 лет [4].

Таким образом, интернет становится способом организации детского досуга, а виртуальное пространство его основной площадкой. При этом родители сами иницируют подключение детей к цифровому пространству, 43 % из опрошенных родителей дают гаджеты детям, чтобы выделить себе время для домашних дел [4].

При оценке родителями рисков, с которыми могут столкнуться дети в цифровой среде, на первых позициях мошенничество, доступ к взрослым сайтам и столкновение с жестокостью, сам же факт деструктивного влияния цифровой среды на социальное качество личности ребенка игнорируется или размывается по частным рискам (пропаганда деструктивных ценностей, зависимость и пр.) [4; 17].

Цифровое пространство создает иллюзию безопасности. Так, значительная часть родителей «не успевают отследить свободное время своих детей в интернете. Главное, что сын или дочь дома, а значит – в безопасности» [17, с. 30]. При этом дети быстро учатся обходить родительский контроль в сети и добывать информацию, которая не всегда соответствует их возрасту. Доступ к порно, жестоким видео, ненормативная лексика – это только малая часть деструктивной информации, которую может получить любой ребенок в сети. Формируется своеобразный парадокс в ро-

дительском контроле: родители чрезмерно опекают детей в реальном мире, но недостаточно в виртуальном. Цифровизация современного детства однозначно требует переосмысления мер безопасности путем использования всего потенциала инновационных виртуальных технологий [6].

Таким образом, современные дети достаточно рано подключаются к цифровому миру, легко в нем ориентируются и с возрастом все больше времени в нем проводят. Через интернет они открывают для себя мир и формируют собственные личности. Опасность в этой ситуации в том, что естественные механизмы развития, которые актуализировались в игровом детстве, уходят на задний план.

В цифровом пространстве по-другому происходит социализация личности ребенка. Базовые механизмы культивирования психики или не могут работать в цифровом мире, или работают в искаженной, деформированной форме.

Важно понимать, что ни одна интерактивная игрушка, мультфильм или программа не работают сами по себе. Психика человека социо-ориентированная, чтобы сформировать ту или иную психическую функцию необходим межличностный контекст. Л. С. Выготский писал, что «всякая высшая психическая функция в развитии ребенка появляется на сцене дважды – сперва как деятельность коллективная, социальная, т. е. как функция интерпсихическая, второй раз как деятельность индивидуальная, как внутренний способ мышления ребенка, как функция интрапсихическая» [5, с. 344]. Это значит, что без качественных взаимодействий невозможен сам факт развития.

Взаимодействия в цифровом мире есть, но со специфическими характеристиками, которые делают невозможным конструктивное протекание процесса социализации. Так, по мнению Дж. Хайдта, цифровые взаимодействия бестелесны, асинхронны, выстроены по схеме «один ко многим», к ним легко присоединиться и легко покинуть [19]. Рассмотрим эти характеристики подробнее.

Первая характеристика – бестелесность. Для взаимодействия в цифровом мире не нужно находиться рядом, а значит, часть сигналов, таких как жесты, мимика и поза, исчезает из процесса общения (исключение – видеозвонки). А. Мейерабиан в процессе исследования общения выяснил, что вербальный канал коммуникации предоставляет 35 % информации, а более 65 % передается с помощью невербальных средств общения [10]. Подобную дефицитарность цифрового взаимодействия пытаются скомпенсировать знаками, эмодзи, но ни одна картинка не заменит то, что выражает лицо или звук речи говорящего.

Отдельно отметим, что в цифровом взаимодействии появился новый партнер – искусственный интеллект. Он стремительно развивается, учится реагировать не только на вопросы человека, но и на его эмоции. Чтобы поговорить с ИИ, не нужно прилагать усилий, достаточно войти в чат и у тебя есть собеседник. В 2025 г. в Америке зафиксирован случай регистрации брака между А. Уинтерс и искусственным интеллектом. Новобрачная отмечает, что «я никогда не забываю, что он не настоящий, но поддержка и доброта, которые он оказывает, – реальны» [1].

Вторая характеристика цифровых взаимодействий – асинхронность, которая предполагает, что обмен информацией происходит не сразу. Мы часто вынуждены ждать реакции, проверяя, дошло ли сообщение, увидели ли пользователи пост и т. д. В реальном общении взаимодействие строится по принципу «посыл – реакция», что требует оперативности реагирования, гибкости и внимания. Получается, сам процесс общения уже тренировка определенных социальных и когнитивных

навыков. В виртуальном взаимодействии у собеседника всегда есть время на реакцию, иногда она сводится к простому нажатию на лайк, сердечко или другой виртуальный способ одобрения.

Реальные взаимодействия чаще всего строятся по модели «один на один» или «один к немногим». Здесь речь идет о дружеском общении, общении с родителями, братьями и сестрами и всеми теми, кто входит в ограниченный круг. В цифровом мире взаимодействия больше проходят по модели «один ко многим», что выступает третьей характерной чертой цифровых взаимодействий. Выложенное фото, видео или пост часто становятся доступны многомиллионному сообществу, каждый пользователь имеет право его комментировать, оценивать или сохранять себе. Многие забывают о том, что любая информация, выложенная в сети, оставляет цифровой след, который может использоваться против автора. Тем не менее это не останавливает пользователей, они щедро делятся личными фото, переживаниями, а порой и компрометирующими данными.

Склонность человека делиться личной или эмоционально заряженной информацией с большой аудиторией получила название овершеринг [8]. Под ним понимается попытка форсировать динамику социальных отношений, стремление ускорить близость. К овершерингу склонны и дети, которые зачастую бездумно выкладывают информацию в цифровое пространство. Каждый пятый ребенок жалел о некоторых публикациях, которые делал в сети. Взрослые также поддаются овершерингу, например, 43 % взрослых размещают фото своих детей, а 35 % сопровождают посты личной информацией. При этом 61 % родителей не спрашивают согласие своего ребенка, 25 % советуются, но сохраняют за собой право на финальное решение [4].

Примечательным считается еще то, что в цифровом мире несколько взаимодействий может протекать параллельно. Вы можете общаться с разными пользователями одновременно, что размывает значимость такого общения для личности и снижает степень ее психологической вовлеченности.

Последняя характеристика цифрового взаимодействия – это низкая планка входа и выхода участников. Если вспомнить теорию А. В. Петровского, то личность в процессе социальной интеграции проходит три стадии: адаптация, индивидуализация и интеграция [9].

Для того чтобы социальное включение в группу в реальном общении оказалось возможным, необходимо присвоить социальные нормы и ценности группы, понять, какие индивидуальные характеристики будут высоко оценены, только потом личность может что-то вносить в жизнедеятельность сообщества, стать его частью. Этот процесс достаточно длителен и требует усилий со стороны личности. Попытки интегрироваться в ту или иную группу – важная часть социального опыта, который будет определять социальную эффективность личности в будущем.

Если вернуться в рамки цифрового взаимодействия, то здесь не нужно применять особых усилий для участия в той или иной группе. Иногда достаточно просто нажать на кнопку, подписаться, отправить заявку или оплатить участие. Особые социальные навыки здесь не нужны. Выйти из взаимодействия в виртуальном сообществе тоже легко, достаточно отписаться или удалиться из группы. При этом у всех участников есть возможность заблокировать собеседника, если его действия или личность вам не нравятся.

Важно понимать, что минимализация усилия для включения в то или иное сообщество приносит скорее вред, чем пользу. Такие сообщества создают более слабые связи, но развивающаяся личность цепляется за них, ведь больше у нее ничего нет [19].

Таким образом, в цифровом мире меняется сам характер взаимодействий, они становятся бестелесными, асинхронными, строятся по схеме «один ко многим» и крайне поверхностны. В подобных взаимодействиях невозможно качественно культивировать психику, чем больше времени ребенок проводит в цифровом пространстве, тем печальнее последствия.

Одним из негативных последствий погружения детей в цифровое пространство выступает цифровая деменция. М. Шпитцер ввел понятие «цифровая деменция» для описания ухудшения когнитивных функций, вызванного избыточным использованием цифровых устройств, таких как смартфоны, планшеты, компьютеры и т. д. [26]. Это понятие пока осторожно принимается научным сообществом, но факт изменения качества когнитивных функций цифрового ребенка доступен для наблюдения каждому современному человеку. В цифровой среде сам процесс познания трансформируется, происходит «...синтез информации и развлечений, позволяющий донести до аудитории сложные или серьезные темы в более легкой и привлекательной форме» [7, с. 171].

Тем не менее меняется не только контекст, в котором происходит социализация развивающейся личности, но и меняются ее базовые механизмы. Рассмотрим на примере подражания, как оно реализуется в цифровом контексте.

Подражание как механизм социализации предполагает следование какому-либо примеру, образцу. Оно может осуществляться осознанно или бессознательно, но благодаря именно ему происходит культивирование социальности в личности. Подражание формирует основу для социального развития, как движение – для развития физического.

В цифровом пространстве есть понятие «инфлюенсер» – блогер, медийная личность, популярная в сети за счет продуцируемого контента и интересной подачи. Причем популярность такого человека определяется не реальными психологическими качествами или компетенциями, а количеством аудитории, на которую он транслирует свой контент.

За инфлюенсерами периодически следят 69 % дошкольников (3–6 лет) и 75 % респондентов в возрасте 7–10 лет [4]. Важно понимать, что для детей инфлюенсеры – это не только источник новостей, но и особая ролевая модель поведения, которую они усваивают некритично.

Родители как агенты социализации не выдерживают конкуренции с социализирующей силой социальных сетей. Популярный блогер может быстро сформировать то или иное поведение у своей аудитории, подтолкнуть к покупке за счет нативной рекламы, сформировать тренд в одежде, модели речи или во всем внешнем виде. «То, что поощряется и осуждается, насколько крепкой становится дружба и, главное, к чему стоит стремиться – все это определяется тысячами постов, комментариев и лайков, которые дети видят каждый день» [19, с. 155].

Большой популярностью среди детской аудитории пользуются челленджи, которые предполагают выполнение определенных действий вслед за блогером. Нормативность и этичность подобных испытаний никем не отслеживается, а значит, есть риски того, какие модели поведения усваивает развивающаяся личность ребенка и к чему приведут эти эксперименты. Модели поведения, ценности и установки, которые транслирует цифровой авторитет, часто связаны с гедонизмом, нарциссизмом и культурой потребления (культурная триада, рассматриваемая в работах Е. В. Руденского) [13]. Мы должны четко осознать факт того, что ребенок, погру-

женный в цифровое пространство, неизбежно будет формироваться под влиянием его культуры.

Подражание как механизм социализации в цифровом пространстве, бесспорно, актуализируется, но его работа приводит к некоторым деструктивным последствиям, блокирует нормативное протекание социализационного процесса.

Таким образом, цифровое детство блокирует естественные механизмы социализации, а значит, создает риски для формирования дефицитов социально-личностных компетенций и, как следствие, – функциональной невозможности и социально-психологической уязвимости личности ребенка. Получается, оно создает основание для формирования виктимности развивающейся личности в пространстве цифрового детства.

Все это дает нам основание говорить о феномене цифровой виктимизации развивающейся личности. Понятие «цифровая виктимизация» активно используется нашими коллегами, которые проводят исследования в рамках криминологической парадигмы виктимологии [15; 18]. Тем не менее аспект деструктивного влияния цифровой социализации на развивающуюся личность, в первую очередь ребенка, оказывается вне поля внимания виктимологов.

Если ранее мы рассматривали виктимизацию как следствие патологии межличностных отношений, то у цифровой виктимизации другие социокультурные и психологические основания [12].

В качестве основной социокультурной детерминанты выступает цифровизация современного общества, которая создала феномен цифрового детства. Ребенок, попадая в ситуацию игровой депривации, не может полноценно сформировать социальные и психологические навыки. При этом избежать цифровизации, оставаясь включенным в общество, практически невозможно.

Когда ребенок приходит в школу, он попадает в среду сверстников, у которых есть смартфоны, они активные пользователи цифрового пространства. Здесь школьник без гаджета скорее девиант, социальный изгой, т. к. не может поддержать диалог со сверстником, не поймет его примеров и не может найти точки соприкосновения.

Психологическая детерминанта связана с некомпетентностью личности родителя, о чем мы уже упоминали выше. Родители часто используют цифровые устройства, чтобы управлять поведением ребенка, успокоить в ситуации стресса, отвлечь при неприятной процедуре или просто выкроить время для себя. Все это можно сделать и без гаджетов. Тем не менее, когда есть дефицит психотехнических и функциональных компетенций у родителя, цифровой вариант считается более доступным, а значит, предпочитаемым.

Заключение. Тотальное и всепроникающее распространение цифровых технологий связало человека со всем миром, но явно отдалило от тех, кто находится рядом. Цифровая виктимизация создает деструктивные основания для формирования дефицитов социально-личностных компетенций у развивающейся личности ребенка. Фактически социальное развитие современных детей проходит в специфической гибридной реальности, которая создает следующие новообразования:

- игровая депривация личности ребенка как отказ от свободной игры в пользу пребывания в цифровом пространстве;
- снижение качества, глубины и длительности межличностных отношений, которые все больше характеризуются меньшей приватностью, форсированной близостью, легким входом и выходом из них и пр.;

– культивирование цифрового образа жизни, цифровые технологии активно используются для организации досуга, общения, обучения современных детей, вытесняя реальные практики межличностного взаимодействия;

– изменение ценностей и приоритетов у развивающейся личности как установка на некритическое подражание инфлюенсерам;

– формирование дефицитов социально-личностных компетенций ребенка.

Остановить цифровизацию общества невозможно, но компетентный родитель способен правильно расставить приоритеты. Цифровая компетентность родителя – это не только грамотное поведение в сети, но и понимание того, когда можно отпускать ребенка в цифровое пространство, как долго ребенок в нем находится и для чего. Компетентный родитель не будет избегать межличностных контактов со своим ребенком, использовать гаджеты, чтобы дистанцироваться от межличностных взаимодействий, т. к. понимает их силу и влияние на детскую психику.

Список источников

1. Американка вышла замуж за чат-бота с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/13/25773380.shtml> (дата обращения: 21.01.2026).

2. Белобрыкина О. А. Ребенок вне игры: трансформации игровой деятельности в современном детстве // Современное дошкольное образование. – 2021. – № 3 (105). – С. 24–32.

3. Большунова Н. Я., Беданоква А. К., Устинова О. А. Индивидуальность человека в условиях цифровизации: обзор современных исследований и подходов // Психологическая наука и образование. – 2025. – № 30 (6). – С. 151–162.

4. Взрослые и дети в интернете: аналитический отчет [Электронный ресурс] // Лаборатория Kaspersky. – URL: https://kids.kaspersky.ru/files/13443_Brochure_KidsSecurity_2023.pdf (дата обращения: 21.01.2026).

5. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 512 с.

6. Макарова Е. А., Гаркуша И. В. Цифровая трансформация как средство обеспечения безопасности в образовательной среде // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 2. – С. 61–72.

7. Максименко А. А., Духанина Л. Н., Забелина Е. В., Бушуева А. М. Стратегии просвещения или удовольствия: противостояние в медиапотреблении // Психологическая наука и образование. – 2025. – № 30 (1). – С. 171–186.

8. Никифоров А. О. Проблема защиты приватности в цифровом обществе // Вопросы медиабизнеса. – 2024. – № 1. – С. 69–74.

9. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.

10. Пиз А., Пиз Б. Язык телодвижений: как читать мысли окружающих по их жестам. – М.: Эксмо, 2025. – 448 с.

11. Рубцова О. В., Саломатова О. В. Детская игра в условиях цифровой трансформации: культурно-исторический контекст (Часть 1) // Культурно-историческая психология. – 2022. – Т. 18, № 3. – С. 22–31.

12. Руденская Ю. Е. Факторы онтогенетической виктимизации личности в интерактивной системе семьи // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 3. – С. 180–183.

13. Руденский Е. В. Субъектная виктимность как культурная патология личности: концептуализация проблемного поля клинической социально-психологической виктимологии: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2024. – 136 с.

14. Сабуров А. В., Большунова Н. Я. Киберсубъектность как ресурс психологического благополучия курсантов в условиях цифровизации образовательной среды // Развитие человека в современном мире. – 2025. – № 4. – С. 73–86.
15. Сарычев М. М. Цифровые ловушки: исследование виктимного поведения в условиях ИТ-угроз // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 447–450.
16. Смирнова С. Ю., Клопотова Е. Е., Рубцова О. В., Сорокова М. Г. Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 177–193.
17. Солдатова Г. В., Зотова Е. Ю., Чекалина А. И., Гостимская О. С. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете / под ред. Г. В. Солдатовой. – М.: МСкомпринт, 2011. – 176 с.
18. Фоминых Е. С. Нарушения информационной безопасности в контексте цифровой виктимизации детей и подростков // Виктимология. – 2024. – № 1. – С. 69–77.
19. Хайдт Дж. Тревожное поколение. Как великое подключение детства вызвало эпидемию душевных болезней. – М.: АСТ, 2025. – 483 с.
20. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Питер, 2019. – 448 с.
21. Fleer M. Theorising digital play: a cultural historical conceptualisation of children's engagement in imaginary digital situation // International Research in Early Childhood Education. – 2016. – Vol. 7, № 2. – P. 75–90. DOI: 10.4225/03/584E7151533F7
22. Gray P. The decline of play and the rise of psychopathology in children and adolescents // American Journal of Play. – 2011. – № 3 (4). – P. 443–463.
23. Johnson J. E., Christie J. F. Play and digital media // Computers in the Schools. – 2009. – Vol. 26. – P. 284–289. DOI: 10.1080/07380560903360202
24. Linderoth J., Lantz-Andersson A., Lindström B. Electronic exaggerations and virtual worries: mapping research of computer games relevant to the understanding of children's game play // Contemporary Issues in Early Childhood. – 2002. – Vol. 3, № 2. – P. 226–250.
25. Smith J., Hewitt B., Skrbiš Z. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood // Information, Communication & Society. – 2015. – Vol. 18, № 9. – P. 1022–1038.
26. Spitzer M. Digital dementia: a new form of neurological disorder // International Journal of Neuroscience. – 2012. – Vol. 122 (9). – P. 590–593. DOI: 10.3109/00207454.2012.694642

References

1. American woman marries AI chatbot [Electronic resource]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/13/25773380.shtml> (date of access: 21.01.2026). (In Russian)
2. Belobrykina O. A. Child outside the game: transformation of play activity in modern childhood. *Modern Preschool Education*, 2021, no. 3 (105), pp. 24–32. (In Russian)
3. Bolshunova N. Ya., Bedanokova A. K., Ustinova O. A. Human individuality in the context of digitalization: a review of modern research and approaches. *Psychological Science and Education*, 2025, no. 30 (6), pp. 151–162. (In Russian)
4. Adults and children on the Internet: analytical report [Electronic resource]. Kaspersky Lab. URL: https://kids.kaspersky.ru/files/13443_Brochure_KidsSecurity_2023.pdf (date of access: 21.01.2026). (In Russian)
5. Vygotsky L. S. Psychology of child development. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005, 512 p. (In Russian)
6. Makarova E. A., Garkusha I. V. Digital transformation as a means of ensuring security in the educational environment. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 2, pp. 61–72. (In Russian)
7. Maksimenko A. A., Dukhanina L. N., Zabelina E. V., Bushueva A. M. Strategies of education or pleasure: confrontation in media consumption. *Psychological Science and Education*, 2025, no. 30 (1), pp. 171–186. (In Russian)

8. Nikiforov A. O. The problem of privacy protection in a digital society. *Issues of Media Business*, 2024, no. 1, pp. 69–74. (In Russian)
9. Petrovsky A. V. Personality. Activity. Team. Moscow: Politizdat, 1982, 255 p. (In Russian)
10. Pease A., Pease B. Body language: how to read others' minds by their gestures. Moscow: Eksmo, 2025, 448 p. (In Russian)
11. Rubtsova O. V., Salomatova O. V. Children's play in the context of digital transformation: cultural and historical context (Part 1). *Cultural and Historical Psychology*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 22–31. (In Russian)
12. Rudenskaya Yu. E. Factors of ontogenetic victimization of an individual in the interactive family system. *Siberian Pedagogical Journal*, 2013, no. 3, pp. 180–183. (In Russian)
13. Rudensky E. V. Subjective victimization as a cultural pathology of an individual: conceptualization of the problem field of clinical social and psychological victimology: monograph. Novosibirsk: Publishing House of the NSPU, 2024, 136 p. (In Russian)
14. Saburov A. V., Bolshunova N. Ya. Cybersubjectivity as a resource for psychological well-being of cadets in the context of digitalization of the educational environment. *Human Development in the Modern World*, 2025, no. 4, pp. 73–86. (In Russian)
15. Sarychev M. M. Digital traps: a study of victim behavior in the context of IT threats. *Agrarian and Land Law*, 2025, no. 4, pp. 447–450. (In Russian)
16. Smirnova S. Yu., Klopotova E. E., Rubtsova O. V., Sorokova M. G. Features of the use of digital devices by preschool children: a new sociocultural context. *Social Psychology and Society*, 2022, vol. 13, no. 2, pp. 177–193. (In Russian)
17. Soldatova G. V., Zotova E. Yu., Chekalina A. I., Gostimskaya O. S. Caught in the same network: a socio-psychological study of children's and adults' views of the Internet. Ed. by G. V. Soldatova. Moscow: MSkomprint, 2011, 176 p. (In Russian)
18. Fominykh E. S. Information security violations in the context of digital victimization of children and adolescents. *Victimology*, 2024, no. 1, pp. 69–77. (In Russian)
19. Haidt J. Anxious generation. How the great childhood connection caused an epidemic of mental illness. Moscow: AST, 2025, 483 p. (In Russian)
20. Erickson E. Childhood and society. Saint Petersburg: Peter, 2019, 448 p. (In Russian)
21. Flier M. Theorizing digital play: a cultural historical conceptualization of children's engagement in imaginary digital situation. *International Research in Early Childhood Education*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 75–90. DOI: 10.4225/03/584E7151533F7
22. Gray P. The decline of play and the rise of psychopathology in children and adolescents. *American Journal of Play*, 2011, no. 3 (4), pp. 443–463.
23. Johnson J. E., Christie J. F. Play and digital media. *Computers in the Schools*, 2009, vol. 26, pp. 284–289. DOI: 10.1080/07380560903360202
24. Linderöth J., Lantz-Andersson A., Lindström B. Electronic exaggerations and virtual worries: mapping research of computer games relevant to the understanding of children's game play. *Contemporary Issues in Early Childhood*, 2002, vol. 3, no. 2, pp. 226–250.
25. Smith J., Hewitt B., Skrbiš Z. Digital socialization: young people's changing value orientations towards internet use between adolescence and early adulthood. *Information, Communication & Society*, 2015, vol. 18, no. 9, pp. 1022–1038.
26. Spitzer M. Digital dementia: a new form of neurological disorder. *International Journal of Neuroscience*, 2012, vol. 122 (9), pp. 590–593. DOI: 10.3109/00207454.2012.694642

Информация об авторе

Ю. Е. Руденская – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии, факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-1270-6820>, rudenskaja@rambler.ru.

Information about the author

Yu. E. Rudenskaya – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Victimology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-1270-6820>, rudenskaja@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 20.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 20.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 20.02.2026.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Развитие человека в современном мире. 2026. № 1
Human Development in the Modern World. 2026, no. 1

Научная статья

УДК 159.9.075

Влияние осмысленности жизни на параметры самоактуализации старшеклассников, обучающихся в психолого-педагогических классах

Надежда Викторовна Гребенникова¹

¹*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема осмысленности жизни, ее особенностей в юношеском возрасте и влияния на параметры самоактуализации. В теоретической части статьи проанализированы подходы к пониманию осмысленности жизни и самоактуализации, а также представлен анализ исследований связи самоактуализации и осмысленности жизни (смысложизненных ориентаций), которые уже были проведены к настоящему моменту. Актуализируется проблема исследования влияния осмысленности жизни на параметры самоактуализации личности старшеклассников. Обсуждается значимость вопросов, связанных с осмысленностью жизни и наиболее полной реализацией себя, у обучающихся психолого-педагогических классов. Цель работы: выявить и оценить влияние осмысленности жизни на параметры самоактуализации старшеклассников, обучающихся в психолого-педагогических классах. Для реализации цели были использованы следующие методики: 1) «Тест смысловых ориентаций» Д. А. Леонтьева (в модификации Е. Н. Осина, Н. В. Кошелевой); 2) «Самоактуализационный тест» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, М. В. Загика и М. В. Кроз). Для математико-статистического анализа был использован линейный регрессионный анализ, однофакторный дисперсионный анализ (Крускал-Уоллис) с попарным сравнением Двасс-Стил-Кричлоу-Флигнера (DSCF). В исследовании приняли участие 153 старшеклассника, обучающихся в психолого-педагогических классах г. Барнаула. Приведены результаты исследования осмысленности жизни, параметров самоактуализации посредством анализа различий в группах с разным уровнем осмысленности жизни и последующей оценкой влияния осмысленности жизни на формирование стремления к самоактуализации у старшеклассников. Было выявлено, что от уровня осмысленности жизни зависит большинство параметров самоактуализации за исключением гибкости поведения, сензитивности к себе и принятия агрессии. Делается вывод о том, что понимание своих целей и умение управлять своей жизнью определяет ориентацию во времени, умение принимать самостоятельные решения, самоуважение и самопринятие, спонтанность поведения, доверие к окружающим людям, умение выстраивать близкие взаимоотношения, стремление к познанию и творческую направленность личности. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Кроме того, они усиливают значимость работы с осмысленно-

стью жизни у старшеклассников в психолого-педагогических классах, которая считается движущей силой стремления к самоактуализации, необходимого для будущего учителя.

Ключевые слова: смысл жизни; смысложизненные ориентации; осмысленность жизни; самоактуализация; стремление к самоактуализации; старшеклассник; психолого-педагогический класс.

Для цитирования: Гребенникова Н. В. Влияние осмысленности жизни на параметры самоактуализации старшеклассников, обучающихся в психолого-педагогических классах // Развитие человека в современном мире. – 2026. – № 1. – С. 64–74.

Original article

The influence of the meaningfulness of life on the parameters of self-actualization of high school students studying in psychological and pedagogical classes

Nadezhda V. Grebennikova¹

¹*Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia*

Abstract. The article raises the problem of the meaningfulness of life, its features in adolescence and the impact on the parameters of self-actualization. In the theoretical part of the article, approaches to understanding the meaningfulness of life and self-actualization are analyzed, as well as an analysis of studies on the relationship between self-actualization and the meaningfulness of life (meaning-of-life orientations) that have already been conducted to date. The problem of studying the influence of the meaningfulness of life on the parameters of self-actualization of the personality of high school students is actualized. The importance of issues related to the meaningfulness of life and the fullest realization of oneself among students of psychological and pedagogical classes is discussed. The purpose of the empirical study is to identify and evaluate the impact of the meaningfulness of life on the parameters of self-actualization of high school students studying in psychological and pedagogical classes. The following techniques were used to achieve the goal: 1) “Test of life sense orientations” by D. A. Leontiev (modified by E. N. Osin, N. V. Kosheleva); 2) “Self-actualization test” (Yu. E. Alyoshina, L. Ya. Gozman, M. V. Zagika and M. V. Kroz). For mathematical and statistical analysis, linear regression analysis, one-factor analysis of variance (Kruskal-Wallis) with a pairwise Dwass-Steele-Critchlow-Fliegner comparison (DSCF) were used. The study involved 153 high school students enrolled in psychology and teaching classes in Barnaul. The article presents the results of a study of the meaningfulness of life, the parameters of self-actualization by analyzing differences in groups with different levels of meaningfulness of life and the subsequent assessment of the impact of meaningfulness of life on the formation of the desire for self-actualization in high school students. It was revealed that most of the parameters of self-actualization depend on the level of meaningfulness of life, with the exception of flexibility of behavior, sensitivity to oneself and acceptance of aggression. It is concluded that understanding one’s goals and the ability to manage one’s life determines one’s orientation in time, the ability to make independent decisions, self-respect and self-acceptance, spontaneity of behavior, trust in others, the ability to build close relationships, the desire for knowledge and the creative orientation of a personality. The results obtained confirm the hypothesis. In addition, they reinforce the importance of working with the meaningfulness

of life among high school students in psychological and pedagogical classes, which is the driving force behind the desire for self-actualization necessary for future teachers.

Keywords: meaning of life; meaningful orientations; meaningfulness of life; self-actualization; striving for self-actualization; high school student; psychological and pedagogical class.

For citation: Grebennikova N. V. The influence of the meaningfulness of life on the parameters of self-actualization of high school students studying in psychological and pedagogical classes. *Human Development in the Modern World*, 2026, no. 1, pp. 64–74. (In Russ.)

Введение. Осмысленность жизни предполагает, что человек способен определять ее цели и ценности, а также осознавать, куда он движется, что будет лучше для его жизни. На протяжении многих десятилетий проблема осмысленности жизни в психологии остается одной из наиболее значимых. Предлагаются различные подходы к пониманию смысла жизни, анализируется степень влияния осмысленности на различные личностные конструкты.

Проблема смысла жизни в психологии одним из первых была обозначена В. Франклом. Он отмечал, что поиск смысла жизни выступает врожденной мотивационной тенденцией, которая детерминирует поведение человека [18]. На сегодняшний день эта проблема стала одной из самых актуальных в понимании человека. М. Аргайл считает, что можно говорить о формировании у человека осмысленности своей жизни при появлении у него долгосрочных целей и жизненных планов, достижение которых будет влиять на самооценку личности [17]. Понимание осмысленности жизни как осознание и свободный выбор собственных целей свойственно М. Фридману и Р. Фридман, которые отмечают, что жизнь человека становится счастливее, если он понимает личностный смысл и у него есть цель [19]. А. Лэнгле приходит к выводу, что осмысленность жизни выступает интегральной характеристикой личности, влияющей на ее жизнедеятельность посредством соотнесения возможностей, требований и смысложизненных ориентаций. Ценности и приоритеты человека определяют вектор его жизненного пути, что невозможно без высокого уровня осмысленности жизни [7]. В то же время, как отмечает Р. Мэй, в современном мире увеличивается поток разнообразной информации, которая перегружает сознание человека, что приводит к снижению осмысленности жизни и, как следствие, уверенности в себе [21].

В отечественной психологии проблема смысла жизни рассматривалась В. Э. Чудновским, который отмечал, что смысл жизни выступает как психологический стержень личности, он должен быть адекватен, т. е. реалистичен и конструктивен [16], С. Л. Рубинштейн считал, что без осознания смысла своей жизни невозможно достижение личностной зрелости и действенности жизненного пути [11]. Значительный вклад в исследования осмысленности жизни внес Д. А. Леонтьев, который подчеркивал, что осмысленность жизни считается ведущей подструктурой личности, регулирующей жизнедеятельность человека во всех ее аспектах [6].

Как отмечают Р. В. Трофимов и А. О. Шарапов, смысложизненные ориентации выступают ключевым механизмом регуляции, они определяют цели, ценности и жизненный путь в целом. При этом, исследуя смысложизненные ориентации военнослужащих, авторы обнаруживают, что при воздействии стрессовых факторов

(участие в боевых действиях) осмысленность жизни снижается, цели становятся нечеткими и менее значимыми [13]. Л. А. Букаев, А. А. Халявин на основе эмпирических исследований делают вывод о том, что у старшеклассников с высоким уровнем осмысленности жизни представлена возможность опираться на внутренние мотивы выбора профессии, в то время как низкий уровень осмысленности способствует использованию внешних отрицательных мотивов [2]. Таким образом, повышение осмысленности жизни у старшеклассников становится одним из ключевых факторов осознанного выбора профессии в дальнейшем, а, следовательно, основой эффективной деятельности будущего профессионала.

По мнению многих ученых, юношеский возраст считается сензитивным периодом не только для развития осмысленности жизни, но и для появления стремления к самоактуализации. Наиболее обстоятельно этими вопросами занимался А. Маслоу, который считал, что самоактуализирующаяся личность отличается ориентацией на будущее, умением самостоятельно принимать решения, гибкостью поведения, спонтанностью, уважением и принятием себя, креативностью, умением выстраивать тесное взаимодействие с другими людьми, оптимизм, демократичность в отношениях [20]. В то же время М. В. Федяевой и Н. И. Волчковой выявлено, что, несмотря на то, что старшеклассникам свойственно слабое развитие спонтанности и гибкости поведения, они склонны разделять ценности самоактуализирующейся личности [14].

В современных психологических исследованиях проблемам осмысленности жизни и самоактуализации уделяется особое внимание. Тем не менее чаще всего предметом исследования становится выявление связей между различными явлениями. Так, Л. Э. Кузнецова, Ю. Ю. Кибалова сделали вывод, что чем выше осмысленность жизни у студентов, тем выше их стремление к самоактуализации, при этом наиболее тесные связи прослеживаются с такими параметрами самоактуализации, как самопонимание, гибкость, контактность, доверие к другим людям [4]. В некоторых исследованиях были выявлены связи между самоактуализацией и смысложизненными ориентациями во взрослом возрасте. У лиц с высоким уровнем осмысленности выше показатели психологического благополучия, целеустремленности, ориентации на будущее, стремления к самореализации [12].

В исследовании О. А. Рощупкиной и И. В. Михайловой было обнаружено, что у процесса поиска смысла жизни и стремления к самоактуализации есть общие механизмы, посредством познания которых человек раскрывает в себе потенциал для реализации поставленных жизненных целей. Самоактуализация раскрывается благодаря наполненности жизни человека смыслом [10].

И. А. Бакушкин, И. М. Ильичева выявили наличие тесных связей между самоактуализацией и смысложизненными ориентациями: благодаря осмысленности жизнь воспринимается как целостный процесс, студенты с высоким уровнем осмысленности могут контролировать процесс жизни, готовы к более тесным эмоциональным контактам. В то же время понимание своих целей приводит к ощущению способности самостоятельно принимать решения и контролировать достижение этих целей [1].

С нашей же точки зрения, осмысленность жизни и стремление к самоактуализации хотя и взаимосвязаны, но осмысленность жизни выступает предиктором параметров самоактуализации, определяя их особенности и силу стремления к реализации своих возможностей. Гипотеза проверяется на учащих психолого-педагогическо-

го класса, выборка подобрана неслучайно. Вероятно, что такие качества, как самоактуализация и осмысленность жизни, особенно значимы для будущей педагогической профессии. Важно также, что указанные особенности можно целенаправленно развивать в условиях обучения в психолого-педагогическом классе.

Цель статьи – выявить и оценить влияние осмысленности жизни на параметры самоактуализации старшеклассников, обучающихся в психолого-педагогических классах.

Методы. Было проведено исследование самоактуализации и смысложизненных ориентаций у 153 старшеклассников в возрасте от 16 до 18 лет (из них 36,6 % юношей и 63,4 % девушек), обучающихся классов психолого-педагогической направленности (г. Барнаул). Согласно проверяемой в исследовании гипотезе уровень осмысленности жизни влияет на параметры самоактуализации, определяя стремление человека к наиболее полной реализации себя.

Для проверки гипотезы были использованы следующие методики: 1) «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева (в модификации Е. Н. Осина, Н. В. Кошелевой) [5; 8]; 2) «Самоактуализационный тест» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, М. В. Загика и М. В. Кроз) [15]. Методы математико-статистической обработки включали в себя линейный регрессионный анализ и однофакторный дисперсионный анализ (Краскел-Уоллис), сравнительный анализ Двасс-Стил-Кричлоу-Флигнера (DSCF). Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программ SPSS Statistic 23.0, Jamovi 2.3.28.0.

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам методики «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева (в модификации Е. Н. Осина, Н. В. Кошелевой) было выявлено, что у 49 % респондентов наблюдается средний уровень осмысленности жизни, в то время как у 32 % – высокий уровень и у 19 % – низкий уровень понимания смысла жизни. На основании описанных результатов выборка была разделена на 3 группы (по уровню осмысленности жизни), таким образом, в группе с низким уровнем осмысленности оказалось 29 человек, со средним – 75 и с высоким – 49. Однофакторный дисперсионный анализ позволил сравнить параметры самоактуализации трех выделенных групп. В результате статистического анализа было выявлено, что есть достоверные различия между группами по большинству параметров самоактуализации (табл. 1).

Таблица 1

Результаты однофакторного дисперсионного анализа

Параметры самоактуализации	χ^2	p	ϵ^2
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Шкала Компетентности во времени	18.90	<.001	0.1243
Шкала поддержки	21.16	<.001	0.1392
Шкала Ценностных ориентаций	32.58	<.001	0.2144
Шкала Гибкости поведения	3.43	0.180	0.0226
Шкала Сензитивности к себе	3.15	0.207	0.0207
Шкала Спонтанности	3.91	0.142	0.0257
Шкала Самоуважения	32.28	<.001	0.2124
Шкала Самопринятия	13.32	0.001	0.0876

1	2	3	4
Шкала Представлений о природе человека	13.72	0.001	0.0903
Шкала Синергии	9.76	0.008	0.0642
Шкала Принятия агрессии	7.54	0.023	0.0496
Шкала Контактности	3.37	0.185	0.0222
Шкала Познавательных потребностей	19.11	<.001	0.1257
Шкала Креативности	11.95	0.003	0.0786

По результатам, представленным в таблице, можно увидеть, что старшекласники психолого-педагогических классов, различающиеся по уровню осмысленности жизни, по-разному ориентированы во времени, в разной степени подвержены влиянию внешних сил на принятие решений, отличаются по уровню ценностей самоактуализирующейся личности, по параметрам самоуважения и самопринятия, а также принятия целостности мира. Старшекласники, входящие в разные группы, различаются также по отношению к отрицательным эмоциям, доверию к окружающим людям, стремлению к познанию, по творческой направленности личности. В то же время не обнаружены значимые различия по параметрам понимания своих чувств и эмоций, умения выстраивать взаимоотношения с окружающими и гибкости поведения.

По результатам попарного сравнения, проведенного с помощью критерия Двасс-Стил-Кричлоу-Флигнера (DSCF), было выявлено, что наибольшие различия в параметрах самоактуализации между группами с низким и высоким уровнями осмысленности жизни. Остановимся на их описании подробнее. Статистически достоверные различия в этих группах по следующим параметрам самоактуализации: «Шкала компетентности во времени» ($W_{эмп} = 6,23$ при $p \leq 0,001$), «Шкала поддержки» ($W_{эмп} = 6,26$ при $p \leq 0,001$), «Шкала ценностных ориентаций» ($W_{эмп} = 7,73$ при $p \leq 0,001$), «Шкала самоуважения» ($W_{эмп} = 7,16$ при $p \leq 0,001$), «Шкала самопринятия» ($W_{эмп} = 4,94$ при $p \leq 0,001$), «Шкала представлений о природе человека» ($W_{эмп} = 5,08$ при $p \leq 0,001$), «Шкала синергии» ($W_{эмп} = 4,40$ при $p \leq 0,01$), «Шкала познавательных потребностей» ($W_{эмп} = 5,732$ при $p \leq 0,001$) и «Шкала креативности» ($W_{эмп} = 4,61$ при $p \leq 0,01$).

При этом между группами с низким и средним уровнями осмысленности выявлены различия по следующим шкалам: «Шкала компетентности во времени» ($W_{эмп} = 4,18$ при $p \leq 0,01$), «Шкала поддержки» ($W_{эмп} = 5,33$ при $p \leq 0,001$), «Шкала ценностных ориентаций» ($W_{эмп} = 6,02$ при $p \leq 0,001$), «Шкала самоуважения» ($W_{эмп} = 6,53$ при $p \leq 0,001$), «Шкала самопринятия» ($W_{эмп} = 4,32$ при $p \leq 0,01$), «Шкала представлений о природе человека» ($W_{эмп} = 3,52$ при $p \leq 0,05$), «Шкала синергии» ($W_{эмп} = 3,34$ при $p \leq 0,05$) и «Шкала принятия агрессии» ($W_{эмп} = 3,81$ при $p \leq 0,05$).

В то же время между группами со средним и высоким уровнями осмысленности жизни различия минимальны: «Шкала ценностных ориентаций» ($W_{эмп} = 3,50$ при $p \leq 0,05$), «Шкала самоуважения» ($W_{эмп} = 3,50$ при $p \leq 0,05$), «Шкала познавательных потребностей» ($W_{эмп} = 5,128$ при $p \leq 0,001$) и «Шкала креативности» ($W_{эмп} = 3,67$ при $p \leq 0,05$).

Таким образом, уровень осмысленности жизни в большей степени связан с уважением самого себя, своих достижений и способностей, творческой направленностью личности, стремлением к познанию нового и расширению своего кругозора,

а также стремлением к реализации ценностей самоактуализирующейся личности. При этом люди с низким уровнем осмысленности жизни в большей степени склонны не принимать свои отрицательные эмоции, им сложно самостоятельно принимать решения, есть трудности с принятием и уважением своей личности, с ориентацией на будущее и доверием к окружающим людям.

Связи между самоактуализацией и смысложизненными ориентациями были выделены и описаны в другой работе [3]. В этой статье акцент делается на анализе влияния осмысленности жизни на параметры самоактуализации. Описанные выше результаты сравнения групп косвенно демонстрируют зависимость стремления к самоактуализации от уровня осмысленности жизни. Тем не менее для более точной оценки такого влияния был проведен линейный регрессионный анализ. Он показал, что осмысленность жизни влияет на некоторые параметры самоактуализации личности старшеклассников, обучающихся в психолого-педагогических классах. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Результаты регрессионного анализа влияния независимой переменной
«Осмысленность жизни»**

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
	B	Стандартная ошибка	Бета		
Зависимая переменная: компетентность во времени					
Осмысленность жизни	0,149	0,033	0,347	4,543	0,00
Зависимая переменная: поддержка					
Осмысленность жизни	0,216	0,042	0,387	5,158	0,00
Зависимая переменная: ценностные ориентации					
Осмысленность жизни	0,28	0,036	0,534	7,763	0,00
Зависимая переменная: спонтанность					
Осмысленность жизни	0,091	0,035	0,206	2,581	0,011
Зависимая переменная: самоуважение					
Осмысленность жизни	0,25	0,036	0,493	6,966	0,00
Зависимая переменная: самопринятие					
Осмысленность жизни	0,147	0,041	0,279	3,571	0,00
Зависимая переменная: представления о природе человека					
Осмысленность жизни	0,145	0,036	0,314	4,057	0,00
Зависимая переменная: синергия					
Осмысленность жизни	0,137	0,036	0,294	3,787	0,00
Зависимая переменная: контактность					
Осмысленность жизни	0,089	0,041	0,174	2,173	0,031
Зависимая переменная: познавательные потребности					
Осмысленность жизни	0,138	0,034	0,315	4,08	0,00
Зависимая переменная: креативность					
Осмысленность жизни	0,145	0,032	0,346	4,528	0,00

Можно отметить, что параметр «понимание своих целей и места в жизни» влияет на показатели ориентации человека во времени, умения самостоятельно принимать решения, приверженности ценностям самоактуализирующейся личности, самоуважение и самопринятие, умение действовать без заранее заготовленного плана, понимание единства противоположностей в мире, стремление познавать новое, творческую направленность и легкость установления новых межличностных связей. Таким образом, можно ожидать, что при развитии осмысленности жизни у старшеклассников будет увеличиваться стремление к самоактуализации в разных сферах. Кроме того, учащиеся станут более самостоятельными и спонтанными, научатся уважать свои достоинства и принимать недостатки, доверять окружающим людям и самим себе.

Результаты нашего исследования согласуются и дополняют выявленные ранее взаимосвязи между самоактуализацией и смысложизненными ориентациями. Как отмечает Е. С. Плотникова, осмысленность жизни в юношеском возрасте становится движущей силой самореализации личности. Наше исследование также предполагает линейность влияния осмысленности жизни на самоактуализацию учащихся [9].

Стремление к самоактуализации выступает одной из основных характеристик будущего педагога, необходимых для его эффективной деятельности. Кроме того, ранний юношеский возраст считается сензитивным периодом для развития стремления к самоактуализации. Учащиеся психолого-педагогических классов ориентированы на получение в будущем педагогической профессии, следовательно, возрастает значимость формирования и развития важных для будущей профессии личностных качеств. Профессия педагога предполагает постоянное самосовершенствование, саморазвитие, реализацию своего профессионального и личностного потенциала. Все это должно обеспечиваться высоким уровнем стремления к самоактуализации.

Важно отметить, что в современном обществе наблюдается снижение осмысленности жизни. Старшеклассники часто испытывают трудности с профессиональным и личностным самоопределением, осознанием своего «Я» и места в мире. Кроме того, ранний юношеский возраст считается периодом переживания кризиса смысла жизни. Активный поиск и конструирование собственного жизненного смысла у старшеклассников может происходить успешнее, если выполняется целенаправленная работа педагога-психолога.

По причине того, что и стремление к самоактуализации, и осмысленность жизни считаются профессионально важными качествами для педагога, понимание влияния осмысленности жизни на параметры самоактуализации обучающихся психолого-педагогических классов определяет ориентиры в реализации работы педагога-психолога по обеспечению психологической готовности учащихся к получению педагогической профессии. Таким образом, целесообразна направленность в работе с психолого-педагогическими классами на повышение осмысленности жизни посредством создания проблемно-ценностных ситуаций, проблематизации понимания смысла ситуации, организации дискуссий, обеспечивающих анализ разнообразных точек зрения, рефлексий каждого занятия. Полученные результаты говорят о том, что повышение осмысленности жизни будет обеспечивать дальнейшее развитие стремления к самоактуализации, что в совокупности повысит эффективность допрофессиональной педагогической подготовки школьников в процессе обучения в психолого-педагогическом классе.

Выводы. Итак, гипотеза о наличии влияния осмысленности жизни на параметры самоактуализации старшеклассников нашла свое подтверждение. Осмысленность

жизни влияет на все параметры самоактуализации, кроме таких как сензитивность, гибкость поведения и принятие агрессии. Осмысленность жизни, как показывают представленные данные, определяет стремление к самоактуализации в юношеском возрасте, поскольку понимание смысла, целей своей жизни, ориентация на будущее и удовлетворенность прошлым и настоящим дает возможность человеку сохранить внутренние личностные ресурсы, наличие которых способствует стремлению к наиболее полной реализации своего потенциала. Поэтому одним из направлений работы в психолого-педагогических классах считается развитие у старшеклассников осмысленности жизни с целью осмысленного выбора педагогической профессии и стремления к эффективной реализации в ней.

Список источников

1. Бакушкин И. А., Ильичева И. М. Самоактуализация и смысложизненные ориентации студентов с различной иерархией ценностей // Вестник университета. – 2024. – № 1. – С. 204–210. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-1-204-210
2. Букаев Л. А., Халевин А. А. Влияние внешних и внутренних факторов на профессиональное самоопределение старшеклассников // Актуальные вопросы педагогики и психологии: от теории к практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 20–21 февраля 2025 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. – С. 198–201.
3. Гребенникова Н. В., Холодкова О. Г. Смысложизненные ориентации и характеристики самоактуализации у старшеклассников // Развитие человека в современном мире. – 2023. – № 3. – С. 85–97.
4. Кузнецова Л. Э., Кибалова Ю. Ю. Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и уровня самоактуализации личности студентов // Молодой ученый. – 2017. – № 8 (142). – С. 281–284.
5. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
6. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2014. – 511 с.
7. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Логотерапия как средство оказания помощи в жизни. – М.: Генезис, 2021. – 124 с.
8. Осин Е. Н., Кошелева Н. В. Тест смысложизненных ориентаций: новые данные о структуре и валидности // Вопросы психологии. – 2020. – № 6 (66). – С. 150–163.
9. Плотникова Е. С. Осмысленность жизни как движущая сила самореализации в юношеском возрасте // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». – 2015. – № 2. – С. 192–201.
10. Рошупкина О. А., Михайлова И. В. Взаимосвязь характеристик экзистенциальной исполненности смысла жизни с профилем самоактуализации и личностной идентичностью // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. – 2025. – № 1. – С. 23–37. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-23-37
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
12. Трещенко Е. М., Дерманова И. Б. Самореализация и копинг-механизмы у взрослых с разной степенью осмысленности жизни // Научные исследования выпускников факультета психологии. – 2013. – Т. 2. – С. 238–243.
13. Трофимов Р. В., Шаратов А. О. Особенности смысложизненных ориентаций у военнослужащих // Проблемы психологии личности в условиях современных вызовов: сборник научных статей по итогам всероссийской конференции (с международным участием) (г. Белгород, 24–25 апреля 2024 г.). – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2025. – С. 69–75.

14. Федяева М. В., Волчкова Н. И. Особенности самоактуализации старшеклассников [Электронный ресурс] // Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 6. – URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/06/821> (дата обращения: 01.11.2025).
15. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 362 с.
16. Чудновский В. Э. Проблема оптимального смысла жизни // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: материалы 8–10 симпозиумов: в 2 ч. / под ред. А. А. Бодалева, Г. А. Вайзер, Н. А. Карповой, В. Э. Чудновского. – М., 2004. – Ч. 1. – С. 7–23.
17. Argyle M. The psychology of happiness. – London: Routledge, 2001. – 288 p.
18. Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning // Cognition and psychotherapy / Ed. by M. J. Mahoney, A. Freeman. – New York: Plenum, 1985. – P. 259–275.
19. Fridman M., Fridman R. Free to choose: a personal statement. – New York; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979. – 338 p.
20. Maslow A. H. Toward a psychology of being. – New York: J. Wiley & Sons, 1998. – 270 p.
21. May R. The discovery of being: writings in existential psychology. – New York: Norton, 1994. – 192 p.

References

1. Bakushkin I. A., Ilicheva I. M. Self-actualization and meaning-in-life orientations of students with different value hierarchies. *University Bulletin*, 2024, no. 1, pp. 204–210. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-1-204-210 (In Russian)
2. Bukayev L. A., Khalyavin A. A. The influence of external and internal factors on professional self-determination of senior high school students. Current issues in pedagogy and psychology: from theory to practice: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Saint Petersburg, February 20–21, 2025). Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 2025, pp. 198–201. (In Russian)
3. Grebennikova N. V., Kholodkova O. G. Meaning-in-life orientations and characteristics of self-actualization in senior high school students. *Human Development in the Modern World*, 2023, no. 3, pp. 85–97. (In Russian)
4. Kuznetsova L. E., Kibalova Yu. Yu. The relationship between meaning-in-life orientations and the level of self-actualization in university students. *Young Scientist*, 2017, no. 8 (142), pp. 281–284. (In Russian)
5. Leontiev D. A. Life-Meaning Orientation Test (LMT). Moscow: Smysl, 2000, 18 p. (In Russian)
6. Leontiev D. A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaningful reality. Moscow: Smysl, 2014, 511 p. (In Russian)
7. Längle A. A life full of meaning: logotherapy as a means of assistance in life. Moscow: Genesis, 2021, 124 p. (In Russian)
8. Osin E. N., Kosheleva N. V. Meaning-in-Life Orientations Test: new data on structure and validity. *Psychology Issues*, 2020, no. 6 (66), pp. 150–163. (In Russian)
9. Plotnikova E. S. Meaningfulness of life as a driving force of self-realization in adolescence. *Bulletin of Tver State University. Series "Pedagogy and Psychology"*, 2015, no. 2, pp. 192–201. (In Russian)
10. Roshchupkina O. A., Mikhailova I. V. The relationship between characteristics of existential fulfillment of life meaning and the profile of self-actualization and personal identity. *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2025, no. 1, pp. 23–37. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-1-23-37 (In Russian)
11. Rubinstein S. L. Fundamentals of general psychology. Saint Petersburg: Peter, 2002, 720 p. (In Russian)

12. Treshchenko E. M., Dermanova I. B. Self-realization and coping mechanisms in adults with different levels of life meaningfulness. *Scientific Research of Graduates of the Faculty of Psychology*, 2013, vol. 2, pp. 238–243. (In Russian)

13. Trofimov R. V., Sharapov A. O. Features of life-meaning orientations in military personnel. Problems of personality psychology in the context of modern challenges: collection of scientific articles following the All-Russian conference (with international participation) (Belgorod, April 24–25, 2024). Belgorod: Belgorod State National Research University, 2025, pp. 69–75. (In Russian)

14. Fedyaeva M. V., Volchkova N. I. Features of self-actualization in high school students [Electronic resource]. *Psychology, Sociology and Pedagogy*, 2012, no. 6. URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/06/821> (date of access: 01.11.2025). (In Russian)

15. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. Socio-psychological diagnostics of personality and small group development. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002, 362 p. (In Russian)

16. Chudnovsky V. E. The problem of the optimal meaning of life. Meaning of life and acme: 10 years of search: proceedings of the 8th–10th symposia: in 2 parts. Ed. by A. A. Bodalev, G. A. Weiser, N. A. Karpova, V. E. Chudnovsky. Moscow, 2004, part 1, pp. 7–23. (In Russian)

17. Argyle M. The psychology of happiness. London: Routledge, 2001, 288 p.

18. Frankl V. Logos, paradox and the search for meaning. Cognition and psychotherapy. Ed. by M. J. Mahoney, A. Freeman. New York: Plenum, 1985, pp. 259–275.

19. Fridman M., Fridman R. Free to choose: a personal statement. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich, 1979, 338 p.

20. Maslow A. H. Toward a psychology of being. New York: J. Wiley & Sons, 1998, 270 p.

21. May R. The discovery of being: writings in existential psychology. New York: Norton, 1994, 192 p.

Информация об авторе

Н. В. Гребенникова – ассистент кафедры психологии, ведущий психолог, Центр психологического и социального здоровья молодежи, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, <https://orcid.org/0009-0006-9409-7633>, n.grebennikova1993@yandex.ru.

Information about the author

N. V. Grebennikova – Assistant Professor of the Department of Psychology, Leading Psychologist, Center for Psychological and Social Health of Youth, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, <https://orcid.org/0009-0006-9409-7633>, n.grebennikova1993@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 15.02.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 15.02.2026.

Научная статья

УДК 159.9.072.432

Особенности социальной адаптации студентов-первокурсников колледжа

Нина Валерьевна Попель¹

¹*Российский государственный социальный университет, Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы адаптации студентов к обучению в средних профессиональных учебных заведениях, рассматриваются факторы, влияющие на успешность адаптации. Раскрываются сущность и особенности таких понятий, как адаптация и социально-психологическая адаптация. Обосновывается особое значение проблемы успешности социально-психологической адаптации для современных студентов колледжа, анализируются условия образовательной среды (информационная перегруженность, напряженный ритм, рост учебной нагрузки, высокая интеллектуальная и межличностная конкуренция внутри коллектива) и индивидуально-психологические особенности первокурсников средних профессиональных учреждений (тип нервной системы, уровень интернальности, особенности мышления и эмоциональной сферы, сформированность ценностно-смысловой сферы личности студента, структура учебно-мотивационной сферы и др.).

Цель исследования: изучить особенности социальной адаптации студентов колледжа, выявить специфику социально-психологической адаптации первокурсников, основных ее интегральных показателей (интернальность, принятие других, самопринятие, эмоциональная комфортность, стремление к доминированию). Изучались также особенности учебной мотивации испытуемых: выявлялся уровень профессиональных, учебно-мотивационных, социальных, коммуникативных, мотивов избегания, престижа и творческой самореализации. Задачи исследования: освоить такие индивидуальные особенности личности, как уровень самооценки и тревожности (как личностной, так и реактивной).

Результаты исследования показали, что большинство студентов-первокурсников успешно адаптировались к образовательному процессу колледжа, вошли в новую систему социальных отношений, нашли свое место в ней, активно усвоили нормы, ценности и правила поведения в этом образовательном учреждении, освоили новую социальную роль. Тем не менее почти у четвертой части обучающихся выявлен низкий уровень социальной адаптации. Для испытуемых этой группы характерен внешний локус контроля, они склонны приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним факторам; низкий уровень принятия других и себя, они не склонны к доминированию, не стремятся к лидерству и руководству в решении задач, у них выражены отрицательные эмоциональные состояния: тревожность, беспокойство, тревога.

Исследования мотивационной структуры первокурсников выявили доминирование профессиональных и учебно-мотивационных мотивов в структуре учебной деятельности студентов. В процессе изучения тревожности почти пятая часть испытуемых показала высокий уровень личностной тревожности, что говорит об устойчивой склонности к тревоге как личностной черте студентов. Более половины первокурсников колледжа показали высокий уровень самооценки, что считалось хорошим показателем и указывало на оптимизм и веру в свои способности, часть студентов показали низкий уровень самооценки. Исследование детерминантов социальной адаптации

первокурсников выявило связи адаптивности с мотивами, личностной и реактивной тревожностью, самооценкой.

Ключевые слова: адаптация; адаптированность; дезадаптация; самооценка; тревожность; учебная мотивация; факторы.

Для цитирования: Попель Н. В. Особенности социальной адаптации студентов-первокурсников колледжа // Развитие человека в современном мире. – 2026. – № 1. – С. 75–84.

Original article

Characteristics of social adaptation of first-year college students

Nina V. Popel¹

¹*Russian State Social University, Moscow, Russia*

Abstract. This article analyzes the problem of student adaptation to study in secondary vocational educational institutions and examines the factors influencing its success. It explores the essence and characteristics of such concepts as adaptation and socio-psychological adaptation. The particular importance of successful socio-psychological adaptation for modern college students is substantiated. The article analyzes the educational environment (information overload, intense pace, increasing academic workload, high intellectual and interpersonal competition within the team) and the individual psychological characteristics of first-year students in secondary vocational institutions (type of nervous system, level of internality, thinking and emotional characteristics, development of the student's value-semantic sphere, structure of the educational-motivational sphere, etc.).

The purpose of this study was to examine the social adaptation characteristics of college students and to identify the specific features of first-year students' socio-psychological adaptation, including its key integral indicators: internality, acceptance of others, self-acceptance, emotional comfort, and the desire for dominance. The subjects' academic motivation was also examined, including their levels of professional, academic-motivational, social, communicative, avoidance, prestige, and creative self-realization. The study also examined individual personality traits such as self-esteem and anxiety, both personal and reactive.

The study's results showed that most first-year students successfully adapted to the college's educational process, integrated into the new system of social relationships, found their place within it, actively assimilated the norms, values, and rules of conduct within this educational institution, and mastered their new social roles. However, almost a quarter of the students demonstrated low levels of social adaptation. Subjects in this group are characterized by an external locus of control. They tend to attribute responsibility for their performance to external factors, have low levels of self-acceptance and others. They are not prone to dominance, do not seek leadership or guidance in problem-solving, and exhibit negative emotional states: anxiety, worry, and unease.

A study of the motivational structure of first-year students revealed the dominance of professional and academic motivational motives in the structure of students' academic activity. In the anxiety study, almost a fifth of the subjects demonstrated high levels of personal anxiety, demonstrating a persistent tendency toward anxiety as a personality trait. More than half of the college first-year students demonstrated high levels of self-esteem, which was a positive indicator and indicated optimism and belief in their abilities. However, some students demonstrated low levels of self-esteem. A study of the determinants of social adaptation of first-year students revealed links between adaptability and motives, personal and reactive anxiety, and self-esteem.

Keywords: adaptation; adaptability; maladaptation; self-esteem; anxiety; academic motivation; factors.

For citation: Popel N. V. Characteristics of social adaptation of first-year college students. *Human Development in the Modern World*, 2026, no. 1, pp. 75–84. (In Russ.)

Введение. В условиях стремительных изменений в социальной и образовательной сферах современного общества проблема адаптации студентов колледжей к новым условиям обучения приобретает особую значимость. Переход из школы в систему среднего профессионального образования (СПО) – это сложный и многогранный процесс, который требует от подростков не только освоения новых учебных дисциплин, но и адаптации к совершенно иной образовательной среде, социальным нормам и правилам поведения. Для того чтобы помочь студентам колледжа в адаптации в процессе психолого-педагогического сопровождения, нужно выявить их проблемы и трудности [17].

Современные исследования показывают, что большое количество студентов испытывает трудности в процессе социальной адаптации, что может негативно сказываться на их академической успеваемости, психологическом состоянии и дальнейшей профессиональной реализации. Поэтому изучение факторов, которые помогают успешной социальной адаптации, становится одной из основных задач психологии и педагогики.

Различные аспекты социально-психологической адаптации рассматривались в работах К. А. Абульхановой-Славской, Д. А. Андреевой, Л. И. Божович, И. К. Кряжевой, А. А. Налчаджяна и др. [1; 3; 5; 11; 13].

Первоначально термин «адаптация» появился в физиологических исследованиях и обозначал способность органов чувств, таких как зрение и слух, подстраиваться под особенности внешних раздражителей. Позднее этот термин стал применяться к более широкому спектру биологических явлений, связанных с функциональной перестройкой организма в ответ на изменения окружающей среды. Таким образом, возникло понятие «адаптация» (от позднелат. *adaptatio* – приспособление) как результат (процесс) взаимодействия живых организмов и окружающей среды, который приводит к оптимальному их приспособлению к жизни и деятельности [14]. В дальнейшем этот термин был включен в лексикон социологических и психологических наук. На сегодняшний день в психологии адаптация представляет собой сложный, многоуровневый процесс, отражающий взаимодействие личности с социальной средой, в ходе которого формируется оптимальный баланс между требованиями внешней среды и внутренними ресурсами индивида. Так, согласно Б. Г. Ананьеву, адаптацию следует рассматривать в контексте антропологического и возрастно-психологического подхода, связывая ее с уровнем психофизиологической зрелости и индивидуальными особенностями человека [2]. По мнению А. Г. Маклакова, есть несколько основных проявлений адаптации. Во-первых, адаптация – это свойство организма, во-вторых, процесс приспособления к изменяющимся условиям среды, суть которого состоит в достижении одновременного равновесия между средой и организмом, в-третьих, результат взаимодействия в системе «человек-среда», в-четвертых, цель, к которой стремится организм [12, с. 442]. А. А. Реан трактует адаптацию как интегративный и многоуровневый процесс, охватывающий когнитивную, эмоционально-волевою и мотивационно-личностную

сферы [15]. Поэтому успешная адаптация невозможна без учета внутренней согласованности между установками личности и требованиями внешней среды. Он подчеркивает, что адаптация – это не просто реакция на условия, а активное взаимодействие субъекта с социальной ситуацией, в процессе которого формируются устойчивые поведенческие стратегии, направленные на достижение психологического комфорта и продуктивности.

На сегодняшний день в науке существует многообразие взглядов на определение понятия «социальная адаптация». Современное понимание социально-психологической адаптации выходит далеко за рамки простого приспособления к окружающей среде. Это активный процесс взаимодействия личности и социума, в результате которого происходит не только изменение индивида под влиянием среды, но и трансформация самой среды под влиянием личности [16]. А. Г. Асмолов, развивая деятельностный подход, тоже закладывает основу для понимания социально-психологической адаптации как процесса, связанного с формированием индивидуальности личности в условиях социальной среды [4]. Автор этой статьи разделяет точку зрения Д. Н. Дубровина, который под социальной адаптацией понимает успешное приспособление индивида к условиям социальной среды, наличие адекватного восприятия окружающей действительности, адекватной системы отношений и общения с окружающими, проявление активности в учебной, трудовой деятельности [7, с. 5].

Таким образом, адаптация представлена как результат активного взаимодействия личности с социальной средой. Центральной идеей этих подходов выступает признание неразрывной связи человека с окружающей средой, где адаптация проявляется не как пассивное подчинение обстоятельствам, а как динамичный процесс освоения, осмысления и преобразования социальной действительности. Личность в этом контексте выступает не объектом, а субъектом адаптации, способным формировать устойчивые модели поведения и принципы взаимодействия, адекватные изменяющимся условиям и собственным внутренним целям.

Анализ особенностей социальной адаптации студентов системы среднего профессионального образования требует рассмотрения комплекса факторов, определяющих успешность вхождения в новую образовательную среду. Особую роль в этом процессе играют индивидуально-психологические характеристики студентов, такие как уровень учебной мотивации, особенности самооценки, уровень тревожности, т. е. важными становятся параметры готовности к обучению в новых условиях, облегчающие ему адаптацию [19].

Однако не все студенты обучаются успешному применению адаптационных стратегий. Некоторые обучающиеся в учебном заведении остаются дезадаптированными. Дезадаптация личности предполагает любые затруднения, нарушения, отклонения, возникающие у человека в новых условиях. Анализ тенденций в структуре дезадаптации говорит о трансформации ее причин и форм. Если ранее акцент смещался на неспособность к усвоению учебного материала, то в современных условиях дезадаптация все чаще принимает форму эмоционального истощения, сниженной волевой активности и появления аутоагрессивных установок, особенно на фоне хронического переутомления. Как отмечает Е. Л. Бобылев, рост девиантного поведения в студенческой среде нельзя рассматривать в отрыве от неадекватных адаптационных механизмов: агрессия, изоляция, деструктивные формы прокрастинации – все это проявления неадаптированной психики, неспособной к конструктивной переработке напряжения [6].

Одним из факторов, повышающих устойчивость к академическому стрессу, считается развитие когнитивных стратегий, направленных на осмысление собственных реакций. По утверждению М. М. Карнеловича, способность к метапознанию, саморефлексии и критической оценке собственных учебных действий выступает как условие перехода от поверхностной адаптации к глубокой интеграции в образовательный процесс [9]. Это подтверждается эмпирическими наблюдениями: студенты, обладающие развитыми метапознавательными навыками, показывают более высокий уровень адаптированности в стрессовых ситуациях, быстрее устанавливая социальные связи и реже испытывают эмоциональное выгорание.

Наиболее уязвимой категорией остаются студенты с нарушенным восприятием образовательной среды и низким уровнем волевой регуляции. Как подчеркивает А. А. Касьяненко, для таких обучающихся характерно фрагментарное включение в образовательный процесс, повышенная зависимость от внешнего контроля, склонность к избеганию сложных задач, а также формирование стратегии минимизации усилий [10]. Подобное поведение указывает на неспособность к самонастройке и требует целенаправленного педагогического вмешательства.

Дополнительную ценность для понимания механизмов адаптации представляют данные о корреляции адаптационного процесса с уровнем тревожности. По мнению О. В. Захаровой, высокий уровень ситуативной тревожности существенно снижает вероятность успешной адаптации, поскольку приводит к дестабилизации когнитивных процессов, нарушению целеполагания и отказу от попыток преодоления учебных трудностей [8]. Адаптационная поддержка, по ее мнению, должна быть ориентирована на снижение тревожного фона с помощью формирования стратегий преодоления.

В российской практике все чаще применяются инструменты диагностики адаптационного состояния на основе психометрических шкал, позволяющих установить не только латентные механизмы дезадаптации, но и своевременно выявить студентов, находящихся в зоне риска, и обеспечить точечную интервенцию.

Поэтому особенно актуально создание программ психолого-педагогического сопровождения первокурсников, в которых адаптационные механизмы рассматриваются не только как предмет диагностики, но и как объект педагогического проектирования.

Цель исследования: изучить особенности социальной адаптации студентов колледжа.

Методы. В рамках представленной темы было проведено эмпирическое исследование на выборке, которую составили 40 человек в возрасте от 16 до 18 лет.

Для решения исходных задач применялся комплекс диагностических методик: 1) шкала Ч. Спилберга – Ю. А. Ханина для оценки ситуативной и личностной тревожности; 2) методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда; 3) методика изучения мотивации учебной деятельности (А. А. Реан, В. А. Якунин, в модификации Н. Ц. Бадмаевой); 4) методика диагностики общей самооценки личности (Г. Н. Казанцева). Математико-статистический анализ полученных данных проведен с помощью корреляционного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование социально-психологической адаптации студентов колледжа, их личностных особенностей проводилось среди первокурсников на начальном этапе обучения, который совпадал с первым этапом адаптации. В этот период у обучающихся колледжа преобладают

высокая мотивация, воодушевление и так называемое «праздничное настроение», они часто идеализируют студенческую жизнь и недооценивают объем предстоящей учебной работы, что в будущем может привести к эмоциональному спаду, тревоге, усталости, разочарованию. Зачастую у некоторых студентов это состояние перерастает во враждебность, страх, что в поведении может выражаться в конфликтности или избегании активных форм коммуникации и деятельности [18; 20].

Как показывают результаты многочисленных исследований, у большинства студентов доминируют такие же представления об учебно-воспитательном процессе в новом образовательном учреждении, которые были характерны для школьной жизни.

Исследование социально-психологической адаптации испытуемых показало, что у большинства студентов средний уровень адаптивности (43,8 %), почти у третьей части – высокий (31,7 %) и около четверти – низкий (24,5 %). В целом, результаты показали, что большинство студентов-первокурсников успешно адаптировались к образовательному процессу колледжа, вошли в новую систему социальных отношений и нашли свое место в ней, они активно усвоили нормы, ценности и правила поведения в этом образовательном учреждении, освоили новую социальную роль. Студенты этой группы показали результаты в пределах нормы, их данные распределились по средним и высоким значениям по следующим интегральным показателям:

- интернальность (отражает, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом собственной деятельности и насколько он способен принимать ответственность за события, происходящие в его жизни);
- принятие других (отражает уровень дружелюбности к окружающим людям и к миру);
- самопринятие (отражает степень дружелюбности по отношению к собственному «Я»);
- эмоциональная комфортность (отражает характер преобладающих эмоций в жизни обследуемого);
- стремление к доминированию (отражает степень стремления человека доминировать в межличностных отношениях).

Вместе с тем почти четвертая часть обучающихся (24,5 %) не смогли выработать новые способы поведения в образовательной системе колледжа, позволяющие им в наибольшей степени соответствовать своему новому статусу, им не удалось привыкнуть к новому коллективу, завести друзей и наладить отношения с преподавателями, т. е. они не выработали устойчивые стратегии адаптации и нуждаются в психологической помощи. Для испытуемых этой группы характерен внешний локус контроля, они склонны приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним факторам, низкий уровень принятия других и себя, они не склонны к доминированию, не стремятся к лидерству и руководству в решении задач, у них выражены отрицательные эмоциональные состояния: тревожность, беспокойство, иногда – апатия.

Анализ результатов исследования мотивационной структуры первокурсников выявил доминирование профессиональных и учебных мотивов в структуре учебной деятельности студентов: так, учебные мотивы занимают первое место, что указывает на присутствие подлинного интереса к получению знаний и процессу обучения. Второе место в рейтинге мотивов заняли профессиональные мотивы, что говорит

о выраженной ориентации студентов на будущую карьеру и понимании связи между текущим обучением и профессиональными перспективами. Социальные мотивы также занимают значимое место в мотивационной структуре, что может отражать стремление студентов приносить пользу обществу через свою будущую профессиональную деятельность. Изучение корреляции адаптивности и мотивов учебной деятельности выявило положительную связь адаптивности с учебной и профессиональной мотивацией ($r = 0,68, p \leq 0,001$ и $r = 0,62, p \leq 0,001$ соответственно) и обратную связь с мотивом избегания ($r = 0,58, p \leq 0,001$).

Исследование тревожности первокурсников выявило, что подавляющее большинство студентов показывают умеренный уровень ситуативной тревожности. Это указывает на то, что текущие стрессовые факторы (например, учебная нагрузка, экзамены) воспринимаются студентами как контролируемые и не вызывают чрезмерного напряжения. Показатели личностной тревожности демонстрируют иные тенденции, почти у пятой части (19,5 %) испытуемых выявлен высокий уровень личностной тревожности, что показывает устойчивую склонность к тревоге как личностной черте, а это может негативно влиять на академическую успеваемость, социальную адаптацию и психологическое благополучие. Эта группа требует особого внимания, включая консультации психолога и проведение тренингов по управлению тревогой. Исследование показало отрицательную связь между реактивной тревожностью и эмоциональным комфортом ($r = -0,68, p \leq 0,001$), положительную корреляцию личностной тревожности с параметром «непринятие себя» ($r = 0,78, p \leq 0,001$), отрицательную корреляцию между личностной тревожностью и параметром «принятие себя» ($r = -0,69, p \leq 0,001$), положительную корреляцию личностной тревожности с показателями «внешний контроль» ($r = 0,67, p \leq 0,001$) и «ведомость» ($r = 0,58, p \leq 0,001$).

Важным психологическим фактором успешной социальной адаптации считается самооценка, она отражает восприятие человеком собственных способностей, достоинств и возможностей. Для первокурсников колледжа, находящихся на этапе адаптации к новой образовательной среде, уровень самооценки может быть существенно связан с их академической успеваемостью. Более половины первокурсников колледжа (55 %) показали высокий уровень самооценки, что считается хорошим показателем и может говорить об оптимизме и вере в свои способности. Низкий уровень самооценки выявлен у 12,5 % студентов. Они могут сталкиваться с внутренними или внешними барьерами, такими как страх неудачи, недостаточная подготовка к учебной нагрузке или сложности в социальной адаптации. Анализ взаимосвязи адаптивности и самооценки выявил положительную корреляцию самооценки с такими интегральными показателями, как эмоциональный комфорт ($r = 0,60, p \leq 0,001$), принятие себя ($r = 0,65, p \leq 0,001$), внутренний контроль ($r = 0,53, p \leq 0,001$).

Выводы:

1. Исследование социально-психологической адаптации студентов колледжа показало, что у большинства первокурсников средний уровень адаптивности (43,8 %), примерно у третьей части – высокий (31,7 %) и около четверти – низкий (24,5 %).
2. Анализ результатов исследования мотивационной структуры первокурсников выявил доминирование профессиональных и учебных мотивов в структуре учебной деятельности студентов.
3. В процессе исследования тревожности было установлено, что 19,5 % испытуемых показали высокий уровень личностной тревожности, что может говорить об устойчивой склонности к тревоге как личностной черте.

4. Более половины первокурсников колледжа (55 %) показали высокий уровень самооценки, что считается хорошим показателем и говорит о проявлении оптимизма и веры в свои способности, низкий уровень самооценки выявлен у 12,5 %.

5. Исследование связи интегральных показателей адаптации и психологических особенностей студентов-первокурсников выявило:

а) положительную связь между адаптивностью и выраженностью учебных мотивов ($r = 0,68$, $p \leq 0,001$), адаптивностью и представленностью профессиональных мотивов ($r = 0,62$, $p \leq 0,001$), личностной тревожностью и уровнем внешнего контроля ($r = 0,67$, $p \leq 0,001$), личностной тревожностью и уровнем ведомости ($r = 0,58$, $p \leq 0,001$), самооценкой и параметром «эмоциональный комфорт» ($r = 0,60$, $p \leq 0,001$), самооценкой и параметром «принятие себя» ($r = 0,65$, $p \leq 0,001$), самооценкой и параметром «внутренний контроль» ($r = 0,53$, $p \leq 0,001$);

б) отрицательную связь между проявлением реактивной тревожности и параметром «эмоциональный комфорт» ($r = -0,68$, $p \leq 0,001$), выраженностью личностной тревожности и параметром «принятие себя» ($r = -0,69$, $p \leq 0,001$).

Результаты исследования позволяют опираться на них при разработке программ социальной адаптации и предупреждения дезадаптации студентов, обучающихся в средне-специальных учебных заведениях.

Список источников

1. *Абульханова-Славская К. А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981. – С. 19–44.
2. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
3. *Андреева Д. А.* О понятии «адаптация»: исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. – 1978. – Вып. 3. – С. 10–18.
4. *Асмолов А. Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2019. – 448 с.
5. *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности. – М.; Воронеж: Слово, 1995. – 276 с.
6. *Бобылев Е. Л.* Актуальные направления психологического сопровождения студентов в вузе как факторы профилактики отклоняющегося поведения // Актуальные вопросы аддиктологии. – Нижний Новгород: Приволжский исследовательский медицинский университет, 2023. – С. 31–36.
7. *Дубровин Д. Н.* Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 21 с.
8. *Захарова О. В.* Влияние тревожности на эффективность адаптации студентов первого курса к учебному процессу // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2024. – № 1 (36). – С. 52–56.
9. *Карнелович М. М.* Психолого-педагогическое сопровождение студентов с высоким уровнем тревожности // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. – С. 173–177.
10. *Касьяненко А. А., Чарина Е. В., Бахтина Н. Н.* Особенности адаптации к обучению в вузе и запрос на психологическую поддержку у студентов // Психологическая служба университета: проблемы и перспективы развития. – М.: Российская академия образования, 2024. – С. 216–221.
11. *Кряжева И. К.* Социально-психологические факторы адаптированности личности: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1980. – 187 с.

12. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16–24.
13. Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегия). – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. – 272 с.
14. Никонова Л. П. Феномен адаптации как предмет научной рефлексии [Электронный ресурс] // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 1 (43). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-adaptatsii-kak-predmet-nauchnoy-refleksii> (дата обращения: 28.05.2025).
15. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. – М.: МПГУ, 2022. – 524 с.
16. Тюрина Н. В. Понятие адаптации в современной психологии [Электронный ресурс] // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. – 2007. – № 5. – С. 152–156. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-adaptatsii-v-sovremennoy-psihologii> (дата обращения: 28.05.2025).
17. Швацкий А. Ю. Психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации обучающихся к образовательной среде колледжа // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2021. – № 3 (36). – С. 391–395.
18. Berry J. A psychology of immigration // Journal of Social Issues. – 2001. – № 57. – P. 615–631.
19. Kim Y. Adapting to a new culture: an integrative communication theory // Theorizing about intercultural communication / ed. by W. Gudykunst. – Thousand Oaks: Sage, 2005. – P. 375–400.
20. Shibutani T. Society and personality: an interactionist approach to social psychology. Prentice-Hall. – New Jersey: Englewood Cliffs, 1961. – 630 p.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Personality development in the process of life activity. Psychology of personality formation and development. Moscow: Science, 1981, pp. 19–44. (In Russian)
2. Ananyev B. G. Man as an object of cognition. Saint Petersburg: Peter, 2001, 288 p. (In Russian)
3. Andreeva D. A. On the concept of “adaptation”: a study of students’ adaptation to university study conditions. *Man and Society*, 1978, iss. 3, pp. 10–18. (In Russian)
4. Asmolv A. G. Psychology of personality: a cultural-historical understanding of human development. Moscow: Smysl, 2019, 448 p. (In Russian)
5. Bozhovich L. I. Problems of personality formation. Moscow; Voronezh: Word, 1995, 276 p. (In Russian)
6. Bobilev E. L. Current directions of psychological support for university students as factors in the prevention of deviant behavior. Current issues in addictology. Nizhny Novgorod: Privolzhsky Research Medical University, 2023, pp. 31–36. (In Russian)
7. Dubrovin D. N. Psychological adaptation as a factor of personal self-determination: diss. ... cand. of psychol. sciences. Moscow, 2005, 21 p. (In Russian)
8. Zakharova O. V. The influence of anxiety on the effectiveness of first-year students’ adaptation to the educational process. *Bulletin of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities*, 2024, no. 1 (36), pp. 52–56. (In Russian)
9. Karnelovich M. M. Psychological and pedagogical support for students with high levels of anxiety. Higher education: experience, problems, prospects: proceedings of the XVI International Scientific-Practical conference. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN), 2023, pp. 173–177. (In Russian)
10. Kasyanenko A. A., Charina E. V., Bakhtina N. N. Features of adaptation to study at a university and the request for psychological support among students. Psychological

service of the university: problems and development prospects. Moscow: Russian Academy of Education, 2024, pp. 216–221. (In Russian)

11. Kryazheva I. K. Socio-psychological factors of personality adaptability: diss. ... cand. psychol. sciences. Moscow, 1980, 187 p. (In Russian)
12. Maklakov A. G. Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions. *Psychological Journal*, 2001, vol. 22, no. 1, pp. 16–24. (In Russian)
13. Nalchadzhyan A. A. Socio-psychological adaptation of personality (forms, mechanisms, and strategy). Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1988, 272 p. (In Russian)
14. Nikonova L. P. The phenomenon of adaptation as a subject of scientific reflection [Electronic resource]. *Problems of Modern Science and Education*, 2016, no. 1 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-adaptatsii-kak-predmet-nauchnoy-refleksii> (date of access: 28.05.2025). (In Russian)
15. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice. Moscow: MPGU, 2022, 524 p. (In Russian)
16. Tyurina N. V. The concept of adaptation in modern psychology [Electronic resource]. *Oil and Gas Technologies and Environmental Safety*, 2007, no. 5, pp. 152–156. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-adaptatsii-v-sovremennoy-psihologii> (date of access: 28.05.2025). (In Russian)
17. Shvatsky A. Yu. Psychological and pedagogical support of the process of students' adaptation to the educational environment of the college. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2021, no. 3 (36), pp. 391–395. (In Russian)
18. Berry J. A psychology of immigration. *Journal of Social Issues*, 2001, no. 57, pp. 615–631.
19. Kim Y. Y. Adapting to a new culture: an integrative communication theory. Theorizing about intercultural communication. Ed. by W. Gudykunst. Thousand Oaks: Sage, 2005, pp. 375–400.
20. Shibutani T. Society and personality: an interactionist approach to social psychology. Prentice-Hall. New Jersey: Englewood Cliffs, 1961, 630 p.

Информация об авторе

Н. В. Попель – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-9073-1194>, nine1@mail.ru.

Information about the author

N. V. Popel – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics, Russian State Social University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-9073-1194>, nine1@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 20.02.2026.

The article was submitted 16.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 20.02.2026.

Развитие человека в современном мире. 2026. № 1
Human Development in the Modern World. 2026, no. 1

О Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Большуновские чтения: психология и культура», посвященной научной династии Большуновых

8 октября 2025 г. на базе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Большуновские чтения: психология и культура», посвященная научной династии Большуновых.

В работе конференции приняли участие более 190 человек из различных регионов России и ближнего зарубежья. Широта охвата целевой аудитории говорит о значительном научном интересе к проблематике конференции и признании авторитета научной школы Н. Я. Большуновой в профессиональном сообществе.

Работа конференции началась с пленарного заседания, которое открыла Т. А. Ромм, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе НГПУ. В своем приветственном слове она выразила благодарность династии Большуновых за их неоценимый вклад в развитие психологической науки. По итогам приветственной части Наталье Яковлевне была торжественно вручена Почетная грамота Губернатора Новосибирской области А. А. Травникова.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась дочь Андрея Яковлевича Большунова – София Андреевна Большунова, которая поделилась воспоминаниями об отце в контексте представлений о его научном подходе.

Доклад Н. Я. Большуновой был посвящен жизненному пути и научным исследованиям отца, Я. В. Большунова, а также анализу его работ по системному строению произвольного воспроизведения.

О. А. Белобрыкина, кандидат психологических наук, доцент НГПУ, затронула историю и преемственность научной династии Большуновых.

М. К. Кабардов, доктор психологических наук, профессор, поделился личными воспоминаниями о сотрудничестве с Натальей Яковлевной.

В рамках пленарного заседания были представлены научно-исследовательские доклады В. С. Чернявской, доктора педагогических наук, профессора ВВГУ; С. А. Степанова, заместителя директора Института образования НИ ТГУ; О. А. Устиновой, кандидата психологических наук, доцента КемГУ; А. Г. Тюрикова, доктора социологических наук, профессора. Представленные на конференции доклады, будучи тематически разнообразными, объединены сквозными темами, которые составляют ядро научного поля исследований Н. Я. Большуновой: субъектность, преемственность, социокультурный контекст развития и деятельностный подход. Во второй половине дня работа конференции продолжилась в рамках тематических секций: «Актуальные проблемы социокультурного развития личности в современных условиях» и «Социально-психологические условия формирования субъектности и духовно-нравственного становления личности». На секциях педаго-

ги, специалисты-практики, магистранты и студенты из различных городов России представили собственные научно-исследовательские работы из разных областей психологии.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Большуновские чтения: Психология и культура» стала знаковым событием и признанием значимости научной школы Н. Я. Большуновой, ее востребованности в психологическом сообществе. Многолетний труд и значительный вклад Натальи Яковлевны в психологическую науку – от исследований субъектности и индивидуальности до разработки инновационных образовательных программ для дошкольников – определяет современные направления исследований в области психологии развития, личности и образования. Перспективы развития научных исследований, заложенные Н. Я. Большуновой, видятся в дальнейшей интеграции психологического знания с культурологическим и антропологическим подходами, в углубленном изучении механизмов социокультурного развития личности в современных условиях, а также в расширении практического внедрения уже разработанных концепций в систему образования. Основы, заложенные в рамках научной школы Н. Я. Большуновой, обладают значительным потенциалом для дальнейшего развития и продолжают развиваться в работах ее учеников и последователей.

Ольга Олеговна Андронникова,
кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет

Татьяна Валентиновна Белашина,
кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей психологии
и истории психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет

Olga Olegovna Andronnikova,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor,
Dean of the Faculty of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University

Tatyana Valentinovna Belashina,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of General Psychology
and History of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University

О Всероссийском форуме «Психология – образованию: психолого-педагогические аспекты современного образования»

На базе ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» 20–21 ноября 2025 г. состоялся Всероссийский форум «Психология – образованию: психолого-педагогические аспекты современного образования». Форум был посвящен Дню психолога, поэтому его цели не ограничивались обсуждением актуальных теоретических проблем современной психологии, но в значительной мере содержание деятельности его участников было направлено на психологическую практику. Наиболее важные вопросы стали основой работы четырех дискуссионных площадок: «Психолого-педагогические аспекты работы психолога в образовательных организациях СПО»; «Психолого-педагогические аспекты личностно-профессионального развития субъектов образования и сопровождение обучающихся, находящихся в кризисной ситуации»; «Психолого-педагогические аспекты сопровождения служб медиации и формирование психологически безопасной образовательной среды»; «Психолого-педагогические аспекты профилактики отклоняющегося поведения. Работа с обучающимися, требующими особого внимания».

Открытие форума началось с пленарного заседания, где были представлены доклады, раскрывающие проблематику участников форума и позволяющие актуализировать проблемный потенциал участников дискуссионных площадок.

Светлана Алигарьевна Минюрова, руководитель Центра развития педагогического образования и Центра междисциплинарных исследований в сфере наук об образовании Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, представила доклад *«Актуальные задачи развития практико-ориентированной психолого-педагогической науки»*.

Ирина Александровна Баева, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, профессор кафедры психологии развития и образования, заведующий лабораторией «Психологическая культура и безопасность образования» ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», главный научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН, выступила с докладом *«Психологическая безопасность студентов в напряженной социальной среде: технологии сопровождения»*.

Надежда Николаевна Болтенко, Уполномоченный по правам ребенка в Новосибирской области, представила сообщение *«Здоровьесберегающие технологии в медико-психологической работе: проблемы и перспективы»*.

Ольга Олеговна Андронникова, декан факультета психологии, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ», выступила с сообщением *«Формирование психологической устойчивости у ребенка: инструменты сопровождения в кризисные периоды»*.

Наталья Яковлевна Большунова, доктор психологических наук, профессор, заведующий НИЛ «Психологическая антропология и дифференциальная психология» ФГБОУ ВО «НГПУ», представила доклад *«Историческая память: психология и педагогика развития в подростковом и юношеском возрасте»*.

В рамках форума состоялось годичное собрание регионального отделения федерации психологов образования, руководителем которого является О. О. Андронникова, кандидат психологических наук, декан факультета психологии, доцент кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО «НГПУ».

Проведена также особенно актуальная в современной социокультурной ситуации стратегическая сессия «Технологии обучения и воспитания ребенка в цифровую эпоху: здоровьесбережение, взаимодействие классных руководителей и родителей».

Основным содержанием как пленарной части, так и дискуссионных площадок являлся анализ современного состояния и тенденций развития практической психологии в образовании, миссии психологии в современной социокультурной ситуации: обсуждались предлагаемые участниками варианты помощи практических психологов семье и школе, программы развития детей и подростков, результаты научных исследований ученых, аспирантов, специалистов-практиков и студентов.

В работе форума очно и онлайн приняли участие практики, ученые, студенты, аспиранты из многих больших и малых городов России (Новосибирск и НСО, Новокузнецк, Ноябрьск, Москва, Санкт-Петербург, Самара, Ставрополь, Сургут, Омск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Кемерово, Набережные Челны, Великие Луки, Белгород, Котлас, Тольятти, Владикавказ, Барнаул, Майкоп, Лесосибирск, Якутск, Иркутск, Краснодар, Хабаровск, Удомля, Мурманск, Новый Майзас, Кировск и др.).

Оживленное и заинтересованное обсуждение проблем практической психологии говорит о потребности практиков и ученых в подобных мероприятиях, которые кафедра общей психологии и истории психологии, факультет психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» планируют проводить регулярно в сотрудничестве с РАО, Министерством образования Новосибирской области, Новосибирским отделением РПО, ФПО России, вузами и образовательными организациями Новосибирска и других городов России.

Наталья Яковлевна Большунова,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий лабораторией психологической антропологии
и дифференциальной психологии,
руководитель Новосибирского отделения
Российского психологического общества

Natalia Yakovlevna Bolshunova,
Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Laboratory of Psychological Anthropology and Differential Psychology,
Head of the Novosibirsk Branch of the
Russian Psychological Society

О VIII Международном фестивале психологии «Совесь как социокультурная целостность индивидуальности»

На базе КГПИ КемГУ с 21 по 27 ноября состоялся уже традиционный для Новокузнецка VIII Международный фестиваль психологии «Совесь как социокультурная целостность индивидуальности». Участники фестиваля: преподаватели вузов, школьные педагоги, студенты из разных городов России и ближнего зарубежья.

На пленарном заседании выступили известные ученые: с темой «Проблема совести в российском менталитете, возможности ее развития у детей» выступила Наталья Яковлевна Большунова – руководитель Новосибирского отделения РПО, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и истории психологии ФГБОУ ВО НГПУ (г. Новосибирск); Елена Константиновна Веселова – профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии Института психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (г. Санкт-Петербург) представила сообщение «Совесь в социокультурном контексте», Ольга Анатольевна Устинова – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и общей педагогики КГПИ КемГУ (г. Новокузнецк) выступила с докладом «Диалог с совестью как основа социокультурного самоопределения индивидуальности»; Ирина Викторовна Григоричева, кандидат психологических наук, доцент Института психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» (г. Барнаул) представила сообщение по теме «Специфика личностных смыслов и ценностей волонтеров: феномен совести как внутреннего регулятора»; Александр Хошимович Сатаров – кандидат педагогических наук, доцент кафедры креативной педагогики и психологии Наманганского государственного педагогического института (г. Наманган, Узбекистан) выступил по проблеме «Совесь как социокультурная целостность формирования личности» и др.

Духовно-нравственный контекст диалогу на пленарном заседании был задан выступлениями иерея Вячеслава Богомазова – руководителя отдела образования и катехизации Новокузнецкой епархии (тема «Христианское учение о совести»); иерея Тимофея Гайибова – руководитель отдела по взаимодействию с Вооруженными силами, правоохранительными органами и казачеством Новокузнецкой епархии (тема «Духовно-нравственные аспекты совести»); иерея Дмитрия Казанцева – руководитель миссионерского отдела Новокузнецкой епархии (тема «Особенности духовно-нравственного диалога в работе с детьми и молодежью»).

В работе секций («Социокультурные и духовно-нравственные проблемы развития индивидуальности», «Развитие индивидуальности детей и молодежи в современных социокультурных условиях») участвовали молодые ученые, студенты, магистранты.

Все выступающие актуализировали понимание совести как духовно-нравственного и психологического феномена в жизни человека, акцентировали важность развития и воспитания для полноценного развития индивидуальности. Выступление Елены Анатольевны Осовской – руководителя воскресной школы храма пророка Божия Илии – подчеркнуло практическую востребованность в обращении к совести в работе с детьми (тема «“Ответчивость” детей социокультурным и духовно-нравственным смыслом в проекте “Спроси у Совести”»).

Фестиваль состоял из нескольких мероприятий: круглый стол для педагогов и родителей «Спроси у Совести», который проходил в храме пророка Божия Илии; дискуссионная площадка «Социокультурные проблемы развития индивидуальности в условиях современного лицея» в МБ НОУ «Лицей № 111»; диалог с родителями «Воспитание совести» на базе МБ ДОУ «Детский сад № 185»; круглый стол для родителей «Как жить по совести?» в МБ НОУ «Лицей № 111» (г. Новокузнецк).

Работа фестиваля показала востребованность обсуждения подобных проблем. Она проходила в контексте научно-практической значимости обсуждаемых вопросов в диалоговой, теплой и дружеской атмосфере. Участники сообщили о насыщенности программы, высокой значимости фестиваля, об удовольствии от общей плодотворной работы, актуализации мотивации для продолжения деятельности в данном направлении.

Ольга Анатольевна Устинова,
доцент кафедры психологии и общей педагогики, КГПИ КемГУ,
руководитель центра «МИР»,
куратор службы примирения МБ НОУ «Лицей № 111»,
практикующий психолог

Olga Anatolyevna Ustinova,
Associate Professor of the Department of Psychology and General Pedagogy,
KSPI of Kemerovo State University, Head of the MIR Center,
Curator of the Reconciliation Service at Lyceum No. 111,
Practicing Psychologist

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в рецензируемом научном периодическом журнале «Развитие человека в современном мире», отражающем проблемы современной теоретической и практической психологии. Журнал выходит 4 раза в год.

Учредитель журнала – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет».

Журнал адресован преподавателям вузов и средне специальных учебных заведений, научным сотрудникам, практикующим психологам и педагогам, аспирантам, соискателям, магистрантам и студентам в психолого-педагогической области.

Авторами публикаций в журнале являются профессорско-преподавательский состав вузов, докторанты, аспиранты, магистранты, работники системы общего и дополнительного образования.

Требования к статьям и условия публикации в журнале:

1. Общие положения.

1.1. Редакцией не принимаются к рассмотрению материалы публиковавшихся ранее научных статей, а также материалы, не соответствующие изложенным требованиям и рекламные материалы.

1.2. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (не в соавторстве с научным руководителем) предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

1.3. Редакционная коллегия производит отбор поступивших материалов и распределяет их по рубрикам. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей с сохранением авторского варианта научного содержания. В случае необходимости редколлегия вступает в переписку с авторами по электронной почте и может обратиться с просьбой о доработке материалов. Статьи, не соответствующие перечисленным требованиям, не публикуются и почтовой пересылкой не возвращаются.

1.4. Вознаграждение (гонорар) за опубликованные научные статьи не выплачивается.

1.5. Автор (соавторы), в соответствии с приведенными ниже требованиями, условиями, оформляет необходимые материалы: сопроводительные документы и рукопись статьи в электронном виде. В электронном виде материалы передаются по электронной почте.

1.6. Дополнительные условия публикации высылаются по запросу по электронной почте.

1.7. Редакция имеет право частично или полностью предоставлять материалы научных статей в российские и зарубежные организации, обеспечивающие индекс научного цитирования, а также размещать данные материалы на интернет-сайте журнала.

2. Требования к материалам и рукописям.

2.1. Автор предоставляет в редакцию текст статьи и заявку в виде отдельных файлов в редакторе Microsoft Word. Аспиранты, соискатели и магистранты, публикующиеся самостоятельно (без соавтора с научным руководителем), также прилагают отзыв научного руководителя на статью.

2.2. Рукопись статьи должна включать в себя текст статьи, а также пристатейные материалы:

- а) УДК (на русском языке);
- б) данные об авторе (на русском и английском языках);
- в) заголовок статьи (на русском и английском языках);
- г) аннотация (на русском и английском языках);
- д) ключевые слова (на русском и английском языках);
- е) список источников (на русском языке, в алфавитном порядке)
- ж) References (литература на английском языке).

2.3. Объем статьи может составлять до 30 тыс. печ. знаков. Рукописи, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению по согласованию с редакцией. Текст печатается в формате Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5. Поля страницы – по 2,5 см с каждого края.

2.4. Аннотация должна соответствовать содержанию статьи и отражать ее структуру. Рекомендуется в статьях, содержащих результаты эмпирического исследования, в структуру аннотации включать: введение, цель статьи, методы, результаты, обсуждение результатов, выводы. В теоретических статьях рекомендуется в аннотацию включать: введение, цель статьи, основная часть (в основной части могут выделены соответствующие тематические подразделы (параграфы), выводы.

Текст аннотации должен отличаться содержательностью, компактностью и отсутствием лишней для читателя информацией. Объем аннотации не менее 200 – 250. Шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, выравнивание по ширине.

2.5. Ключевые слова: 5–10 слов, по которым статьи могут быть найдены в электронных поисковых системах. Шрифт Times New Roman, кегль 11, интервал одинарный, отступа первой строки нет, интервал после абзаца 12 пт.

2.6. Текст статьи. При подготовке рукописи автору необходимо определиться с жанром – теоретическое, эмпирическое или методическое исследование.

В структуру статей, описывающих **эмпирические исследования**, рекомендуется включать следующие разделы: ВВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ, ВЫВОДЫ. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой, содержание рукописи должно отражать новизну исследовательского подхода автора.

В статьях **теоретической направленности** рекомендуется выделять следующие разделы: ВВЕДЕНИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ (в основной части могут быть выделены соответствующие тематические подразделы (параграфы), ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой. Во ВВЕДЕНИИ должна быть сформулирована цель статьи, содержание статьи должно отражать новизну теоретической позиции автора.

В статьях **методической направленности** рекомендуется выделять ВВЕДЕНИЕ, предлагаемые МЕТОДЫ (психологической помощи, психоконсультирования, психокоррекции, исследовательские методы, развития личности, психических процессов и пр.) и их обоснование, РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ,

ВЫВОДЫ. Выделенные разделы рукописи должны быть согласованы между собой. Во **ВВЕДЕНИИ** должна быть сформулирована цель статьи.

2.7. Список источников. Помещается в конце статьи после подзаголовка. В список должны войти научные источники, отражающие современное состояние исследований по проблеме. Список оформляется в алфавитном порядке по ГОСТ Р 7.05-2008. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках, помещаются после упоминания в тексте соответствующего источника и содержат номер указанного источника в списке, при цитировании – страницы.

Все источники, на которые были даны ссылки в тексте, должны быть включены в список источников. Авторы должны специально проверить это соответствие!

В рукописи должны быть представлены источники на русском и иностранных языках (рекомендуемая доля иностранных источников не менее 30 %, от общего количества). Литература должна отражать современное состояние проблемы исследования. Литература составляется в алфавитном порядке – сначала русскоязычные, затем – иностранные источники. Для эмпирических и методических статей список литературы должен включать не менее 15 источников, для теоретических – не менее 25. References оформляется в соответствии с требованиями.

2.8. Рисунки и таблицы. Текст статьи может включать таблицы, а также графические материалы (рисунки, графики, фотографии и др.). Данные материалы должны иметь сквозную нумерацию и названия. На все таблицы и графические материалы должны быть сделаны ссылки в тексте статьи. При этом данные объекты должны быть расположены после ссылок на них. Шрифт надписей внутри рисунков, графиков, фотографий и других графических материалов Times New Roman, размер кегля 12, межстрочный интервал 1,0 (одинарный). Рисунки и схемы сохраняются как картинки (они не должны быть редактируемыми в текстовом редакторе Word).

3. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей.

3.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию, подлежат обязательному рецензированию.

3.2. После получения материалов научной статьи ответственный секретарь проводит оценку правильности оформления и достаточности полученных материалов. В случае отклонений от установленных требований материалы возвращаются автору по электронной почте на доработку.

3.3. Зарегистрированные материалы научной статьи направляются для рассмотрения на рецензию. Рецензирование рукописей статей, представленных для публикации в журнале «Развитие человека в современном мире», организуется редакционной коллегией. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на редакционную коллегию.

3.4. К рецензированию привлекаются ученые, имеющие признанный авторитет и работающие в области знаний, к которой относится содержание рукописи.

3.5. Рецензенты обращают внимание на следующие вопросы: соответствие названия статьи ее содержанию; соответствие аннотации содержанию статьи; актуальность данной темы; новизна данной темы (данного исследования); теоретическая / методическая направленность данной работы; теоретическая / практическая значимость данной работы; терминологическая база работы, ссылки на другие источники и цитаты; использование научных библиографических источников, индексированных в базах данных (РИНЦ, SCOPUS). При положительной рецензии статья включается в план публикации соответствующего тематического раздела журнала.

Автора уведомляют о включении статьи в план публикации. Сроки и очередность опубликования устанавливаются редакцией с учетом количества статей, находящихся в плане публикации соответствующего тематического раздела журнала. При получении рецензии на статью с замечаниями о возможности опубликования ответственный секретарь направляет автору по электронной почте рукопись статьи с формулировкой «На доработку» с замечаниями.

3.6. Редакция оставляет за собой право отклонения статей. В случае отклонения рукописи рецензентом автору направляется мотивированный отказ.

3.7. Статьи аспирантов, соискателей и магистрантов принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя.

3.8. Все статьи должны пройти оценку в системе Антиплагиат. К рецензированию допускаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 % (проверяется весь текст статьи, за исключением библиографического списка).

3.9. Более подробные требования к оформлению статьи можно найти на сайте журнала

3.10. В связи с размещением журнала в системе РИНЦ с авторами заключаются договоры, предусматривающие передачу авторских прав на конкретную статью издателю журнала. Договор в бумажном виде привозится автором лично, отправляется по почте России, либо сканированный вариант подписанного договора высылается на электронную почту.

Наш адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская 28, НГПУ, кафедра общей психологии и истории психологии.

Тел./факс: 8 (383) 244-00-95.

E-mail: razv.cheloveka.journal@nspu.ru